

18+

Александр Афанасьев

БЛИЖНИЙ КРУГ

Пятый роман эпопеи
«Противостояние»

Александр Афанасьев

**Ближний круг. Пятый роман
эпопеи «Противостояние»**

«Издательские решения»

Афанасьев А.

Ближний круг. Пятый роман эпопеи «Противостояние» /
А. Афанасьев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-551040-2

Концепция «трех кругов» подразумевает: дальний круг — снайперы и хорошо вооруженные ударные группы, они должны предпринимать все превентивные меры безопасности. Средний круг — скрытно вооруженные телохранители в штатском, составляющие собственно Личный конвой. Ближний круг — всего несколько человек, они находятся от охраняемой персоны на расстоянии не далее вытянутой руки и очень легко вооружены. В ближний круг — берут только особо преданных людей.

ISBN 978-5-00-551040-2

© Афанасьев А.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Пролог. Воздушное пространство над Ближним Востоком. Борт самолета Б-747 авиакомпании Cathay Pacific. Рейс Даллас – Эр Рияд. 11 января 1988 года	6
Дорога Эр Рияд – Военный городок Кинг Халид. Тот же день	9
Копья Аллаха. Где-то в пустынях Саудовской Аравии. Январь 1988 года	19
Dum spigo sprego12... Персидский залив. Рыболовное судно «Аль-Ах». Тот же день	25
Саудовская Аравия. Станция перекачки нефти. Январь 1988 года	29
Саудовская Аравия. Пустыня. Январь 1988 года	32
США, штат Мэриленд. Кэмп-Дэвид. Январь 1988 года	36
Околосемная орбита	38
Белый дом. Вашингтон, округ Колумбия	40
Сирия. Кусаа, Дамаск. Штаб разведки ВВС. 11 июля 1988 года	45
США. Лэнгли, штат Виргиния. 10 июля 1988 года	50
Ирак, близ Баакубы. База полка Коммандос. 14 июля 1988 года	63
Ирак, близ Баакубы. База полка Коммандос. 14 июля 1988 года	79
За линией фронта. Западный Иран. Операция Мухаджир-1. 18 июля 1988 года	89
Ирак, Багдад. Посольство СССР в Ираке. 18 июля 1988 года	99
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Ближний круг

Пятый роман эпопеи «Противостояние»

Александр Афанасьев

*Все ругают тебя
Дорогой мой Саддам,
Но в обиду тебя
Никому я не дам.
Ты за черное золото,
В курсе один
И в борьбе за него,
Ты дожил до седин.*

*Саддам Хусейн, привет Саддам
Привет бродягам и ворам,
А нефть бежит по трубам там
Живет Ирак, цветет Иран.*

Саддам Хусейн, Саддам, Саддам Хусейн, Саддам...

Живет Ирак...

Мистер Кредо

© Александр Афанасьев, 2023

ISBN 978-5-0055-1040-2 (т. 5)

ISBN 978-5-0055-0646-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Термин «Ближний круг» – предположительно впервые появился в Испании. Когда специалисты израильской и американской секретной службы организовывали охрану нового испанского монарха (напомню, что в истории Испании было, когда монарх был убит вместе с членами своей семьи во время покушения) – они разработали концепцию «трех кругов». Дальний круг – снайперы и хорошо вооруженные ударные группы, они должны не допустить приближения возможных убийц к месту нахождения охраняемого лица и предпринимать все превентивные меры безопасности. Средний круг – скрытно вооруженные телохранители в штатском, составляющие собственно Личный конвой и обязанные вступить в бой при обнаружении угрозы. Ближний круг – всего несколько человек, они находятся от охраняемой персоны на расстоянии не далее вытянутой руки и очень легко вооружены. Их единственная обязанность – прикрывать охраняемую персону, если покушение все же состоялось, в том числе своим телом. В ближний круг – берут только особо преданных людей.

Автор.

Часть 1

Пролог. Воздушное пространство над Ближним Востоком. Борт самолета Б-747 авиакомпании Cathay Pacific. Рейс Даллас – Эр Рияд. 11 января 1988 года

Рейс в Эр-Рияд из Далласа называли «черным», потому что большую часть пассажиров на борту составляли нефтяники. И руководители нефтяников – но они летели первым классом, или, как тут говорили – вторым этажом, потому что в огромном Боинге первый класс находился на втором этаже, как и пилотская кабина. Les misérables же летели довольно скромно, потому что это был самолет *туда*, а не *оттуда*. И денег лишних не было – им пока что выдали скромный аванс и все. Когда полетят оттуда – все конечно нажрут в хлам, потому что в Саудовской Аравии нигде не продают спиртное из-за религиозных запретов... господа, что за идиотская религия, что человеку нельзя холодного пива хлебнуть по жаре. Все будут пьяными и веселыми, будут пить, блевать и приставать к стюардессам, потому что в той проклятой стране – и женщин нормальных нет, все носят паранджу, а если они познакомятся с нормальным американским парнем – то запросто могут быть приговорены к смертной казни. Мутава – религиозная полиция, еще одно изобретение того зловещего режима, который царит в той стране, где они летят. Ублюдки, которые смотрят за тем, кто где хлебнет пива, кто где решит позагорать... американцу конечно их бояться не стоит, все знают, что американца даже дубинкой просто так нельзя ударить – а вот местным они изрядно портят кровь. И как так можно жить...

Хотя живут они там богато, не бедствуют, что есть, то есть. Получается – что даже американцы, жители самой свободной и самой сильной в мире страны летят туда на вахту, чтобы подзаработать денег.

В числе прочих американцев – буровиков, геологов, водителей автомашин – летел коренастый, крепкий, выше среднего роста человек, темноволосый и бородатый. Такой же как все, собственно, белая шваль с юга, синий воротничок, решивший подзаработать денег. Может, у человека развод, может быть, еще что – по крайней мере, выглядел этот человек довольно мрачно. Место ему дали у иллюминатора, и он, как взлетели – все время в него пялился.

Рыжий детина, сидевший рядом, сначала что-то считал в блокноте, записывая результат ручкой, потом ему надоело. После того, как принесли обед – почти несъедобный, неразморозенный – детине стало скучно, и он стал искать общения. Нравы в этой среде довольно свободные, и поэтому он бесцеремонно толкнул соседа локтем в бок.

– Я Джок – заявил он – из Аризоны. А тебя как зовут?

Бородатый оторвался от разглядывания облаков в иллюминаторе, повернулся к нему.

– Дик.

– Ха... прикольно. Дик и Джок. Ха-ха...

– И что?

– Да ничего, – не обиделся работяга, – первой ходкой, да?

– То есть?

Работяга хохотнул.

– Точно – первой ходкой. Говорю, первый раз на заработки?

– Ну да. Первый. Заметно?

– Еще бы... Сидишь как пришибленный.

– Ну...

– Ты кем туда?

– Говорят водилой. У меня права грузовые есть.

– Водилой. Это хорошо, водилы там нужны. А я вот разнорабочим, хотя и на буровой поработать могу, просто у меня удостоверения бурильщика нет. Но там на это плевать. Местные не въезжают, мастеру говоришь, что можешь работать – и встаешь к агрегату. Там каждые рабочие руки нормального человека нужны – во как!

Работяга провел ладонью по горлу. Его бородатый собеседник машинально отметил в уме – что на себе такое показывать не стоит. А то накликаешь.

– Наверное, и я могу научиться, – сказал бородатый.

– Это если тебя на передвижную буровую поставят. Тогда да, смотри сколько влезет, как люди работают. Если в башке есть что – то и сам рано или поздно въедешь. А так – не, братан. Там у водил жизнь нелегкая, водил тоже не хватает. Там ведь даже воду приходится на прииски возить, за баранкой по двадцать часов в сутки.

Бородатый собеседник испугался – и Джок это заметил. Ага, привык, гад, за профсоюз прятаться...

– А как же...

– А никак – со скрытым злорадством ответил Джок – профсоюза там нет, там просто бабки платят. Заикнешься о своих правах – вылетит из страны в двадцать четыре часа, вот и все. Ходку сделал, там тебе не до науки будет, на ногах стоять не будешь. Я за каждую ходку пятнадцать килограммов теряю, во как там! Но башляют хорошо...

Рыжий работяга чего-то приуныл.

– На кичман ходил? – спросил, наконец, он

– Что... а, нет... нет.

– А я три года в Рино отбарабанил. Кража со взломом – большего не доказали. Эх, дурак был...

Бородатый пожал плечами.

– Полгода... Нет, ну если бы дома платили по-людски, так никто бы и не ездил. Почему у этих ублюдков с полотенцами на голове столько бабла, а?

– Надеюсь, ты их грабить не собираешься?

Рыжий захохотал

– Э, нет... Я и тебе советую – забудь, если думаешь за что. Там за такое дело – руку отрубают, прикинь!

– То есть как?

– А вот каком кверху. Топором отрубают. Сейчас, говорят, в больнице ампутировать, с обезболиванием – но руку то это не вернет, так? Дикари чертовы...

– Дикари – согласился бородатый.

Рыжий зевнул.

– Лады, земляк. Давай дрыхнуть. На обратном ходе – гульнем.

Бородатый кивнул, отметив про себя, что до «обратного хода» – надо еще дожить...

* * *

Огромный Боинг приземлился в новеньком только что отстроенном аэропорту, американских работяг подвезли до здания международного терминала на кондиционированном автобусе. Все уже были опытными – кто-то лихорадочно допивал пиво, потому что пиво не пропустят, если оно не находится в твоём брюхе. Все были бледные из-за жары – пока никто не привык. Хотя тут сейчас не жара... вот летом, жара так жара, до семидесяти по Цельсию иногда доходит. А сейчас... тридцатник, ерунда, а не жара.

Таможню проходили медленно, въедливые таможенники, которые плохо говорили по-английски – перетряхивали вещи американцев. Могли забрать даже презервативы – харам. Ублюдки...

– Эй, Джок, – толкнул рыжего работягу один из его попутчиков до полевого офиса АРАМКО¹ – это рядом с тобой бородатый ублюдок какой-то летел?

– Ну да. Новенький.

– А какого хрена его встречают на Кэдди?

– Чего?

– На Кэдди, говорю, его встречают. Ник видел, и Пит тоже.

– Брехня все это. Водила он. Водила – и все, первый раз здесь. Я с ним побазарил за жизнь – правильный мужик. А эти двое – пусть не п...т.

¹ АРАМКО – нефтяная компания Саудовской Аравии

Дорога Эр Рияд – Военный городок Кинг Халид. Тот же день

Кадиллак был черным, Флитвуд правительственной модели, бронированный. Того идиота, который купил в Саудовскую Аравию черную машину – надо было в качестве наказания заставить ее водить. Не помогал даже кондиционер.

– Какой идиот купил сюда такую машину? – спросил лейтенант-командер ВМФ США Ричард «Дик» Лэнсдорф, садясь в успевшую раскалиться на солнце машину.

Сидевший напротив Том Донован, один из немногих нормальных парней в Говно-сити², прошедший Вьетнам и сейчас занимающийся специальными операциями в штабе ВМФ в Норфолке в звании капитан – протянул Лэнсдорфу руку. На руке не хватало двух пальцев, потому что Донован на пару часов попал в плен к узкоглазым ублюдкам и был вынужден выдержать два часа неприятного разговора с комми, прежде чем Дик Лэнсдорф и еще несколько парней не нагрянули из дельты и не надрали комми задницы.

Дик пожал руку старому сослуживцу

– Эту тачку купил нам здешний король – сказал Донован – и еще много чего. У этих ублюдков столько денег, что они, по-моему, даже не знают, сколько точно. Я никогда не выбью из Конгресса такие бабки вам на оснащение, какие местный король просто отвалил нам за десять минут.

– Похоже, местный король приличный парень.

– Это как сказать. Они здесь все малость чокнутые, но это от жары. И у них полно бабла, так что с ними надо повежливее.

– Вежливость никогда не входила в число моих достоинств, Том, и ты это знаешь.

Донован вздохнул.

– Знаю, Дик, но надо научиться сдерживать себя. Не воспринимай это так, как будто тебя и твоих парней сдали в аренду.

– А что – не так?

– Не так. Не так. Здесь есть куча работы, которую некому делать.

– Комми, что ли?

– И это есть. С юга с этой страной граничит Йемен. Та еще страна. Они, б... на голову свихнутые, им не терпится. В восемьдесят пятом они едва не перебили друг друга. А сейчас они не прочь двинуться на север и захватить месторождения нефти, ведь они там нищие как церковные крысы. И комми там есть.

– Комми?

– Русские. И еще много кто. Приедем – покажу изображения. Там до черта лагерей боевиков, у самой границы. Палестинцы... еще какая-то хрень. Имел дело с палестинцами?

– На Акиле Лауро³. Тогда нас тормознули в последний момент. Потом еще – чуть не пострелялись с итальяшками, мать их. Я тех пор я у флота – как заноза в заднице.

– В конце концов, решение нашли!

– Это не решение! – моментально вскипел Дик – решение, это тогда, когда наш президент, мать его, прибьет скальпы этих ублюдков угонщиков к ограде Белого дома и исполнит

² Норфолк, штат Виргиния

³ 7 октября 1985 года группа палестинских боевиков захватила круизный лайнер Акиле Лауро, один американский турист был убит. Спецназ ВМФ США готов был захватить судно, но решили дело миром. Потом американские перехватчики посадили египетский Боинг, на котором везли угонщиков на базе ВВС в Сигонелле, Италия, – но итальянцы не дали американцам задержать террористов и задержали их сами. В какой-то момент дело чуть не дошло до перестрелки.

воинственный танец! Вот это – решение, мать твою! А так... говно, а не решение. Рано или поздно – ублюдки решат повторить, и прольется куда больше крови.

Донован покачал головой. Его друг не изменился.

– Ты не изменился, старина.

– Если бы я изменился, ты бы так и остался в лапах комми, окей?

Донован усмехнулся

– Окей...

* * *

Городок Короля Халида был построен на деньги Его Величества, но какое-то время был полностью заброшен. Теперь – здесь кипела работа, одновременно обустроивались старые здания, возводились новые, разворачивалась техника. Самое главное – техника была американской и значительную часть работ тоже делали американцы.

Кэди проехал чек-пойнт, охраняемый несколькими солдатами в местной форме, но явно американцами, свернул налево. Покатил мимо длинных, приземистых бетонных сооружений, которые были построены давно и сейчас спешно маскировались.

– Сначала к начальству? – спросил Донован

– А пожрать? – ухмыльнулся Дик

Лейтенант-коммандер Ричард Лэнсдорф отличался препогаными манерами и неуважением к старшим по званию, проявлявшимся на каждом шагу.

– Давай-ка я тебя кое-что покажу перед обедом – решительно сказал Донован – Рик, сворачивай к третьему складу.

– Есть, сэр.

Кадиллак свернул в проезда между казармами, в который он едва поместился, сразу же остановился...

– Пошли.

– Пещера Али-Бабы – осведомился Лэнсдорф, выбираясь из лимузина

– Для тебя – да.

Никакого караульного поста здесь не было, Донован просто открыл замок на двери, шагнул внутрь. С щелчком включилось электричество.

– Угощайся.

Дик Лэнсдорф присвистнул, не в силах поверить тому, что увидел.

– Это что – все мне?

– Тебе и твоим ребятам. Подарок Его Величества. Если согласишься.

– Черт, я готов поцеловать Его Величество в задницу, если он позволит.

– Не думаю, Дик. Он просто хочет, чтобы ты надрал кое-кому задницы, вот и все. И мы – этого хотим.

Лейтенант-коммандер Ричард Лэнсдорф начинал во Вьетнаме, в составе «флота коричневых вод», воевавшего в дельте Меконга. Был приговорен к смерти, за его голову давали пятьдесят тысяч пиастров. Потом – был назначен командиром второго спецотряда SEAL, американских «морских котиков», затем – формировал и стал первым командиром шестого спецотряда. Во время кризиса с заложниками в Иране предложил создать ТАТ (Terrorist Action Team), спецгруппу для освобождения заложников, его план освобождения был более реалистичен, чем план Чарли Беквита из Дельты, который, в конце концов, и облажался. Шестой спецотряд боевых пловцов он тренировал не просто как отлично подготовленных диверсантов. Они должны были стать уникальным оружием. Любые операции, где угодно, когда угодно. Не просто активные действия в глубоком тылу противника – но растворение в чужеродной среде, возможность легальной заброски. Люди, которых он подбирал – ругались матом, носили бороды и длинные волосы, знали языки. Он заставлял их жить в съемных квартирах, водить арендованные машины, перебираться через заборы и вторгаться в частные владения, даже бить

морды копам. Они не умели отдавать честь и отвечать по уставу – но они смогли бы проникнуть в Тегеран, раствориться в толпе, подобраться к захваченному посольству и...

Потом – Лэнсдорф, передав командование шестым спецотрядом капитану Роберту Гормли, создал еще более серьезное подразделение. Red Cell, красная ячейка. Подразделение в составе ВМФ США, совершенно секретное, занимается изучением методов террористов и проверяет крепость обороны различных баз и объектов ВМФ США. Тут он разошелся на полную мощь – они похищали адмиралов и издевались над командирами баз, один раз они «взорвали» самолет Президента США, вызвав настоящую истерику у Секретной службы. В конце концов – в Говно-сити слишком у многих кончилось терпение, и смутьяна сослали сюда, ничего не объясняя. Конечно – мало кому понравится, когда тебе тычут в лицо пистолетом – особенно если ты адмирал.

Здесь, в длинной и хорошо освещенной казарме он увидел все то, что он хотел приобрести для своего антитеррористического отряда – и то, о чем он и мечтать не смел. Адмиралы все же народ консервативный, и действия малых сил представляются им чем-то несерьезным. Вот бой корабля с кораблем, запуск ракет на предельную дальность, атака палубной авиации – это да. А вот если группа боевых пловцов проникла в акваторию базы и заминировала корабли противника... то это как то несерьезно. В конце концов – если противника можно обезоружить именно таким способом, то зачем нужен флот. А если «зачем нужен флот» – то «зачем нужны адмиралы»?

Логично?

Пистолеты – пулеметы МР-5 и МР-5К во всех модификациях, в том числе и скрытого ношения, в дипломате. В свое время – он пролил немало крови, чтобы пробить покупку именно этих, западногерманских автоматов, вместо уступающих им, но американских Инграмов. Автоматы НК-53 с магазинами на сорок патронов, в полной комплектации – оптика, глушители, лазеры. Мощные автоматические винтовки G3 – они используются спецподразделениями НАТО, такими как 22SAS и германский отряд GSG9. Советские автоматы – АК-47 и АК-74 во всех модификациях, видимо купленные на базаре в Пешаваре. Снайперские винтовки – СВД, М21, королева снайперских винтовок НК PSG-1 с глушителем, стоит двенадцать тысяч долларов в такой комплектации, поэтому ему отказали в выделении средств, когда он подавал заявку. Еще винтовки – Маузер-66 с ночным прицелом последнего поколения и глушителем, Паркер-Хейл 85 в такой же комплектации, винтовка, которую можно зарывать в землю, хранить по частям, бить – и с ней ничего не случится. Американские RAI-300 и RAI-500, совершенно секретные, одна под патрон 12,7 Браунинг, вторая – под специально под нее разработанный. 338 для поражения целей на расстояниях до двух километров. Барретт – 82, которые только начали поступать в Морскую Пехоту САСШ. Ротные и взводные пулеметы – не отказывающий на каждом шагу М60 – а бельгийский Миними, германские НК и русские ПК, которых пока в США было только несколько штук, на исследованиях.

– Так я не услышал – кого надо грохнуть?

– Об этом тебе лучше начальство расскажет. Но это все – и вправду тебе, от Его Величества. И если тебе нужно будет что-то еще, достаточно просто сказать об этом – и это будет закуплено или сделано. Сколько бы это не стоило.

Чудеса...

* * *

Несколько человек всматривались в лицо Дика Лэнсдорфа, когда он перебирал оружие. Несколько видеокамер скрытого монтажа делали ненужным держать пост, камеры работали двадцать четыре часа в сутки, и видели все, что происходит.

В комнате работал кондиционер – мощный, японский, Toshiba. От волны морозного воздуха, которую он создавал – в кабинете на втором этаже запотели стекла и можно было простудиться – посреди пустыни.

– Этот человек кажется мне серьезным... – заявил среднего роста мужчина, в свитере и дорогих очках. От него исходила волна силы и уверенности в себе.

Один из американцев кивнул, другой – раскрыл папку.

– Ричард «Дик» Лэнсдорф, ВМФ США, лейтенант-коммандер, бывший командир второго и шестого спецотрядов SEAL, командир Красной Ячейки до ее расформирования.

– Она уже расформирована? – поинтересовался средних лет мужчина с проседью в волосах и ничем не примечательным лицом.

– Приказ был на столе у адмирала Картера, думаю, уже подписан⁴. Они уже у всех в печенках сидят. Достали просто...

– Напрасно... – задумчиво проговорил мужчина – если бы я узнал об этом раньше, то возможно забрал бы их в свое подчинение.

Никто не возразил мужчине – потому что он был старшим здесь по положению. Заместителю директора ЦРУ по операциям Ричарду Ф. Штольцу находилось мало желающих перечить.

– Продолжайте, Марк, продолжайте.

– Специалист по диверсионным и контрдиверсионным действиям, начинал карьеру во Вьетнаме в составе спецотряда боевых пловцов. Приговорен к смерти вьетконговским командованием за успешные действия его и его группы во время событий 1968 года, ставших известными как «Наступление Тет» или «Новогоднее наступление». Далее – проходил службу в составе подразделения боевых пловцов на должности командира второго спецотряда. Во время иранского кризиса с заложниками предложил альтернативный план и создание группы по освобождению заложников, способной действовать в глубоком тылу противника во враждебном окружении. После провала операции «Коготь орла» получил деньги и создал шестой спецотряд ВМФ США – отряд по борьбе с терроризмом ВМФ, способный выполнять операции по глубокому проникновению. Далее, с благословения адмирала Трейна создал систему проверки боевой готовности, известную как «Красная ячейка» – фактически отряд террористов на флоте. На данный момент – принято решение расформировать Красную Ячейку, но он об этом ничего не знает.

– Этому человеку придется иметь дело с самыми опасными коммунистами, специалистами по проникновению и саботажу – сказал бородатый – вы считаете, он с этим справится?

– Если Лэнсдорф и его ребята с этим не справятся, значит, с этим не справится никто – отрубил капитан Такер Делилас, военно-морской атташе при посольстве США в Саудовской Аравии. Он был назначен на должность военно-морского атташе совсем недавно, и по странному стечению обстоятельств был бывшим котиком, ушедшим из отрядов из-за травмы.

– В таком случае – бородатый негромко хлопнул в ладоши – покупаю. И откланиваюсь. Господа...

Американцы взглядами проводили вышедшего из комнаты шейха и близкого родственника короля. Взгляды были недобрыми – им, американцам, было крайне неприятно подчиняться потомку пустынных бедуинов. Но они сами создали систему, где всегда и во всем прав тот, кто платит – а в этой игре платили отнюдь не они.

– Я опасюсь за адекватность этого парня – сказал Штолец – он может натворить дел. Насколько я слышал – он законченный анархист.

– Сэр, полагаю, это как раз то, что нам нужно. Ситуация не оставляет нам выбора, кроме как снять перчатки и действовать максимально жестко. А в этом Лэнсдорф и его люди – настоящие мастера. Если они не покаутируют Советы...

Продолжение фразы повисло в воздухе.

– Марк, найди нашего Лохинвара⁵ и приведи его сюда.

⁴ Адмирал флота Пауэлл Картер, на тот момент комфлота.

⁵ *Молодой воин. Вальтер Скотт. Мириады.*

– Да, сэр...

* * *

Лейтенанта-командера ВМФ США Дик Лэнсдорф, оторвали от одного из самых любимых занятий моряков – приема пищи, поэтому он был несколько не в духе. Возможно поэтому – зайдя в кабинет, он никому не отдал честь. А возможно – потому, что в кабинете не было ни одного человека в военной форме, и значит – честь отдавать было необязательно.

– Мистер Лэнсдорф – сказал человек, которого Дик где-то видел – присаживайтесь сюда, за стол. Есть серьезный разговор. По вашей, так сказать, специальности.

В кабинете был стол. Был кондиционер. И были видеокамеры. Именно по видеокамерам, Дик Лэнсдорф понял, что все еще серьезнее, чем кажется.

А этот человек...

И тут он вспомнил! Дьюи Кларидж! Основатель Контртеррористического отдела ЦРУ, бывший шеф станции в Стамбуле, сильно погрязший в делах с «контргерильерос», засекреченными группами турецких военных, боровшихся с коммунистами и курдскими партизанами террористическими методами. Он же был в тот раз в Пентагоне, когда⁶...

И он, кстати уволен – нет? Кажется, уволен, он один их наиболее сильно замазавшихся в деле Иран-Контрас.

– Полагаю, вы специалист по террористической угрозе, мистер Лэнсдорф. Это так?

– Возможно, сэр – уклончиво ответил Лэнсдорф – я не могу называть себя специалистом, потому что мир терроризма очень сложен и вряд ли кто-то на этой стороне может называть себя специалистом.

– На этой стороне?

– На стороне сил добра. Джедаи с лазерными мечами. Сэр.

Кларидж улыбнулся

– Мне нравится ваш подход, мистер Лэнсдорф. Говорите по-русски?

Последнюю фразу основатель Контртеррористического отдела ЦРУ произнес по-русски. Он, как и почти все в высшем эшелоне в ЦРУ работал на станции в Москве

– Мало... – Дик Лэнсдорф сказал это по-русски и тут же перешел на английский – я знаю вьетнамский, сэр, знаю кое-как некоторые китайские диалекты. Но по-русски я знаю только несколько слов.

– Это не так хорошо. Русский придется учить. До настоящего времени вы были командиром одного спецподразделения, верно?

– Сэр, не уверен, что я могу говорить об этом.

– Можете. Тем более, что подразделение расформировано.

На лице Лэнсдорфа не отразилось никаких эмоций. Но лицо не отражало того, что творилось в душе вьетнамского ветерана. Он привык быть изгоем, привык, что пророков как водится, бьют камнями. Но все равно – сделанной работы было жаль.

– Вы ничего не скажете по этому поводу?

– Сэр, не думаю, что сказанное мной будет уместно в этой комнате.

Кларидж кивнул.

– Как называлось ваше подразделение, лейтенант-командер?

– Красная Ячейка, сэр. Красная Ячейка.

– Отличное название. У меня есть работа... Для вас, для всех ваших парней и еще для кое-кого. Назовем это... ну, скажем – Черная Ячейка. Черная ячейка, так будет хорошо. Сколько человек в отрядах знают русский язык?

– Э... примерно тридцать – сорок, сэр. В разной степени.

⁶ Возможно тогда, когда прототип Дика Лэнсдорфа пронес на заседание Объединенного комитета начальников штабов пистолет, чтобы доказать присутствующим всю серьезность террористической угрозы

– Отлично. Хоть что-то. Напишите мне список – и все эти люди перейдут под ваше командование.

– Командование, сэр?

– Мы предлагаем вам командование новой, совершенно секретной единицей в структуре военно-морского флота США. Черная ячейка, она же «Отряд 14». Двойное подчинение – штабу в Норфолке и мне лично. Я так полагаю, вы не против немного перекраситься.

– А местные, сэр. Я слышал...

Кларидж покачал головой.

– У местных много денег, лейтенант-коммандер. Много денег, и еще больше страха, что эти деньги отнимут. Старый добрый страх, куда мы без него. Так вот, лейтенант-коммандер. Когда мы с большим трудом выбили ассигнования на поддержку движения моджахедов – для того, чтобы убедить конгрессменов в том, что там идет борьба за свободу потребовалось несколько лет – здешний король после пятиминутного разговора достал чековую книжку и выписал чек на такую же сумму. И пообещал выделять на поддержку моджахедов один доллар на каждый доллар, который вкладываем в это дело мы. Здешний король очень хороший малый, зарабатывающий по миллиону долларов в час – но он испуган. Хотите знать, чем именно он испуган.

– Да, сэр.

Кларидж достал из дипломата, стоящего на столе пакет из плотной манильской бумаги, поперек пакета шла широкая красная полоса – совершенно секретно. Толкнул пакет через стол лейтенанту-коммандеру.

– Ознакомьтесь.

Лейтенант-коммандер Лэнсдорф вытряхнул из пакета на ладонь несколько снимков, пакет не был запечатан. Начал просматривать их. От того, что он увидел – стало дурно.

– 26 декабря 1988 года на пульт оперативного дежурного организации Мухабарат аль Амма, местной разведывательной и контрразведывательной службы поступил звонок. Номер этого абонента не указан ни в одном общедоступном справочнике. Неизвестный – он использовал аппаратуру, маскирующую голос, сообщил, что в одной из ячеек камеры хранения в аэропорту Эр-Рияда заложено взрывное устройство, он сообщил номер ячейки и код, открывающий ее.

Специальная группа саудовского Мухабарата вскрыла ячейку, но вместо бомбы обнаружила там пакет, адресованный непосредственно Его Величеству, Королю Саудовской Аравии Фахду. Пакет был вскрыт, там оказалось письмо без подписи и несколько фотографий. Неизвестный или неизвестные сообщили, что в городах Мекка, Медина, Эр-Рияд ими заложены ядерные взрывные устройства, и в случае продолжения оказания какой-либо помощи исламским экстремистам в регионе они будут взорваны. Там же прилагался список точек установки, устройства удалось изъять. Несколько необычно, правда?

– Сэр, в Северной Ирландии происходит нечто подобное – ответил Лэнсдорф – там террористы звонят в полицию и сообщают о заложенных бомбах.

– Полагаю, к этому приложили руку не североирландцы. На место срочно прибыла группа ядерной безопасности Министерства энергетики, которое идентифицировало и изъяло устройства. Все они оказались макетами, не содержащими ядерной начинки – но они поразительно хорошо имитировали внутренности советской ядерной мины РА-60, две из которых взорвались в Пакистане. Вы помните, что произошло в Пакистане?

Лэнсдорф хорошо это помнил.

– Да, сэр. Последнее предупреждение.

– Именно, лейтенант-коммандер, именно. Мы считаем, что эта акция являлась последним предупреждением советской разведки и одновременно акцией, направленной на дестаби-

лизацию Саудовской Аравии и подрыв правящего здесь режима. Коммунисты продемонстрировали, что готовы идти на все, на самые крайние меры.

– Лучше всего, сэр, они это продемонстрировали в Пакистане. Сэр.

– И здесь вы правы. Когда коммунисты увидели, что проигрывают партию, они сделали то, что не делали уже давно – они схватили шахматную доску и ударили её соперника по голове. То есть – они нас ударили по голове. Сейчас мы имеем дело с новыми людьми в Кремле и принципиально новым уровнем коммунистической угрозой. Взорвав атомную бомбу в Пакистане, они дали ответ на рейгановскую стратегию отбрасывания и показали, что не остановятся ни перед чем в реализации своих планов коммунистической инфильтрации. Их ответом на рейгановскую стратегию стала стратегия агрессивного большевизма, коммунизма, опирающегося на мощь огромного государства и не останавливающегося ни перед чем. Саботаж, терроризм, убийства – вот язык, который только и понимают эти люди. Чтобы реализовать свои мечты о коммунистическом господстве они убили все руководство своей страны, а потом нанесли ядерный удар по государству, которое стояло у них на пути, и разрушили его. Теперь – они нанесли удар здесь.

– Почему именно здесь, сэр?

– Мистер Миниц.

Заговорил еще один человек, низенький и лысый. Если бы Лэнсдорф был русским – он отметил бы, что этот человек очень похож на вождя советского пролетариата В. И. Ленина. Но лейтенант-коммандер был американцем, и таких ассоциаций у него не возникло.

– Война, которую мы ведем с русскими, имеет несколько фронтов, и фронт в Пакистане – не самый важный из них. Гораздо большее значение имеет фронт, который проходит здесь, в Заливе.

Русские получают значительную часть иностранной валюты от продажи нефти с собственных месторождений, и газа, цена которого привязана к цене на нефть. Основные покупатели русских нефти и газа находятся в Европе, а здесь – находятся их конкуренты.

Начиная с семьдесят третьего года, начался процесс резкого роста цены на нефть, с двух-трех долларов на баррель она возросла примерно до сорока. Как раз в это время русские открыли и освоили новые крупные месторождения нефти и газа, и это позволило им не только спасти свою экономику, но и вывести противостояние с нами на новый виток. Коммунистическая экономика, джентльмены – неэффективна и не имеет никаких шансов в честном противоборстве с экономикой капиталистической. Но здесь получилось так, что местные шейхи, объявив нефтяное эмбарго, сыграли против нас и на руку русским.

В восемьдесят первом году нам удалось убедить местного короля и эмира Кувейта в том, что дальнейший рост цен на нефть несет угрозу, прежде всего им самим⁷. Было достигнуто соглашение, согласно которому цена на нефть опустилась примерно в два раза, с сорока долларов до двадцати. Добыча барреля нефти здесь обходится примерно в два-три доллара, а вот у русских – примерно в восемь, потому что они добывают ее в тяжелых климатических условиях и вынуждены строить трубопроводы, не имея возможности транспортировать нефть супертанкерами. В сочетании с несколькими другими мероприятиями, мы добились того, что русские начали испытывать экономические сложности и по нашим расчетам крах их экономики должен был наступить в девяносто первом – девяносто втором годах.

Однако, на данный момент цена на нефть снова растет – она уже вплотную подобралась к тридцати долларам за баррель. Государственный переворот в Москве и несколько угрожа-

⁷ Очень долго автор не мог понять, как американцам удалось это сделать. Но теперь понял. Арабы из-за резкого роста цен получили громадные деньги, каких у них никогда не было. Их надо было куда-то инвестировать, и они принялись инвестировать их в доходные инструменты по всему миру, в основном в долларовые. Потом, когда они вложили более чем достаточно – американцы просто пришли к ним и сказали... нет, не отберем. Они сказали, что если цена на нефть не упадет, то американская экономика рухнет и все их инвестиции обесценятся. Просто и гениально.

ющих заявлений нового лидера добавили к цене два – три доллара, а остальное – добавили ядерные взрывы в Пакистане. Местный король, после того, как в его королевстве обнаружили атомные бомбы, решил полностью перевооружить и усилить армию, а иных источников дохода кроме как доходы от продажи нефти у него нет. Эти деньги пойдут нашим оборонно-промышленным гигантам – но точно так же заработают и русские. Они перехватили инициативу в игре и в любой момент могут сделать новый ход. Тот, который опрокинет ситуацию окончательно.

– Каким может быть этот ход, мистер Лэнсдорф – спросил бывший начальник КТЦ. Мне интересно ваше мнение.

Лейтенант-командер пожал плечами – карту он помнил.

– Все что угодно, сэр. Несколько парней, машина, набитая взрывчаткой – и нет нефтеперерабатывающего завода, на который потрачены миллиарды долларов. Несколько таких же парней, но с аквалангами – и нет нефтедобывающей платформы или того хуже – супертанкера. Мы отработывали возможные варианты подобных действий для континентальной части США, тренировались на платформах в Мексиканском заливе. Все это более чем реально, сэр, и я много раз подавал наверх меморандумы по этому вопросу.

Кларидж кивнул.

– Примерно к таким же выводам пришли и наши аналитики. Можно добавить угрозу членам Правящего Дома Саудовской Аравии, вполне реальную физическую угрозу от террористических действий. Местные правители очень лукавы и они ясно дали понять, что если мы не сможем их защитить – они рвут все предыдущие договоренности и переходят на другую сторону. В конце концов – еще в семидесятые русские поставляли сюда буровое оборудование. На территории Йемена космическая разведка засекала до сорока лагерей подготовки боевиков, а Йемен находится под советским влиянием и там десятки тысяч вооруженных палестинцев. Русские проводят активное опыление в этом регионе и уже добиваются своего – снова отмечена активность группировки ад-Дават⁸. В этой стране полно людей, привезенных сюда на заработки, среди них те же йеменцы, палестинцы, не может быть, чтобы среди них не было агентуры ООП⁹. Или советских агентов, что одно и то же. Можно сказать, что местные придурки сами создали в стране террористическое подполье, а то как они обращаются с иностранцами – лишь усугубляет ситуацию.

– Сэр, я так понял, что я должен создать специальный отряд для защиты особо важных объектов и противодействия терроризму?

– Не только – Кларидж достал из внутреннего кармана пиджака и небрежным жестом опытного картежника разложил перед Лэнсдорфом пять фотографий – узнаете кого-нибудь из изображенных на фото людей.

Лейтенант-командер взгляделся.

– Вот этого. И вот этого. Один – какой-то там их руководитель... я не знаю, как его зовут, у них коллективное руководство. Второй – командир советских специальных сил, его досье у нас есть. Кажется... Востротин... да, его фамилия так звучит.

– Браво. Двое из пяти. Неплохо. Я ношу эти фотографии в нагрудном кармане, мистер Лэнсдорф для того, чтобы ни на минуту не забывать об угрозе, которую представляют для нас эти люди. Позвольте, я представлю их вам.

На первом фото – действительно изображен один из руководителей Советского союза, возможно даже его настоящий руководитель. Это генерал КГБ Гейдар Алиев. Мусульманин, бывший глава одной из советских республик, Азербайджана. Какое-то время занимал долж-

⁸ *Опыление – термин разведки. Предоставление вооружения инструкторов и других ресурсов для создания антиправительственных боевых группировок террористического толка. Ад-дават (призыв) – саудовская террористическая группировка, в основном состоит из шиитов. Боролась за свержение монархии и установление шариатского правления по типу иранского.*

⁹ *Организация освобождения Палестины*

ность заместителя председателя Совета министров, у нас такой должности нет, это что-то вроде Госсекретаря. Горбачев попытался отправить его в отставку – после чего произошел государственный переворот. Этот человек представляет прямую и явную угрозу интересам Соединенных штатов Америки. Жизненным интересам...

На второй фотографии – бывший судья Верховного суда Азербайджана Ахмад Хасанов. Ныне – он является главой советской разведки. На пост его продвинул Алиев, достоверных данных об отношениях между ними нет, но он его соплеменник. До переворота занимал очень высокое положение в теневой иерархии Азербайджана, контролировал весь незаконный бизнес региона. Вы знаете, что в Советском союзе за то, что ты занимаешься бизнесом, можно угодить под расстрел?

– Я что-то слышал, сэр.

– К тому же, этот человек происходит из очень древнего рода, как нам удалось узнать, он имеет очень серьезные связи на Ближнем Востоке, в частности в Ливане, находящемся под контролем дружественных СССР сирийцев. Его первые действия на посту руководителя советской разведки отличались крайней враждебностью по отношению к Соединенным штатам Америки, мы считаем, что именно этот человек стоит за взрывами в Пакистане и последующей дестабилизацией обстановки. Этот человек не сидит на месте, по нашим данным он уже успел посетить Йемен, Ливию, Сирию, Ливан, Ирак, Иран и бог знает, в каких странах он побывал нелегально. Везде он ищет контакты с террористическими организациями и ненавидящими нас людьми и договаривается о совместных действиях. Все это направлено против нас.

На третьей фотографии – действительно изображен генерал – майор Валерий Востротин, командующий войсками специального назначения СССР. Они существовали и раньше – но теперь они официально признаны отдельным родом войск, им выделено значительное финансирование. Характерно то, что они выведены из подчинения министру обороны и подчиняются только Генеральному секретарю ЦК КПСС.

Сам Востротин – служил в воздушно-десантных войсках, участвовал в штурме дворца Амина в семьдесят девятом, лично принимал участие во многих операциях советской армии в Афганистане, обладает значительным боевым опытом. Для комплектования вновь создаваемого рода войск использует ветеранов Афганистана, в отличие от Советской армии, в этих частях есть то, что мы называем «профессионалами», то есть люди, подписавшие контракт на длительный срок. Но есть и призывной состав, который проходит различные курсы подготовки.

На четвертой фотографии – изображен некий Абай Абдылдаев, сотрудник КГБ СССР, диверсант. По национальности киргиз, прошел специальную подготовку в Балашихе, подмосковном районе, где находится центр подготовки диверсионных сил КГБ. Три командировки в Афганистан, в последней – советник при пятом управлении ХАД Афганистана, готовил афганский спецназ, добился в этом деле значительных успехов, в Афганистане известен как «товарищ Бек». В настоящее время строит в Киргизии, на высокогорном озере Иссык-Куль огромную базу для подготовки диверсантов КГБ. Последнее известное воинское звание – подполковник.

На пятой фотографии – изображен нынешний командир одного из самых засекреченных диверсионных подразделений Советского союза, так называемого «Отряда А» Виктор Карпенко, последнее известное нам звание – майор, но скорее всего в звании он повышен. Сотрудник КГБ, отряд А находится в структуре КГБ. Тоже участник штурма дворца Тадж-Бек, как большая часть его сослуживцев, отлично подготовлен – как минимум уровень боевых пловцов и подразделения Дельта. Участвовал в боях в Кабуле осенью восемьдесят восьмого, в операции по эвакуации советского посольства. Чрезвычайно опасен.

Лэнсдорф мрачно смотрел на выложенные перед ним фото

– Сэр?

– Как вы думаете, что объединяет всех этих людей?

– То, что они все коммунисты, сэр?

– Возможно, но не только. Есть серьезные основания полагать, что все пять человек побывали не где – никуда – а в Багдаде, буквально на протяжении последних месяцев. В это же самое время Саддам Хусейн прекращает войну с Ираном, хотя Иран уже истощен и находится на грани поражения. Хусейн лично порвал перед телекамерами договор о мире с Ираном, когда начинал войну, а теперь он готов отдать даже то, что завоевала его армия с чудовищными потерями обратно Ирану, остановившись на тех позициях, какие у него были до наступления. Это несмотря на серьезную победу в сражении при аль-Фао. Вдобавок – Саддам Хусейн заключил несколько контрактов с Советским союзом на покупку новейших вооружений, в том числе ударных вертолетов последнего поколения, не тех, которыми Советы воюют в Афганистане – а тех, которые Советы создали исходя из своего афганского опыта. Танки, самолеты, вертолеты, артиллерийские орудия. И ядерная программа. Она на полном ходу, над ней работает международный коллектив – и мы считаем, что ядерное оружие может у него появиться уже в девяносто первом году, что окончательно дестабилизирует регион. Теперь вы понимаете, в чем дело?

– Советы дали ему карт-бланш на войну, сэр?

– Возможно. Но не только. Он должен тридцать миллиардов долларов и у него нет денег. У них есть месторождение, общее с Кувейтом, Кувейт за счет технологий горизонтального бурения лезет с ложкой в чужую тарелку и за счет этого может оказывать давление на нефтяные цены. Но если произойдет что-нибудь... например взрыв в порту, в котором заправляются танкеры, то эта возможность исчезнет, а цены на нефть взлетят быстрее ракеты Апполон-13.

Мы считаем, что именно поэтому, в Багдад зачастили командеры советского спецназа. Они хотят свить там гнездо для вылазок по всему Востоку. Саботаж, убийства, диверсии – об этом я же говорил. И стоит за всем этим...

На стол, поверх пяти фотографий легла шестая, на ней был изображен усатый мужчина в черном берете и в черном шейном платке. Шестая фотография как бы крыла оставшиеся пять.

– Если вас кусают осы, мистер Лэнсдорф можно отмахиваться от них, а можно пойти и поджечь улей. Это Саддам Хусейн, председатель Совета революционного командования Ирака. Для вас и ваших людей – он будет целью номер один. Ирак?

Лейтенант-командер Лэнсдорф встал и отдал честь.

– Почту за честь возглавить Черную ячейку, сэр.

Копья Аллаха. Где-то в пустынях Саудовской Аравии. Январь 1988 года

Пустыня жестока к чужаку. Обманет, поманит за собой миражом – и заманит в зыбучие пески. Налетит самумом, забросает тоннами песка, похоронит в толще этой воистину желтой, не утоляющей жажду воды. Изжарит безжалостным, палящим солнцем, заморозит свирепым холодом ночью – недаром бедуины всегда имеют при себе одежду из шкур. В пустыне чужаку – делать нечего.

Но для бедуина пустыня – мать. Здесь он найдет воду в тайном колодце и колючки для верблюда. Здесь он найдет собеседника на караванном пути и выгодно продаст ему свой нехитрый товар. Наконец – здесь его не найдут – даже если и захотят.

Два автомобиля двигались по саудовской пустыне на большой скорости, оставляя за собой шлейф песка – как катера, летящие по воде. Первым был Ламборгини LM002 – двенадцатицилиндровый монстр, выпущенной знаменитым производителем спорткаров – большей частью для шейхов Персидского Залива. Эту машину первоначально предлагали на конкурс для замены легендарного джипа в американской армии – но победило то, что потом начало называться HUMMER, утилитарное транспортное средство максимальной мобильности. Тогда итальянцы поступили просто – заменили утилитарный тракторный дизель на двенадцатицилиндровый мотор от катера и добавили нолик к ценнику. С тех пор от покупателей, особенно отсюда, из мест, где обычным суперкарам остается мало места – отбоя не было.

В самом Ламбо сидели три человека – двое впереди, причем у одного был автомат Беретта-12 на коленях и один сзади: этот нервно сжимал в руках дорогое ружье от Иоганна Фанзоя. Еще четверо солдат – сидели сзади, на скамейках, установленных в кузове скоростного внедорожника, они закрывали лица шемахами, глаза – стрелковыми очками от летящей во все стороны пыли – и еле удерживались при движении. Коленями – они удерживали автоматы G41 с оптическими прицелами и подствольными гранатометами – это оружие считалось в числе самых совершенных на сегодняшний день в западном мире и было закуплено человеком, сидящем на заднем сидении Ламбо для своей личной охраны не задумываясь – в конце концов, деньги, которые он потратил на перевооружение личной охраны он зарабатывал менее чем за час.

На хвосте Ламборгини – едва удерживался роскошный британский РейнджРовер, который фирма Янкель переделала в легкую боевую машину для спецназа. В салоне – сдвинули назад второй ряд сидений, вдвое расширили люк и поставили на специальную, применяемую американской Секретной службой турель пулемет M2. В багажнике – место осталось только для двух сидений, поставленных спиной к бортам напротив друг друга. В этой машине – место было для шестерых, на шестерых у них было три автомата, два легких пулемета НК23 и снайперская винтовка MSG-90 стоимостью двенадцать тысяч долларов США. Люди, которые сидели в этой машине – ехали в относительном комфорте, они не глотали пыль и весь дискомфорт был только в том, что РейнджРовер походило на бригантину в шторм – он взлетал на гребни барханов и смело летел вниз под углом градусов двадцать. Но хозяин любил именно такую охоту – и приходилось терпеть.

На заднем сидении Ламборгини – сидел человек, которому сильно повезло в жизни. Так, как ему повезло – не везло, наверное, никому, потому что он родился членом королевской семьи. И не британской, скажем – где надо служить в армии, и установлены всяческие дурацкие ограничения – а саудовской. Это был пропуск в рай. Сразу. С рождения.

Этого человека звали принц Али и он был одним из племянников монарха. Он закончил привилегированную лондонскую школу, где запомнился тем, что ударил преподавателя, а потом – и Оксфорд. На занятиях он появлялся нечасто – но диплом сдал с отличием. Как?

А очень просто. Согласно религиозным требованиям – как он объяснил – он должен был носить одежду, и головной убор, частично закрывающий лицо. Ну и кто отличит одного молодого араба от другого молодого араба? И кому это надо?

Принц Али занимался важной работой – в отличие от других своих родственников, которых насчитывалось аж пять тысяч человек – он не бездельничал. Дядя – поручил ему важный пост в компании АРАМКО – саудовском монстре, который после эмбарго семьдесят третьего года – монопольно распоряжался добываемой в Саудовской Аравии нефтью. Если раньше – американские ублюдки покупали кровь его земли за пять долларов США за бочку – то теперь цена была около двадцати долларов, а недавно – она доходила и до тридцати пяти и до сорока. Более того – если раньше американцы большую часть денег клали в свой же карман, потому что нефть добывали от своего имени – то теперь такого уже не было. Нефть добывалась на основе крайне жесткого СРП – соглашения о разделе продукции. Причем – саудовскую долю нефти позволялось вывозить только на саудовских танкерах – которые были куплены у американских судовладельцев за бесценок. Перерабатывалась нефть – тоже в основном на заводах АРАМКО, по крайней мере та, что шла в Европу точно. Все это – наполняло казну Саудовского королевства деньгами. И его карманы – тоже.

А еще принц Али был агентом британской разведки. Им он стал на первом же курсе Оксфорда – после того, как его пригласили в полицию и суперинтендант, смотрящий на него как на дерьмо, прицепившееся к ботинку – объяснил, что в Британии не принято насиловать и убивать женщин. Даже неверных и падших.

Да, да... Был у принца такой грешок. Возможно – он у него возник потому, что в детстве его родители не уделяли ему внимания, а возможно – потому что в девятилетнем возрасте его изнасиловал старший брат. Первую женщину он изнасиловал и убил вместе с братом еще до отправки в Англию – это была пакистанка, работавшая здесь на рабских правах, и никто не стал бы ее искать – тем более они вывезли ее далеко в пустыню¹⁰. Потом он изнасиловал и убил проститутку в Лондоне – и британская полиция сработала намного лучше родной саудовской. И МИ5, британская разведка – тоже. Пока он пребывал в Англии и «учился» – полиция закрыла глаза еще на несколько исчезновений женщин – принц научился быть осторожнее. А тут, у себя дома – он разошелся вовсю.

Но дело сейчас было не в этом. Он просто ехал на охоту.

На соседнем сидении – сидел человек по имени Клингмайер, Франц Клингмайер. Карьера его – сначала школа горных егерей, потом девятая группа пограничной охраны ФРГ – прервалась после того, как он застрелил террориста из Красных бригад, уже сдавшегося – и об этом проведальники журналисты. В прессе было много левачествующих, одна Ульрика Майнхофф¹¹ чего стоила. Клингмайеру пришлось бежать из страны и зарабатывать деньги на темном рынке наемников и частных охранных структур. После двух лет весьма сомнительного существования – он вышел на контору, которая нанимала людей для работы на саудовских приисках. Еще через два года – принц Али выбрал его в качестве начальника своей охраны – после того, как прежний пропал без вести. Здесь в основном были в ходу бывшие бойцы британской САС – но Али любил выделиться. Кроме того – он опасался, что новый британский начальник его охраны – так же будет совать нос куда не положено и узнает лишнего о его маленьких грешках и проделках. А немцы – тупые и педантичные до предела, что им скажешь – они то и будут делать. От и до.

¹⁰ Ничего удивительного в этом нет. Например, в октябре 2010 года саудовский принц Сауд Абдулазиз бин Насер Сауд гомосексуально изнасиловал и убил своего слугу Бандара Абдулазиза в одном из отелей Лондона. Сами понимаете – что эти нездоровые ситуации – не просто так происходят.

¹¹ Майнхофф, Ульрика – одна из лучших журналисток Германии. Решив написать о деятельности тогда малоизвестной группы Красные Бригады – она в итоге присоединилась к ним и стала террористкой, а группа стала называться Группа Баадера – Майнхофф. Погибла в тюрьме, скорее всего, была убита по приказу правительства.

Именно Клингмайер, который ни на минуту не забывал о своих обязанностях, даже здесь, в пустыне, где опасности вроде как и нет – первым заметил дым за барханами. Это не был черный дым от горящей техники, столбом поднимающийся вверх – это был дым лот бедуинского костра, легкий и почти незаметный – местные растения, если их и удастся собрать для костра, горят быстро и почти без тепла. Как бы то ни было – это была закрытая зона и никаких костров здесь быть не должно.

– Внимание. Справа – привлек он внимание водителя.

– Вижу – подтвердил водитель.

– Что там? – спросил принц нервно

– Дым.

Клингмайер снял с приборной панели гарнитуру микрофона.

– Волк один волку два, выйдите на связь.

– Волк два на связи.

– Проверить справа. Соблюдать осторожность.

– Волк один, вас понял, выполняю.

РейнджРовер ускорился, выходя вперед, и пошел вправо, едва не переворачиваясь на крутом бархане.

– Засранцы... – проворчал Клингмайер. Он не любил рисковать – вообще и этим отличался от англичан. Он любил, чтобы все было сделано безупречно, до мелочей.

– Волк два, это Волк один, что там у вас? Вы едва не перевернулись на гребне.

– Волк один, наблюдаем группу людей и верблюдов, шесть человек и восемнадцать верблюдов. Вооружены старыми винтовками, сидят у костра. Кажется, что-то готовят.

– Волк два, вопрос – они представляют опасность?

– Волк один, визуально – нет опасности, повторяю – нет опасности!

– Что там происходит?! – задал вопрос принц.

– Кажется, какие-то бродяги с верблюдами затеяли пикник – проворчал Клингмайер – надо ехать дальше.

– Нет, надо поговорить с ними. Я хочу поговорить с ними! – сказал принц – поворачивайте! Я хочу поговорить с ними!

Клингмайер только коротко кивнул водителю. По его мнению – в пустыне не стоило связываться ни с кем лишним, и если уж ты едешь на охоту – так и езжай, не надо никуда сворачивать. Но принц был его работодателем и он вынужден был выполнять его указания. Хотя – принц хоть и платил хорошо ему и его людям – он изрядно поднадоел им, как истеричная, всюду сующая свой нос баба.

Ламборгини развернулся – и ринулся на штурм бархана. Это далось ему намного проще, чем РейнджРоверу – чудовищная тяга двенадцатицилиндрового двигателя, позаимствованного у катера давала о себе знать.

Как только Ламбо скрылся за барханом – песок метрах в ста дальше по ходу движения зашевелился – и из него появились два человека. Одеты в странный, буро-песчаный камуфляж, с закрытыми какой-то дерюгой лицами, в которых только напротив глаз была волосная сетка как в чадре – они казались джиннами, духами пустыни, которые воруют путешественников от ночных костров. Но у джиннов – не бывает снайперских винтовок Драгунова – а у этих существа они были, пусть и обмотанные такой же серой, пыльной дерюгой.

Бесшумно и быстро – эти существа бросились по следу уехавшего Ламборгини...

Это было поселение. Уже разрушенное – в пустыне немало таких. Бывший оазис, люди бросили его, когда в колодце кончилась вода. Низкие строения, построенные из смеси глины, песка и верблюжьего навоза, сейчас полузанесенные песком и без крыши. Чудом сохранивша-

яся пальма – но без единого зеленого лепестка. Провал в земле – там, где раньше был колодец. И стадо верблюдов – со спутанными ногами возле небольшого костра и людей.

Ламбо остановился около РейнджРовера – без команды бойцы охраны и не подумали приближаться к непонятной группе.

Клингмайер вышел из машины, обошел ее и встал между Ламборгини и РейнджРовером. В РейнджРовере опустилось лобовое стекло, кто-то протянул Клингмайеру мощный бинокль.

И в самом деле. Верблюды. Люди... кажется маузеры, старые германские маузеры, возможно – оставшиеся еще со времен Африканского корпуса. У Клингмайера – в корпусе сражался отец. И он это помнил.

Шесть человек. Одеты как бедуины – то есть как оборванцы. В арабском слово бедуин происходит от слова «бидун» – то есть «без» и означает человека, у которого ничего нет. Не раз и не два правители стран, по которым кочуют бедуины – пытались выдать им документы и поселить в нормальных домах. Но бедуины отвечали – что привыкли спать под звездами.

– Выглядят неопасными – сказал Клингмайер

– Они и есть неопасные – сказал Папен, бывший офицер Иностранного легиона и правая рука Клингмайера – но вы же знаете местных, сэр. Никогда не знаешь, что они сделают в следующий момент...

– А верблюды? Их восемнадцать.

– Гонят на продажу. Наверное... – подал плечами Папен

– Оставайтесь здесь. Принять готовность два. При угрозе – готовность один. При начале стрельбы – огонь на поражение. Только не заденьте нас.

– Так точно.

– Наблюдайте за развалинами.

– Так точно...

Клингмайер вернулся в машину.

– Медленно вперед – пошел!

Ламборгини покатылся вперед, шлепая широкими, специально для него разработанными шинами по песку. Клингмайеру что-то не нравилось – хотя он не мог понять, что именно. В конце концов – это они заметили дым и решили свернуть сюда, верно?

Ламбо остановился метрах в двадцати, принц решительно взялся за ручку и вышел – прямо с ружьем в руках. Клингмайер выругался сквозь зубы – как охраняемая персона принц был не подарок. Для успешного выполнения работы – охраняемая персона должна осознавать, что в связке охраняемая персона-телохранитель главным является телохранитель и все его указания надо выполнять – для своей же собственной безопасности. Даже если ты президент страны – все равно главным – будет твой телохранитель. Но принц был слишком избалован, чтобы понять это – вот и сейчас он сам открыл дверцу машины, хотя его не раз предупреждали, что дверь открывает старший группы безопасности и после того, как убедится, что все в порядке.

Клингмайер вышел следом, держа Беретту в опущенной руке. Принц шел к бедуинам, что-то громко и раздраженно говоря по-арабски. По-видимому – бедуины не должны были здесь находиться, в речи принца проскальзывали знакомые слова – но Клингмайер арабский так и не выучил до конца.

Все произошло внезапно – более чем. Принц стоял рядом с одним из бедуинов и тыкал в его ствол ружья, а тот – что-то униженным тоном отвечал, видимо просил прощения. И тут, в какой-то момент – бедуин вдруг преобразился разом. Отбив одной рукой ствол ружья – это произошло без какого-либо перехода от слов к действию, второй, левой – он выхватил откуда-то из складок одежды пистолет и в упор выстрелил в принца.

Девять человек из десяти не успели бы среагировать – но Клингмайер прошел подготовку в девятой группе пограничной охраны и умел стрелять быстро. Он вскинул автомат и нажал

на спуск почти одновременно с бедуином – но все же опоздал на долю секунды. Бедуин выстрелил в принца почти в упор – и тут же был сбит с ног короткой автоматной очередью. Одна из пуль – прошла мимо и задела лежащего верблюда – тот взревел, вскакивая.

Бедуины и охранники вскинули свое оружие – дистанция была предельно малой, меньше тридцати метров – и автоматические винтовки охранников здесь проигрывали пистолетам и пистолетам-пулеметам Скорпион бедуинов – поскольку были менее разворотисты, из них было сложно стрелять навскидку. Тем не менее – один из охранников сумел увернуться от очереди Скорпиона и ответными выстрелами поразить стрелявшего в него бедуина. Но на этом везение его кончилось – отработавшие каждый по своей цели бедуины сосредоточили на единственном выжившем огонь из трех стволов.

Почти одновременно с этим погиб и Клигмайер – он оставался на ногах, в то время как его противник был тяжело ранен очередью из Беретты – и его подготовки хватало, чтобы одной длинной очередью скосить всех шестерых бедуинов. Но пуля, выпущенная из советской снайперской винтовки с гребня бархана метров с трехста – ударила точно в сердце и разом оборвала жизнь немца.

Охрана в РейнджРовере среагировать не успела – слишком быстро все произошло. Уже когда были убиты пятеро из шести охранников и сам принц – РейнджРовер покатился по песку, взметнулись, расходясь в стороны половинки крыши, и в люке появился пулеметчик со своим чудовищным оружием. Но выстрелить он не успел – пули той же советской снайперской винтовки выбили из него жизнь, еще несколько – ударили по салону, по тонированным стеклам. Снайперы стреляли в паре, поразительно быстро выпуская пулю за пулей – и РейнджРовер остановился, проехав вперед всего метров пятьдесят. Никто ничего не успел сделать.

На горизонте – показались бегущие люди, они бежали неторопливо и размеренно, приближаясь с востока. Одеты они были так же, как и снайперы – камуфлированный костюм разведчика, рваная дерюга, прикрывающая лицо сетка. Но в руках у них были – не снайперские винтовки, а автоматы и пулеметы Калашникова. Их было десять человек – основная засада, которая должна была ждать принца и его людей дальше, в русле сухого вади, по которому обычно передвигались здесь машины. В пустыне – нет ни нормальных дорог ни ориентиров – но если быть бедуином и уметь читать пустыню – ты всегда знаешь, где поедет твой враг...

Из шести бедуинов, поджидавших у верблюдов – двое были убиты наповал, один ранен тяжело, другой легко. Все, кто был в Ламбо и в РейнджРовере – а это тринадцать человек – были убиты наповал. Основную работу – сделали снайперы.

Один из «бедуинов» – достал пистолет, подошел к тяжелораненому. Он был его другом – бегали вместе по пыльным улочкам пригорода Багдада, учились вместе, вместе пошли и служить. Именно поэтому – он должен был сделать то, что велел ему долг перед страной.

– Прости, Фарук...

Раненый закашлялся, выхаркивая кровь – и бедуин выстрелил ему в голову.

Трое...

– Что произошло? Какого черта?

– Мы не знаем, рафик капитан. Они свернули с дороги и подъехали к нам. Али скажет лучше, он был там.

Али, один из снайперов, который подогнал сюда простреленный РейнджРовер, и сейчас стоящий рядом – пожал плечами

– Я не знаю, рафик капитан. Мы только увидели, как они свернули и пошли за ними.

Капитан – посмотрел на длинный ряд выложенных рядом с машинами трупов.

– Трупы в колодец. И засыпать.

– А наши?

– Туда же. Все они умерли смертью воинов – и Аллах примет всех без исключения. Махмуд – сделай что-то с машинами. Разобрать оружие... соберите хотя бы три комплекта одежды этих, не испачканных кровью. План меняется...

Dum spiro spero¹²... Персидский залив. Рыболовное судно «Аль-Ах». Тот же день

Персидский залив – один из самых мелководных на планете. И один из самых загрязненных – танкеры, которых здесь видимо – невидимо, при порожних рейсах заканчивают в банки для остойчивости морскую воду. Перед загрузкой – они опорожняют баки, сливая воду с остатками нефти в Залив. По экологическим требованиям этого нельзя делать – но это делается сплошь и рядом. Поэтому – в Персидском заливе купаются только законченные отморозки: вода, особенно у берегов – переливается всеми цветами радуги.

Помимо месторождений на территории самой Саудовской Аравии – у нее есть месторождения и в принадлежащей ей части Персидского залива, в пределах двухсотмильной экономической зоны. Все они сконцентрированы у самого севера этой зоны, у разделительной линии с Кувейтом. Крупнейшие блоки – это Сафания, Зулуф и Хамур. Добыча на них ведется с платформ, установленными прямо в море на погруженных бетонных столбах – быках. Расположение платформ в море удобно еще и тем, что танкеры могут загружаться прямо с них, для этого в состав добычных комплексов включены накопители, чтобы загружать их – а потом перегружать нефть на другие танкеры. В качестве накопителей используются старые танкеры с односторонним корпусом, которые были запрещены к эксплуатации после катастрофы танкера «Эксон Вальдец» у берегов Аляски и продавались за бесценок. Нефть, которая добывается несколькими качалками, сбрасывается в танкер, после чего к нему швартуется другой танкер и перекачивает нефть в свои танки. Простая и в принципе разумная схема.

Ближе к вечеру в нескольких километрах от одной из таких платформ застопорило ход рыболовное судно «Аль-Ах»,¹³ порт приписки Аден, порт назначения – эль-Кувейт. Несколько человек, чем-то похожих на чертей из-за раскрашенных черным лиц и черных резиновых костюмов аквалангистов – проворно спустили на борт несколько лодок типа Зодиак – советские, типа Стриж никуда не годились. Да и не должно было здесь быть ничего советского.

Когда лодки оказались в воде – на палубе появились еще люди, одетые подобным образом. В руках они несли большие, водонепроницаемые мешки – создав что-то вроде цепочки, они быстро перекидали мешки в лодки. Старший группы посмотрел на часы – одиннадцать минут до прохода американского спутника слежения, замахал руками – быстрее, быстрее. Рассевшись по лодкам, люди включили моторы – на них были специальные войлочные колпаки, а выход выведен под воду, чтобы не было слышно. Лодки понеслись навстречу целям, повинувшись командам сидевших на руле лоцманов – они были местными и знали Залив как свои пять пальцев.

Меры безопасности, конечно, предпринимались – но они и близко не шли в сравнение с теми, которые предпринимались, например, на базе подводных лодок в Феодосии. Непрерывный осмотр акватории не велся, наблюдатели выделены не были, подводных заграждений, в том числе и малозаметных – не было, сброс гранат в воду с целью поражения возможных боевых пловцов не велся, никаких противодиверсионных сил на объекте не имелось, личный состав не прошел подготовку по отражению нападения диверсантов. Все меры безопасности – заключались в том, что было два патрульных катера береговой охраны и несколько лодок, они обходили акваторию несколько раз в день и даже не пытались обнаружить возможных боевых пловцов. Еще были буксиры, они работали, когда подходил танкер и были суда снабжения, доставлявшие на платформы смены работников и все необходимое для работы. Для бойцов ПДСС – подводных диверсионных сил и средств Черноморского флота – задача даже не была

¹² Пока дышу – надеюсь (лат.). Девиз советских боевых пловцов.

¹³ Брат.

учебной, ведь они тренировались в проникновении на места стоянки ядерных подлодок. Но, как и к любому заданию – они подошли добросовестно и с полной отдачей.

При этом – меры безопасности, предпринимаемые для отражения возможного нападения с воздуха и с морской поверхности все же были! И наблюдатели, как показали спутниковые снимки, даже со Стингерами. И зенитно-ракетные комплексы на берегу! Но все это делали сухопутчики, не моряки. Они видели возможную угрозу в истребителе-бомбардировщике, в артиллерийском катере – но они даже представить себе не могли скользящих в нескольких метрах под водой боевых пловцов, приближающихся к цели. Их просто не научили – что может быть и такое.

В нескольких километрах от целей – лодки разделились, и каждая пошла своим маршрутом – целей было много и это уравнивало совершенно негодное противодиверсионное прикрытие объектов: каждая лишняя цель увеличивала риск обнаружения. Одна из лодок осталась на месте: четыре человека, с уже надетыми французскими аквалангами – плюхнулись спиной вперед в теплую, вонючую воду Залива. Тот, кто оставался на лодке – бросил им следом три мешка и направился обратно к рыболовному судну.

Оказавшись в воде – боевые пловцы собрались и принялись за работу. Первым делом – они распаковали свое снаряжение. Один из мешков надулся и превратился в большой подводный плот нейтральной плавучести. Другие два мешка – закрепили на нем.

Поскольку – никакого противодействия ожидать не следовало, в движении боевые пловцы построились следующим образом. В авангард – выдвинули одного человека, он единственный был вооружен подводным автоматом АДС и должен был обеспечивать движение остальной группы. Остальные трое – принялись за плот: не такая уж простая задача: буксировать под водой груженный плот три с лишним километра. Впрочем, здесь просто нужна была сила, а не смелость.

Паря в безмолвном, черном пространстве они приблизились к объекту. Боец с автоматом всплыл – буквально на несколько минут – и увидел огни вышек и высокий борт танкера. Американский танкер стоял и принимал нефть... тем лучше... точнее, кому лучше, а кому и хуже. Если они сделают дело и уйдут – то лучше им и их стране. А вот если танкер провернет винты в то время, когда они будут устанавливать заряды – то лучше американцам. Всякое может быть.

Они распаковали мешки, которые транспортировали на плоту – там оказалось несколько УПМ, удлиненных прилипающих мин. С виду – они выглядят как стальная фляга больших размеров, весят четырнадцать с половиной килограммов и в длину чуть больше полуметра. Мин оказалось восемь – по две на каждого. Спецназовцы разделились на пары, в каждой паре один взял все четыре мины, а второй – должен был его прикрывать, направлять, брать мины и устанавливать их.

Корпус судна – накопителя был не просто грязным – он зарос ракушками и водорослями, покрытыми отвратительной черной слизью, да так, что не было ни единого свободного сантиметра. Один из боевых пловцов достал нож, попробовал очистить небольшой пяточок на корпусе, понял почти сразу – бесполезно. Так можно ковыряться целый час и толку не будет.

Спрятав нож, он взял у напарника тяжеленную мину. Держа ее на вытянутых руках и работая ластами – начал подниматься вверх. В голове немного помутилось – декомпрессию он не делал – но глубина детская, десятков метров. С такой можно и без декомпрессии.

Всплыл – профессионально, почти без всплеска, едва не выронил заряд – держать пятнадцать килограммов на вытянутых руках, в воздухе, да не имея свободной опоры – лучше не пробовать. Он всплыл как раз между двумя бортами, воду здесь покрывала пленка грязи столь толстая, что он не смог толком даже очистить стекло водолазной маски. Кое-как сориентировавшись и стараясь не делать резких движений – привалил пятнадцатикилограммовую тушу мина к борту у самого среза воды. Мина пристала к скользкой от грязи и нефтяных помоев стали с глухим стуком... опытный наблюдатель на танкере мог бы это услышать.

Но опытных наблюдателей не было... крысы сухопутные, по воде как по асфальту... так вам и надо.

Никаких угрызений совести боевой пловец не испытывал. Нефтяная инфраструктура саудовская... а замполит на сборе до всех довел, что такое Саудовская Аравия и сколько всего хорошего она сделала для моджахедов в Афганистане. А в отряде – двое Афган прошли, у одного отец погиб, у другого – дядя. Сам Бог велел рассчитаться, да как следует рассчитаться. А американцы... те еще паразиты, совсем недавно по телевидению цикл передач был на эту тему. В рамках телепередачи Человек и закон. Планы по разрушению СССР, заброска агентов влияния, генералы-предатели, члены Политбюро – предатели. Дело врачей – убийц... это вообще ни в какие ворота не лезет, врачи – убийцы, таких прилюдно вешать надо на Красной Площади. Разрушение СССР, развал армии, разворовывание общенародной собственности. Американцы это все устраивали... вот пусть теперь и отхавают... десять килограммов пластида.

Боевому пловцу пришла в голову отличная мысль – третью мину он поставил не на корпус плавучего хранилища нефти – а на корпус самого американского танкера, точнее – на винторулевую группу. У новых танкеров корпус крепкий, двойной, вряд ли пробьет, а тут самое дело будет. Как рваться начнет... вот пусть и поманеврируют...

Поставив трехчасовой таймер – он погрузился в воду, буквально чувствуя омерзительную нефтяную пленку на лице. Надо найти место для четвертой мины – две они брали для дела, две запасные. Одна, значит, на танкер – а четвертую сейчас пристроим...

В это же самое время два человека, у каждого из которых был бесшумный пистолет и мина, положенная в заплечный мешок – забросили веревки с грузами на массивные арматурные обвязки, ограждающие трубопроводы, ведущие от добывающих вышек. Подергали – держится крепко. Начали подниматься – узел за узлом, бесшумно и неотвратно, подтягивая все тело и груз одними лишь руками и цепляясь за веревку ногами. Их ждали трубы – с каждого блока скважин эти трубы сходились в одну точку, после чего направлялись либо на берег, на перерабатывающий комплекс, либо на плавучее хранилище. Взрывать сами платформы смысла нет, к тому же там люди. Взрыв на платформе выведет из строя только одну платформу, остальные останутся работать. А вот взрыв здесь, на этих жирных, почти в человеческий рост стальных змеях – выведет из строя весь блок...

Рука протянулась из воды, черная, скользкая от нефти – и две другие ее схватили, с силой рванули из воды. Предпоследний из боевых пловцов – оказался на Зодиаке.

– Где Семен? – негромко спросил старший на лодке

– Внизу. Прикрывает. У него декомпрессии минуты две еще. Какая гадость... – пловец постарался убрать нефтяную слизь хотя бы с маски и с головы

– Какая гадость... – передразнил его сидящий на моторе офицер, с типичным одесским грассирующим «р», так что непонятно, что получилось – то ли радость, то ли гадость.

– Хорош ржать. Мотор проверь.

Еще одна рука показалась из-под воды – и последнего втащили на борт лодки. Потерь не было – как и следовало ожидать. Когда сухопутчики берутся за охрану – именно это и получается.

– Ну?

Степан показал большой палец

– Уходим...

Приказ был жесткий, не предусматривал двойных толкований – все лодки, все оборудование боевых пловцов – перед тем, как подняться на борт судна – матки утопили с грузом – чтобы

не было никаких улик на случай неладного. Поднялись на борт, переоделись в гражданское, кто пошел спать, кто – на вахту. Когда рыболовное судно Аль-Ах уже приняло курс на порт Басра – за кормой полыхнуло несколько вспышек – и над горизонтом с запада, по левому борту начало подниматься кроваво-красное зарево...

Саудовская Аравия. Станция перекачки нефти. Январь 1988 года

Месторождения нефти в Саудовской Аравии – расположены не равномерно по территории страны – а блоками, в основном – в северо-восточной части страны. Из них крупнейшее месторождение и в Саудовской Аравии и в мире – называется Гхавар и находится – примерно в пятидесяти километрах от берега, неподалеку от границы с Объединенными Арабскими Эмиратами. Оно настолько огромно – что по площади составляет более половины территории такого государства как Бахрейн. Работают на нем в основном американцы и наемные работники – из Пакистана, Таиланда, есть и палестинцы. Сами сауды – не снисходят до того, чтобы добывать черную кровь своей земли. Им больше нравится сидеть в кондиционированных офисах, читать Коран и подсчитывать свои барыши. Даже в охране нефтяных объектов, которую осуществляет армия у них – полно пакистанцев, даже пакистанские офицеры в армии. Сауд может быть только генералом... на худой конец полковником. В армии служить с рядовых должностей – им тоже в лом.

Для справки – нефть мало добыть, ее надо еще транспортировать. К нефтяным терминалам, к нефтеперерабатывающим заводам, к потребителю. Самый экономичный путь транспортировки это трубопровод, на втором месте танкер большого водоизмещения. Но нефть – это не вода, это довольно вязкая жидкость, в ней содержится парафин, содержится сера. Прокатка нефти по трубопроводу – не такая простая штука, тем более что трубопровод забивается отложениями. Поэтому – через некоторое расстояние – трубы прерываются перегонными станциями. Это место, где поток нефти по трубе ускоряется. Основной нефтеперегонной станции служит турбина, чаще всего – авиационная.

Вот, на одной из таких нефтеперегонных станций – нет дежурство солдат по имени Акиб. Точнее – не солдат Акиб – а лейтенант Акиб и поэтому он теперь мог дрыхнуть в салоне джипа, где есть кондиционер, в то время как остальные несут службу на посту. Он прибыл сюда уже давно, четыре года назад и обзавелся даже небольшим домиком в Арабских Эмиратах, совсем рядом – это на случай, если его вышибут со службы. Но это вряд ли – тем более после милейшей беседы с одним уважаемым человеком из Мухабаррата¹⁴. Он совершенно определенно пообещал, что если он пройдет курс специальной подготовки, а потом вернется в свою страну, где сейчас бушует война всех против всех и будет делать то, что скажет саудовская разведка – то по возвращении ему дадут подданство, и ни он, ни его дети – больше никогда не испытают нужды. Он знал, что это правда – сам он родился десятым ребенком в семье, которая жила в хижине с земляным полом, а вот здесь – ребенку при рождении от Его Величества дают в подарок несколько десятков тысяч долларов, которым он сможет воспользоваться, как только достигнет совершеннолетия. Лейтенант не задавал вопросы – а справедливо ли все в этом мире и почему люди молятся одному Аллаху, но у одних дети в подарок получают несколько десятков тысяч долларов при рождении – а у других один врач приходится на десять тысяч детей? Не думал он и о том, почему местный правитель, если он такой богатый – дает деньги не для того, чтобы дети оставались живы – а для того, чтобы длилась война в далекой стране, чтобы гибли и гибли люди, которые в жизни не видели ничего кроме нужды и лишений. Он считал, что все было правильно. Все – по воле Аллаха. И даже то, что он сейчас дрыхнет в кондиционированной прохладе, а его солдаты стоят под палящим солнцем – это тоже правильно, это справедливо. Каждому – свое.

Вот только... улечься бы поудобнее.

¹⁴ Мухабаррат аль-Амма, служба общей разведки Саудовской Аравии

Лейтенант попытался это сделать – и тут же обнаружил, что его кто-то трясет за плечо.
– Ты что здесь делаешь, наглая скотина?! – взревел он, еще не продрав глаз. Это был один из солдат, он еще не понял, кто

– Но господин лейтенант, там какая-то машина требует, чтобы ее впустили?

– О чем ты говоришь, сын осла? – лейтенант поморщился от головной боли – гони всех прочь, о Аллах...

Солдат чуть отступил.

– Но господин лейтенант, это важная машина!

– Какая?!

– Большая – тупо улыбаясь, сказал солдат

О, Аллах...

– Сгинь с моих глаз, сын шакала! – взревел лейтенант.

Солдат бросился прочь.

Лейтенант попытался прийти в себя – резкий переход от двадцати градусов в автомобиле к сорока пяти на улице давал о себе знать. Внезапно он понял, что то что он принимал за последствия головной боли – это сигналы машины, громкие и настойчивые. Надо идти смотреть...

Когда лейтенант вышел к периметру, к воротам – он от страха едва не опустил в штаны. Эту машину он знал – таких было немного и все они здесь – принадлежали членам одной фамилии. А он знал, что любой представитель семьи Саудов мог пристрелить его как собаку за лень и нерасторопность и ничего ему за это не будет.

Оскальзываясь на песке – лейтенант кинулся открывать...

Как только он оттащил в сторону воротину – Ламбо, взревев мотором и окатив его песком – рванулся внутрь. Лейтенант побежал за ним следом... о Аллах... хозяин рассердился. Но если встать на колени – возможно, он и помилует.

Ламбо подлетел к зданию где находился пост управления станцией и остановился, из машины выскочило четверо – и тут пакистанский лейтенант, наконец то понял, какой он идиот, и каким он идиотом был всю жизнь. И это – уже было не исправить, потому что иракский спецназовец из Кууат-999, спецподразделения иракской армии, известного так же как «Копья Аллаха» направил на бегущего лейтенанта бесшумный Скорпион – и лейтенант упал под себя, пробитый двумя пулями. Никаких команд не требовалось. Двое рванулись в центр управления станцией, двое – бесшумно и быстро – туда, где должна была быть охрана станции, разомлевшие от жары полугражданские увальни.

– На пол! Вниз!

Сидевший за пультом инженер, чисто выбритый и явно не араб, начал подниматься с места.

– What a fuck...

Бегущий первым иракский спецназовец ударил его прикладом трофейной винтовки в лицо, потом добавил ногой. Американец свалился на пол.

– В угол! Быстро! Буду стрелять!

Американцы подчинились. Они были наняты по специальному контракту, перед отправкой сюда страховая компания, где страховалась их жизнь – заставила их пройти семинар по выживанию, который вели в лесах Виргинии бывшие зеленые береты. Им объяснили просто и спокойно – что на Ближнем Востоке существует такое явление как терроризм и похищение людей ради выкупа. Если вас пытаются похитить или захватили в заложники – вы не должны оказывать похитителям никакого сопротивления, нужно выполнять все их требования. Рано или поздно – ваше местонахождение установят и американский спецназ освободит вас из рук похитителей. А если будете оказывать сопротивление – вас могут убить, потому что вы дикие и нецивилизованные люди.

Поэтому – американцы и саудиты, их здесь было примерно поровну – дисциплинированно собрались в углу большого, просторного зала, наблюдая за тем, как один из ворвавшихся в комплекс боевиков лихорадочно переключает клавиши и рычажки на пульте. Второй в это время держал их под прицелом.

– Какого хрена!?! – старший смены был опытным, много лет отработавшим на таких объектах американским инженером, и он мог оценить что делается с полувзгляда – это же будет гидроудар! Выйдет из строя вся система, нефть разольется!

– Молчать!

Иракец закончил, вскочил с кресла оператора

– Пошли отсюда! – ствол автоматической винтовки указал на дверь – пошли отсюда, ну! Бежать! Пошли, неверные свиньи!

Заложники переглянулись – их что, выпускают? Это было что-то, не предусмотренное в программе.

– Бежать! – офицер дал короткую очередь в потолок.

Автоматная очередь, грохот которой больно ударил по барабанным перепонкам, произвела должное впечатление – заложники, сбивая друг друга с ног, бросились к выходу.

Из всех тех, кто попал в заложники и кого сейчас отпускали иракцы – только один саудовец, самый молодой, который был не инженером, а только кандидатом в инженеры, стажером. Он чуть поотстал, сделал вид, что его толкнули – и бросился на иракца. Ему даже удалось схватить автомат, который висел на ремне, на шее – но больше ничего он сделать не смог. Иракец и не пытался бороться за автомат – вместо этого он выхватит пистолет и выстрелил в молодого саудовца в упор. Саудовец упал на пол – единственный мужчина из всего персонала станции.

– Давай быстрее!

Один из иракцев достал баллончик с черной краской, быстро и размашисто нарисовал символ – полумесяц со звездой и надпись Аллах Акбар. Дискантом беды, в помещении гудел ревун, перемигивались красные огоньки на панели управления – надо было уходить, пока не поздно. Система вышла на критические параметры работы – катастрофы можно было ждать в любой момент.

Примерно в это же самое время – одиночный внедорожник РейнджРовер вылетел из пустыни, как вихрь к одному из крупных нефтехранилищ – и прежде чем охрана успела что-то понять и предпринять – ударил по блестящим на солнце, внушительным емкостям с нефтью из пулемета калибра двенадцать и семь. Все это походило на действия САС в Северной Африке в сорок первом – сорок втором годах, когда им удалось уничтожить на аэродромах столько же самолетов Люфтваффе, сколько британские пилоты уничтожили в воздухе. Опыт Дэвида Стирлинга¹⁵ не был похоронен и забыт – кому надо, тот помнит, и изучает. Только применяется он теперь против отцов – основателей – хранилище принадлежало на паях АРАМКО и Бритиш Петролеум.

Прежде чем охрана успела предпринять что-либо осмысленное – неизвестный внедорожник прекратил огонь и рванул в пустыню, исчезнув из поля зрения. Преследовать его не было ни сил, ни возможностей – три емкости уже всюю горели и огонь вот – вот должен был перекинуться на остальные...

¹⁵ Основатель САС, специальной авиадесантной службы Великобритании

Саудовская Аравия. Пустыня. Январь 1988 года

В нескольких километрах от захваченного пункта нефтепереработки, прямо в пустыне остановился небольшой грузовичок – пикап японской фирмы Тойота. Совершенно обычная здесь машина, очень удобная, потому что крепкая и имеет отключающийся полный привод. Если надо – включило и едешь по пескам, заезжаешь куда угодно в пустыню – машина крепкая и проходима. Если надо – отключил полный привод и едешь по нормальным дорогам, которых в Королевстве, хвала Аллаху – все больше и больше... И бензина много не жрет, это тебе не профессиональный вездеход. И стоит недорого, не то, что РейнджРоверы и почти не ломается...

Кузов у машины был удлиненный, да еще накрытый специальным высоким кунгом. Ничего необычного в такой машине не было – на таких развозили небольшие бригады по строительным объектам и нефтяным скважинам: удобно и не надо гонять тяжелые Кенуорты. Надпись большими буквами на борту **schlumberger**¹⁶ – почти гарантировало от любой дорожной проверки.

В машине сидели два человека. Один среднего роста, лет сорока на вид, бородатый, с монголоидным разрезом глаз и хитрым выражением лица – когда оно не скрыто шемахом, как сейчас. Второй – повыше, но ненамного, загоревший и заросший кудлатой бородой. Оба они были одеты в спецовки от Шлумбергера, на голове – шемахи и очки, что совсем неудивительно. Только идиот суется в пустыню с неприкрытым лицом... песок как пыль, будешь потом не один день кашлять, а можно им силикоз заработать.

Молодой был за рулем, старший сидел на пассажирском сидении и насвистывал какую-то песенку. Даже с обеими подключенными мостами машина шла тяжело, проваливаясь сдвоенными задними колесами в песок. Видимо, груз, который она везла – был тяжелым.

– Кем хе бейад¹⁷? – спросил молодой, внимательно следя за малейшими изменениями цвета песка впереди. С этим шутить нельзя, песок очень коварен – и если попадешь в зыбучие пески – машину не вытащишь и вертолетом и дай Аллах спастись самому

– Швайя – швайя¹⁸

И снова начал напевать свою дурацкую песенку...

Скворцов понял, что это – «Учкудук, три колодца» – и чуть не рассмеялся, когда вдруг старший сказал «хина», что значило – здесь. Они говорили по-арабски, они не произнесли за несколько дней ни одного слова по-русски – а теперь этот мудака поет советский – Учкудук, три колодца. Мало того, что песня советская, так еще и секретный объект¹⁹ рассекречивает!

Впрочем – полковник, еще и иракский. То есть – не наш. Голова большая, пусть думает, что поет. В глубоком тылу противника...

– Хуна – внезапно сказал полковник – икаф ас-сайя²⁰

Скворцов остановил машину. Тишина – навалилась подобно большому, ватному одеялу. Вышел из машины, огляделся по сторонам. Никого.

– Бесораам, бесораам²¹! – поторопил его полковник.

¹⁶ Одна из самых известных в мире нефтесервисных компаний. Нефтесервисная – это значит, что она не владеет скважинами, а только помогает эксплуатировать их, за плату, естественно.

¹⁷ Как далеко еще (арабск.)

¹⁸ Немного, совсем немного (арабск.)

¹⁹ В Учкудуке располагался секретный объект, завод по обогащению урана, если память не изменяет. Поэтому – когда министр среднего машиностроения впервые услышал эту песню – он чуть со стула не упал.

²⁰ Здесь. Останови машину (арабск.)

²¹ Быстрее, быстрее! (арабск.)

Скворцов откинул задний борт машины и выкинул на свет божий лист профилированного железа, как шиферный, только железный, его они достали утром на шуке – то есть на рынке. Потом еще один. Полковник потащил первый лист на гребень бархана – и Скворцов понял, что ракеты придется доставать ему одному.

Ракета Града в укупорке – весит сто десять килограммов. Как-то раз, не от большого ума, в Афганистане – они взялись тягать эти ракеты, вроде как на спор. Победил, конечно же, Шило – но ему что, здоровый бугаина, с детства штангой занимается. А вот он – с детства стрельбой занимается, еще маман в свое время записала к модному консерваторскому профессору – на пианино играть, типа. От музыкальных пыток он сбежал после седьмого занятия, а вот от ракет – сбежать было невозможно.

Чтобы не думать, обо всей об этой дряни – он начал вспоминать, как будет по-арабски «помоги мне» – слова, которые он никогда не скажет, ни на одном языке. Если память не изменяет – то саадини, почти как русское «соедини». Но хрен тебе, полковник гэбешный, от меня ты этих слов не услышишь.

Ракета тяжело плюхнулась на песок, он потащил ее на бархан, выкладываясь изо всех сил. Полковник подскочил, схватил с другой стороны. Коротко бросил – ахбаль, что значило – идиот. Наверное, он и в самом деле – идиот.

Минут двадцать – у них ушло, чтобы освободить ракеты от укупорки и положить их на лист железа. Эти ракеты – они взяли не из Советского союза – они были... кажется, румынского производства и поставлены они были в Северный Йемен, капиталистический и имеющий какие-то особые отношения с саудами, в отличие от социалистического Южного Йемена, где совсем недавно – была проплаченная саудами и кое-кем еще резня. Эти ракеты были украдены, а упаковку... пусть найдут упаковку. Задумаются...

Затем – гэбешный полковник стал вымерять какие-то показатели с помощью компаса и строительного отвеса – а Скворцов – полез в кузов, вытащил большой, свежезаряженный японский аккумулятор и связку заранее нарезанных высоковольтных проводов. Пока полковник продолжал свои измерения и подсчеты на калькуляторе – он начал вязать взрывную цепь.

В принципе – ничего хитрого, точно так же делают и духи в Афгане. Лист шифера, несколько снарядов Град, купленных, оставленных, украденных у Советской армии или у зеленых, партнеров – так называли то, что по какому-то недоразумению называлось афганской армией. Запускается или так – с помощью автомобильного аккумулятора, или даже огневым способом – разводится костер, и... Хорошо было бы Ураганом, не Градом шарахнуть, у него не обычная, а вакуумная боеголовка – но и так нормально будет. Учитывая – по чему они бьют.

Вашим добром – да вам же челом.

– Джайд – наконец удовлетворенно сказал полковник – бисмиллахи²². Яллах...

Скворцов завел машину, осторожно, чтобы не закопались колеса, прижал педаль газа. Машина тронулась намного веселее, чем когда они ехали сюда – неудивительно, кузов то пустой.

– Рафик полковник – сказал он внезапно по-русски – разрешите на русском вопрос задать?

– Задавай. Раз на нормальном языке не можешь.

– Товарищ полковник, а где вы таким вещам научились?

– У вас же и научился – охотно пояснил полковник, по-русски он говорил совершенно свободно, лучше иного русского – я у вас, в Союзе учился. Одесское высшее артиллерийское командное училище имени Фрунзе. Я сначала артиллеристом был, потом в специальную республиканскую гвардию перешел.

²² Хорошо сделано. Во имя Аллаха. Поехали, сматываемся... Предпоследнюю фразу рекомендуется произносить, как только ты начинаешь какое-то дело.

– А что, разве там такому учат? – с сомнением спросил Скворцов – я имею в виду – ракеты запускать огнем и электрическим способом, без установки? Нас такому только в Афгане учили, и то – ГРУшники.

– Учат, Николай, учат – вздохнул полковник – ты за дорогой следи. Нам еще до верблюдов добраться, пока не увели...

Двое спецназовцев, иракский полковник и, советский, с недавнего времени капитан – ехали на японском пикапе через саудовскую пустыню, направляясь к границе с Кувейтом, которая почти никак не обозначена, нормально не охраняется. У них за спиной – остались восемь ракет Град, привязанных к двум параллельным электрическим иницирующим сетям и нацеленных на громадный нефтеперерабатывающий комплекс в Абкейке. Две трети саудовской нефти, идущей на экспорт в качестве нефтепродуктов – перерабатывалось именно там.

Через сорок минут – известие о скоординированной атаке крупнейших саудовских нефтяных промыслам достигло Лондонской биржи, а еще через двадцать минут – Нью-Йоркской и Чикагской товарно-сырьевых бирж и офисов крупнейших нефтяных компаний в Хьюстоне. На момент начала торговой сессии – цена на нефть держалась в районе двадцати семи долларов за баррель: год с небольшим назад, когда сталинисты совершили государственный переворот в Советском союзе она взлетала до сорока – но потом совместными действиями США, Кувейта и Саудовской Аравии ее планомерно продавили вниз и намеревались продавливать и дальше.

Известие о произошедшем настигло американские товарно-сырьевые площадки в самом начале торговой сессии – и биржевики принялись за дело. Уже к концу торговой сессии нефть стоила тридцать пять долларов за баррель, поднявшись разом на восемь долларов, а фьючерсные котировки – ушли еще выше и достигли тридцати восьми долларов за баррель по девятидневным контрактам и сорока – по ста восьмидесятидневным. Уже к концу торговой сессии пришло сообщение о том, что разрушения предельно серьезны, пострадали не только сами скважины, но и инфраструктура и восстановить все это удастся не ранее, чем через несколько месяцев. А пока – даже не потушены пожары. Но важен был сам факт – в мире появилась террористическая организация, способная нанести разом несколько скоординированных ударов по стратегически важным для западного мира объектам нефтяной инфраструктуры. Этот факт – заставлял кардинально пересматривать риски по всем долгосрочным контрактам и вообще – ставил под сомнение самую систему долгосрочных контрактов. Кому они нужны – если твоего контрагента могут взорвать в любую минуту?

На следующий день – торги открылись только в Лондоне, Комиссия по ценным бумагам США приостановила торговлю нефтью и всеми энергетическими контрактами до особого распоряжения. В Лондоне – торги открылись на тридцати восьми, и цена быстро достигла сорока одного доллара за баррель – что было почти катастрофой. В середине дня – выступил президент США Джордж Буш и заявил, что США расконсервирует национальный нефтяной резерв – впервые с эмбарго семьдесят третьего года, а при необходимости – расконсервирует все свои законсервированные скважины и распечатает нефтяные запасы на Аляске, которые до этого были закрыты к освоению из-за экологических требований. Кроме того – США направляют в Персидский залив авианосец Джон Ф. Кеннеди и десантные вертолетоносцы Уосп и Тарава с экспедиционной группой морской пехоты и отрядами спецназа на борту. Президент США в своем выступлении подчеркнул, что Соединенные штаты Америки готовы защищать своих друзей любыми средствами и не допустят новых террористических атак на жизненно важные для США объекты.

Это немного охладило пыл биржевых быков – и к концу торговой сессии котировки опустились до тридцати девяти долларов за баррель. В те времена – не менее девяноста процентов нефти продавались по долгосрочным контрактам – и всплеск цен на спотовом рынке не оказал

немедленного негативного действия на западную экономику. Однако все понимали: процесс пересмотра цен на долгосрочном рынке начнется уже завтра, адвокаты, представляющие интересы продавцов уже сидят на телефонах, готовые ринуться в бой – и новые контакты будут заключаться по цене никак не ниже тридцати трех – тридцати четырех долларов за баррель с тенденцией к повышению. Новые риски должны быть заложены в цену – иначе никак. Медвежий тренд на рынке энергоносителей был сломан и сломан жестко.

От автора: некто Вадим Кучеренко (Максим Калашиников) написал книгу «Вьюга в пустыне». Задача ставится примерно та же самая – но решается она почему-то путем массированного ракетного нападения с территории СССР. Ну, а как сделать умнее – описанным выше путем или как у Калашиникова – решать вам, читатели.

США, штат Мэриленд. Кэмп-Дэвид. Январь 1988 года

Не так часто можно увидеть столь незабываемое зрелище – как Президент Соединенных штатов Америки, бегущий босиком по снегу.

Президент Соединенных штатов Америки Джордж Герберт Уокер Буш после утомительных рождественских праздников решил дать себе небольшой отдых – хотя бы пару дней. Не мальчик все-таки, здоровье уже пошаливает. И сын... пошаливает, на Рождество он опять напился до утраты человеческого облика, несмотря на то, что больше обещал не пить. Ему уже подыскивали специальную клинику, он наотрез отказался. Но не исключено, что придется класть в клинику силой, потому что это – уже алкоголизм.

Сообщение о чрезвычайной ситуации в Саудовской Аравии достигло Белого Дома примерно в два часа ночи – причем не из доклада ЦРУ, а из выпусков новостей CNN, которые кто-то постоянно смотрел. В ночную смену это был стажер, увидев на экране рвущееся к небу красно-желто-черное пламя и клубы черного дыма, закрывающие все небо – он испугался и ночью начал звонить руководителю секретариата Белого Дома. Когда руководитель секретариата подошла к телефону – стажер закричал в трубку – война. На Саудовскую Аравию напали.

Примерно через сорок минут – спешно примчавшаяся в Белый Дом руководитель президентского секретариата набирала номер Кэмп-Дэвида с ужасом поглядывая на творившееся на телеэкране. Было понимание того, что началась большая война.

В этот же момент – по экстренной системе сбора собирались сотрудники Объединенного Комитета Начальников Штабов Пентагона. Неподалеку отсюда – в Форт Дrame квартировал батальон военной полиции, их подняли по тревоге. Оперативные группы – два сотрудника военной полиции, автомат, ружье, два пистолета, две рации, автомобиль Шевроле или Форд цвета хаки и приказ. Любой ценой найти... неважно, дома, у любовницы, в подпольном казино, в борделе... доставить на место. Процедуры, подобные этой – применялись тогда, когда страна стояла на пороге ядерной войны. Может быть, она и сейчас – стояла.

В Кэмп-Дэвиде трубку поднял старший смены Секретной службы, офицер по фамилии Николс. После того, как в Советском Союзе произошел государственный переворот – ночную смену охраны увеличили с восьми человек до двенадцати, а на крышах – расположились снайперы Морской пехоты США вооруженные бесшумными винтовками с новейшими термооптическими прицелами Магнавокс. Русские – после Афганистана получили мощные силы спецназначения, готовые к выполнению любых задач – и возможность появления в окрестностях Кэмп-Дэвида отряда советского спецназа рассматривалось Секретной службой вполне серьезно.

– Николс.

– Вы смотрите телевизор? – чуть истеричным, напористым голосом осведомилась начальник секретариата Белого Дома

– Нет, мэм – вежливо сказал Николс. Он недолюбливал эту истеричную и склочную бабенку... еще с тех самых пор, когда она обвинила одного из сотрудников Секретной Службы в приставании, за ней шла недобрая слава

– Так включите немедленно. И надо будить президента.

– Мэм, вы уверены? Президент устал, он до позднего вечера...

– Черт возьми, делайте, что говорят!

– Да, мэм.

Николс усвоил – с психопатками лучше не спорить. Опыт собственного развода неопровержимо свидетельствовал об этом.

Он открыл ящик стола и взял фонарь, на котором была специальная линза, отсекающая видимый спектр и оставляющая только инфракрасный. Надел куртку... было холодно, не прохладно – а именно холодно. Вчера выпал снег.

Он шагнул за дверь, во тьму, остановился на крыльце. Фонарем отсигналил требуемый код, увидел красную точку лазерного прицела на своей левой руке. Он махнул рукой, и точка погасла – можно идти. Новые меры безопасности раздражали всех, и даже Президента, но теперь без них было нельзя. Одно дело – психопат с револьвером или отставной морской пехотинец с выписанной по почте винтовкой. И совершенно другое – отряд профессионалов, хорошо вооруженный и прошедший... Афганистан, кажется. Да, так это место называется.

Президент вместе с семьей спал в месте, которое называется Аспен Лодж – оно использовалось и для переговоров и для проживания семьи президента, если та желала остановиться именно там. Офицер безопасности постоял на пороге, чувствуя живое тепло дома и ровное дыхание спящих людей. Он даже пожалел президента... он больше, чем кто бы то ни было от них зависит от обстоятельств, и если в мире произошло какое-то дерьмо... неважно какое, если у кого-то сдали нервы или нет мозгов – его будят и он заступает на пост. На пост, на котором приходится принимать совсем непростые решения.

Очень непростые.

Глава государства был худым и долговязым, в отличие от супруги, поэтому офицер безошибочно понял, с какой стороны кровати он спит. Президент спал на боку и тяжело дышал: он не мог спать на спине, потому что у него были проблемы со спиной, появившиеся со временем в результате катапультирования. События в Ереване – сильно усугубили это, проблема требовала хирургического вмешательства, но сейчас это было невозможно. Это скрывали.

– Сэр? – негромко, почти шепотом сказал офицер, стараясь не разбудить миссис Буш

Ответа не было

– Сэр... – немного громче сказал офицер и потряс президента за плечо.

Тот что-то заворчал – но проснулся. Протер глаза.

– Господи... который час?

– Чуть больше четырех, сэр. Надо идти. Давайте, я вам помогу...

– Нет... – президент отбросил руку

– Джордж? – проснулась миссис Буш.

– Все нормально, Барбара, спи.

– Джордж, что случилось? – после событий в Ереване миссис Барбара Буш стала с тревогой относиться ко всему, даже ко всяким мелочам, страх навсегда поселился в ней – что происходит? Это война?

– Нет. Просто неприятности. Спи...

Президент набросил теплый халат и пошлепал по деревянному полу Аспен-Лоджа. Миссис Буш смотрела ему вслед с тревогой – теперь она не заснет.

– Что случилось? – задал первый вопрос президент – русские?

– Нет, сэр. Нападения на нефтяные прииски... где-то на Востоке. Горит завод в Абкейке.

– Господи Боже... – как и все техасцы президент разбирался в нефти – господи боже мой...

И, отбросив протянутую теплую куртку так и бросился на улицу...

Околоземная орбита

Бесконечный холодный мрак, не греющий свет звезд и пугающе близкое, на полнеба солнце. Космос, в который первыми вышли не они, а русские, дети крестьян. С того самого времени – каждый американец чувствовал, что он проигрывает, что они проигрывают, огромные деньги тратились на космические программы только для того, чтобы приглушить боль от этой пощечины. Тот, кто помнит запуск русскими первого человека в космос – уже никогда этого не забудет...

Но на сегодняшний день – американцы выигрывали в космосе, немного – но выигрывали. У них не было долговременной космической станции как у русских – но у них были орбитальные челноки и даже катастрофа Челленджера, в которой многие подозревали русских – ничего не изменила. В последние годы – Америка совершила прорыв, настоящий прорыв в области военного использования космоса – только об этом никто не знал.

Имя его было «Кихоул», среди своих проект назывался КЕННЕН, затем КРИСТАЛЛ, кодовое обозначение 1010, производитель – фирма Локхид. Это был первый спутник наблюдения, позволяющий вести наблюдение за земной поверхностью в реальном режиме времени, используя электрооптическую схему работы, и делая снимки в цифре. Первый спутник был запущен девятнадцатого декабря 1968 года – и с этого момента началось отставание Советского союза в космосе. Оно было вызвано отставанием русских в области современной электроники – но это было неважно. Неважно, почему ты проигрываешь – главное, что проигрываешь...

Схема была довольно проста, но работала, причем работала так, что русские, до появления предателя из АНБ даже не понимали, что происходит. Обычно – спутник обменивается информацией с землей при прохождении его над центром управления, этот обмен можно засечь. Спутники серии Кихоул – ничего не излучали, отчего русские какое-то время думали, что их запуски прошли неудачно. На самом деле – американцы придумали гениальную схему: спутник обменивался данными не с землей, а с другим спутником, висевшим на геостационарной орбите над территорией США постоянно и уже он – посылал снимки на землю, в центр управления. Таким образом, удалось сократить время, когда были доступны снимки того или иного района – на порядок, что позволяло на порядок сократить время реагирования на ту или иную ситуацию. Проблемой было то, что аппараты были очень дорогими – они были размером с междугородний автобус и вся программа стоила миллиарды, безжалостно пожирая и так не безразмерные средства бюджета. Аппараты были столь дорогими, что они могли позволить себе только два, заменяя их каждые три года. Аппараты назывались Восток и Запад, и были настроены так, что один из них проходил над территорией всего СССР, а другой – захватывал Восток. И там и там – у американцев были свои интересы, и, соответственно, свои проблемы.

Информации о налете на Абкейк, гигантский нефтеперерабатывающий комплекс, крупнейший в мире – поступила ночью и сейчас – аналитики с нетерпением ждали прохода аппарата над этим местом, чтобы начать получать снимки. Информация не относилась к категории, позволяющей поднимать по тревоге американские вооруженные силы и повышать уровень готовности стратегических сил – но все понимали ее важность. В конце концов, у каждого из них была машина, на которой он приехал на работу – если до этого им удалось поехать домой и поспать. Все так же помнили нефтяной кризис, случившийся относительно недавно – когда на заправках были очереди, а дома, совсем не приспособленные чтобы держать тепло – превратились в ледяные пещеры. Если сейчас арабы прекратят подачу нефти – будет то же самое. Да, у них теперь есть государственные запасы нефти, но хватит их ненадолго. Потом – все равно холод и мрак. В условиях, когда русские стали намного агрессивнее – это очень опасно. Если у них не будет топлива – русские возьмут их голыми руками, просто захватив базы. С танками, которые не сдвинутся с места и самолетами, которые не смогут взлететь...

И потому – за спиной аналитика к которому к первому должны были поступить снимки – столпилось все руководство Национального офиса рекогносцировки, а так же и гости из ЦРУ и Пентагона...

Несмотря на наличие технологии – здесь до сих пор просматривали снимки на просмотрных столах, распечатанные – а не на персональных компьютерах в электронном виде – на последние просто не было денег. И когда сержант принес рулоны только что просохших снимков – все бросились к столу, подобно изжаждавшимся – увидевших водопой.

Глен Картрайт, старший аналитик НОР – нарочито неторопливо расписался в журнале, развернул рулоны снимков, выбрал из них нужный, расстелил на просмотрном столе с прозрачной столешницей и лампах под ним, закрепил зажимами. Освещение – включалось ножным переключателем, он включил его и вывел на максимум. Раздался общий, разочарованный выдох.

Абкейка просто не было видно. На том месте, где он должен был быть – было лишь черное облако дыма. Оно было намного больше самого комплекса и его сносило на Восток, словно указывая на виновников...

- Пресвятой Боже... – потерянно сказал один из собравшихся – они его не потушили.
- Звоните в Белый дом – сказал еще кто-то.

Белый дом. Вашингтон, округ Колумбия

– ... Да, сэр. Им не удалось потушить, мы даже не видим что там, все затянуто дымом. Судя по снимкам – все очень серьезно...

– Что – вообще ничего не видно? – переспросил министр обороны

– Да, сэр. Сплошная пелена дыма и больше ничего. Полагаю, все очень серьезно, такая дымовая завеса означает, что там продолжается сильный пожар.

– Понял, держите меня в курсе.

– Да, сэр.

Министр положил трубку. Сидевший напротив президент вопрошающе смотрел на него. Это был Вашингтон, округ Колумбия. Утро.

– Они не потушили, сэр – сказал министр, который так же был техасцем и соображал в нефти – там продолжается сильный пожар.

– Господи...

– Есть данные, что это диверсия. Одновременно с этим – взорваны нефтяные скважины в Персидском заливе. Судя по всему – подводными диверсантами.

– Кто это сделал? – требовательно спросил президент

Директора ЦРУ здесь не было. К его счастью.

– Полагаю, что иракцы, сэр – ответил министр – Саддам Хусейн не раз выступал с открытыми угрозами, связанными с ценами на нефть. Он угрожал взорвать нефтяные скважины и парализовать судоходство в регионе. Судя по всему, ему удалось это сделать и нас ожидают нелегкие времена. Очень нелегкие.

...

– И еще, сэр.

– Да?

– Я полагаю, что Хусейн сделал это не один. Если бы он мог это сделать до этого – он бы уже это сделал. Несколько скоординированных террористических ударов по охраняемым точкам – я полагаю, что Хусейну помогли русские. Или – что это и были русские.

– Я хочу нанести ответный удар по Ираку и по СССР немедленно! – закричал президент, выйдя из себя – пусть ваше ведомство подготовит расчет уязвимости объектов! Нефтеперерабатывающий завод, трубопровод, военный завод – мне все равно! Я хочу, чтобы эти ублюдки не получили от своей подлой игры ни цента, мать их!

– Я бы не советовал этого делать, сэр – замогильным голосом сказал министр обороны Ричард Чейни.

– Что вы хотите сказать этим, Дик? – не на шутку разозлился президент

– Сэр, все не так просто. Вспомните – и вы и я из Техаса и просто обязаны знать про нефть все. Ежедневное потребление нефти на этот год у нас – шестьдесят миллионов баррелей в сутки, оно достаточно стабильно. На США – приходится около семнадцати миллионов баррелей и двадцать пять – тридцать процентов от этого количества нам поставляет Саудовская Аравия. По моим предельно грубым подсчетам, к которым прошу не придирааться – с рынка ушло примерно три миллиона баррелей надолго, и добычу и отгрузку еще четырех – пяти миллионов удастся восстановить в самое ближайшее время. На рынке образовался временный краткосрочный дефицит в семь миллионов баррелей и долгосрочный дефицит в три миллиона баррелей. Долгосрочный дефицит – вполне может быть покрыт увеличением добычи другими членами ОПЕК, теми же кувейтянами, которые просто сидят задницами на нефти. Через несколько суток – мы устраним физический дефицит нефти с рынка, останется лишь страх и спекулятивный ажиотаж, который уляжется. А вот если мы нанесем удар по Ираку, выведем у него из строя что-то из нефтедобычи и нефтепереработки – то мы создадим еще более силь-

ный дефицит нефти, который не устранишь за короткое время – и цены дальше пойдут вверх – я не удивлюсь, увидев цифру шестьдесят, а ней дай Господь и семьдесят долларов за баррель. Учитывая состояние нашего бюджета – через шесть месяцев у нас будет в нем дыра размером с весь Техас, а через год – наступит Депрессия, по сравнению с которой тридцатые годы покажется сказкой. По этой же причине – я категорически не советовал бы наносить удар по русским. Они только порадуются – что бы мы не сделали, сэр.

Буш внимательно смотрел на недавно назначенного министра.

– Тебя случайно не Адам Смит²³ зовут, а, Дик?

– Спасибо, сэр. Увы, нет.

– Так что же – ты предлагаешь утереться и жить дальше? Это ублюдки пнули нам сапогом в рожу, а мы должны сделать вид, что ничего не произошло.

– Конечно же, нет, сэр. Надо мстить. Но мстить по-умному.

– И что ты предлагаешь?

– Для начала – надо убить Саддама Хусейна, сэр.

Буш поднял брови

– И все?

– Это первое, что пришло мне в голову, сэр – ответил Чейни

– А как быть с тем, что это противозаконно?

– Сэр, у нас нет другого выхода – Дик Чейни понимал, что за слова придется отвечать, и если все пойдет прахом, то эти же слова обрушатся на него подобно тонне кирпичей – у нас по сути два выбора. Первый – ударить по Ираку, что неприемлемо по многим причинам. Удар по СССР в сегодняшних условиях может немедленно привести к Третьей Мировой войне. В Кремле сидят сталинисты, сэр, и они уже показали, на что способны. Но если мы не ответим – будет еще удар и еще. Единственный способ это предотвратить – нанести точечный, хирургически точный удар. По одному человеку – но который будет символом всего.

– Символом?

– Да, сэр.

Буш задумался.

– Это можно сделать быстро?

– Относительно, сэр.

– Что это значит? – разозлился президент

– Относительно быстро – потребуется время на подготовку. Но немного – намного меньше, чем если бы мы готовили что-то крупное. И намного тише.

Президент мрачно подумал, что Рейган все-таки проклял его. Они никогда не были особенно близки – ни по политическим, ни по личным взглядам. Рейган – взял в команду Буша под серьезным давлением со стороны ветеранов партии – им нужен был свой человек в Белом Доме. Они же – слили в газеты информацию об истинном состоянии здоровья президента и продавили его досрочный уход – опасаясь, что президент назначит своим политическим наследником не Буша, а Джека Кемпа, республиканца, но такого, который нравился демократическому электорату и мог рассчитывать на какую то часть его голосов. Второй подряд «нетипичный республиканец» в Белом Доме для традиционалистов мог означать катастрофу.

Буш – после событий в Ереване, раскрученных пиаром как едва ли не личная схватка с коммунизмом – пока сохранял уверенное лидерство в президентской гонке, при том что она подходила к своей кульминации. Это была не его заслуга – а скорее заслуга увеличившейся агрессивности русских и недостатков демократического кандидата Майкла Дукакиса, чересчур сдержанного и сухого для большой политики. К тому же – он был православным по вероисповеданию, и это удалось раскрутить так, как будто бы он был едва ли не сторонником русских.

²³ Великий экономист

Однако, если сейчас перекрыть кран и лишит США нефти – разъяренные избиратели возложат вину на того, кто сейчас в Белом Доме. И в отместку ему – проголосуют на выборах хоть за самого дьявола, баллотируйся он от противоположной партии.

Буш, как профессиональный нефтяник и бывший глава нефтедобывающей кампании – хорошо знал о том, какая договоренность была достигнута между Америкой и некоторыми странами ОПЕК. Увеличить добычу нефти для того, чтобы резко сократить цены на нее. Сделали это просто – такие страны как Кувейт и Саудовская Аравия держали большую часть свободных средств в американских активах, такова была плата за защиту – им показали реальные цифры по американской экономике, и на пальцах объяснили, как они потеряют вложенное, если американская экономика рухнет. Пока что – ситуация на нефтяном рынке позволяла и поддерживать низкие цены и осуществлять эмбарго на поставки нефти из Ирана. Конечно – эту нефть нелегально покупали и перепродавали некоторые ловкачи из Европы, делавшие состояния буквально за пару лет на этом – но все было в пределах нормы. Американцы вынуждены были смотреть на это сквозь пальцы – если в Европу шла контрабандная иранская нефть, значит, туда не шла нефть из СССР. Еще было эмбарго по Ливии – террористическому государству, ответственному за нападения на американских граждан. Но теперь – придется разворачивать политику в регионе на сто восемьдесят градусов. Придется, чтобы сбить ажиотаж на нефтяном рынке договариваться с аятоллами о прямых поставках нефти в обмен на поставки оружия и запасных частей к нему – это после того, как в Иране захватили американское посольство, удерживали американских граждан в заложниках, после провала операции по спасению, стоившей кресла Картеру, после того, как контролируемая Ираном Хезбалла совершила самое кровавое нападение на американскую армию со времен Второй мировой, взорвав казармы морской пехоты в Бейруте. Придется договариваться с этим психопатом Каддафи, на руках которого кровь американских граждан и в стране у которого несколько сот террористических лагерей всех террористических группировок мира – и хуже того все это придется делать публично. Если делать это тайно – рынок нефтяных котировок не получит сигналов, что все нормально – и цены ползут вверх. А тем самым – он подорвет на корню всю свою внешнеполитическую программу и всю повестку дня. Демократы – просто сойдут с ума от такого роскошного подарка.

Есть еще один выход. Рискнуть и начать войну прямо сейчас. С непредсказуемыми, скорее всего – катастрофическими последствиями.

Он вспомнил тот жуткий день в Ереване. И беспомощность, которую он ощутил, когда взорвался его самолет.

Если сейчас начать войну – то же самое испытают все американцы.

– Действуй – сказал он.

– Есть, сэр.

– Ты не дослушал. Это должен быть не американец. Человек, не имеющий никакого отношения к Америке.

– Понял, сэр.

– И это должен быть человек, который все сделает. Понял? А не облагается, оставив нас в дерьме...

– Да, сэр. Несомненно.

Чейни вспомнил книгу, которую он прочитал недавно. Фредерик Форсайт, День шакала. История профессионального убийцы, пытающегося убить президента Франции. У них тут такого нет... наверное, а вот в Европе прототипы Шакала вполне могут быть.

– И еще – сказал президент – больше я ничего не хочу знать. Понял? Ни единого слова, ни единого доклада. Ничего. Меня это не интересует.

Южноафриканский вариант²⁴.

²⁴ принцип «нет нужды знать» – система, при которой политические верхи определяют общее направление, но ничего

– Понял, сэр.

Чейни действительно все понял. Это – его проверка на прочность, его шанса. Если он сумеет оказать президенту услугу – на второй срок он скорее всего будет вице-президентом, а потом получит возможность побороться за Белый дом самому. Если же не сумеет...

Президент в свою очередь – подумал, что неплохо было бы купить немного опционов на нефть. И акций нефтесервисных компаний, производителей оборудования – им скоро придется попотеть.

Русские – сломали игру Белого дома уже на третий день, заявив, что с добычей нефти на их новых северных месторождениях – есть серьезные проблемы. И обвинили ЦРУ в том, что оно ведет против них политику саботажа, поставляя некачественное оборудование. Несмотря на то, что в информации не было ни одного грамма конкретики – какие конкретно проблемы, насколько они серьезны, могут ли они повлиять на нефтедобычу и поставки нефти в Европу – котировки, едва только остановившиеся рванулись вперед с грацией испуганной лани, а контракты на русскую, не совсем качественную смесь в Лондоне – достигли исторического максимума. Одновременно – русские показали, что в истории со взрывом Абкейка они замешаны самым прямым образом...

Саддам Хусейн

Ч. 1

Информации о молодых годах жизни этого человека немного, и практически вся она является ложью.

Сам Саддам Хусейн говорил, что он родился двадцать восьмого апреля 1937 года в деревеньку Шувайш, недалеко от иракского города Тикрит. Он так же говорил, что его отцом был Хусейн Абд аль-Маджид. На самом деле – и то и другое ложь. До 1957 года в Ираке ни у одного человека кроме Короля не было дня рождения: всех младенцев регистрировали дважды в год, первого января или первого июля и никто точно не знал, когда он родился. Год рождения так же был ложью Саддам прибавил себе два года уже в достаточно зрелом возрасте, собираясь жениться на первой своей жене Хаджиде. Она была старше его на два года, а женитьба на женицине старше себя лишь прибавила бы насмешек, которых и так было достаточно. Так что Саддам – на самом деле родился во второй половине 1939 года где-то в окрестностях Тикрита. Дату своего рождения, которая была вписана в официальную биографию – он тоже выбрал не случайно. Двадцать восьмое апреля – день рождения Пророка Мухаммеда. Его имя в переводе с арабского – «противостоящий», тот кто противостоит. Скорее всего, оно все же подлинное.

Про отца – Саддам так же солгал: его мать была женициной не слишком тяжелого поведения, сам Саддам родился вне брака и кто его отец – в точности неизвестно. В молодые годы – его часто называли «Саддам аль-Тикрити», что значило Саддам из Тикрита, намекая, что он родился неизвестно от кого. Это было прямым оскорблением.

не знают о конкретных акциях. Его так же можно назвать «аргентинским» или «испанским» вариантом – и там и там действовали эскадроны смерти, о конкретных действиях которых наверх не докладывали.

Уже после его рождения, его мать вышла замуж за Ибрагима Хасана аль-Тикрити. Человек невысоких моральных принципов, он постоянно бил и унижал маленького Саддама. В общине – его называли «Ибрагим-лгун», скверная и позорящая кличка. Когда Саддам подросток – он с удовольствием вспоминал об этом. Как известно – после смерти матери, он построил для нее роскошный мавзолей. Отчиму – он ничего подобного не посвящал.

Жили бедно. Отчим бывший военный – имел небольшой надел земли, он заставлял маленького Саддама пасти скот, а так же – воровать кур и овец – на продажу. Унижения, пережитые в детстве, а также привычка к повседневной жестокости, во многом повлияли на формирование характера Саддама. Однако мальчик, благодаря своей общительности, умению быстро и легко сходитьсь с людьми, имел много приятелей и хороших знакомых, как среди сверстников, так и взрослых.

Рассказывали, как однажды к отчиму приехали в гости дальние родственники. С ними был мальчик, ровесник Саддама. Он тут же начал хвастаться, что учится во втором классе подготовительной школы, уже умеет читать, считать и даже выводить на песке собственное имя. Уязвлённый Хусейн бросился к Хасану: «Отдай меня в школу, отец!» Отчим в очередной раз избил Саддама. В 1947 году Саддам, который страстно мечтал учиться, сбежал в Тикрит, чтоб поступить там в школу. Здесь он вновь воспитывался дядей Хейраллахом Тульфахом – набожным мусульманином-суннитом, националистом, армейским офицером, ветераном Англо-иракской войны, который к тому времени уже вышел из тюрьмы. Последний, по свидетельству самого Саддама, оказал на его формирование решающее влияние. В Тикрите Саддам Хусейн оканчивает школу, получив начальное образование¹. Учение было весьма трудным для мальчика, который в десять лет не умел даже написать своего имени. Согласно некоторым данным, Саддам предпочитал забавлять одноклассников незамысловатыми шутками. Например, однажды он подложил в портфель особо нелюбимому старому учителю Корана ядовитую змею. За эту дерзкую шутку Хусейна исключили из школы.

Когда Саддаму исполнилось 15 лет, он испытал первое в жизни тяжёлое потрясение – смерть любимого коня. Потрясение оказалось настолько сильным, что у мальчика парализовало руку. Почти полмесяца его лечили самыми разными народными средствами, пока его рука вновь не обрела подвижность. В это же время Хейраллах переехал из Тикрита в Багдад, куда через два года перебрался и Саддам. Под влиянием дяди Саддам Хусейн в 1953 году предпринимает попытку поступить в элитарную военную академию в Багдаде, но проваливается на первом же экзамене. Для продолжения учёбы он в следующем году поступает в школу аль-Карх, которая была известна как цитадель национализма и панарабизма...

Сирия. Кусаа, Дамаск. Штаб разведки ВВС. 11 июля 1988 года

Лязгнул засов и он обернулся – принесли обед. Кормили здесь – не то, чтобы хорошо, но по крайней мере с голоду умереть не давали. Плохо то, что кормили только два раза в день.

Но вместо баландера – он увидел двоих в штатском и это то, что он успел увидеть. Наверное, были еще, только не было видно из-за стены.

– Выходи. Выходи!

На выход без вещей?

Можно было бы еще огрызнуться – но почему то не хотелось этого делать. Навалилась усталость... та самая, которую он чувствовал изо дня в день с тех пор, как их взяли на сирийской границе. Неизвестно, кто, скорее всего – сирийские командос, одиннадцатый полк, пятая армия – она стоит как раз на границе. Он пытался объяснить, что он советский – но им на это было плевать. Так он оказался здесь...

Только здесь – на него все и навалилось. В Бейруте – он был как сжатая пружина, и на кривых, обильно политых кровью ливанских дорожках – не было места размышлениям и саморефлексии: убивай, или будешь убит сам. А вот теперь – пришло время для размышлений...

Он вышел. В коридоре – не протолкнуться от вооруженных людей. Странно, но все это время – а он был в заключение несколько дней – его не допрашивали. Совсем, тех кто его взял – казалось, абсолютно не интересовало, кто он, откуда и почему тайно пытался пересечь сирийскую границу. Его просто привезли сюда и посадили – он понял, что это где-то в Дамаске и значит – тюрьма принадлежала какому-то разведывательному ведомству САР²⁵. Но дальше – все. Его кормили, но не вывели ни разу на прогулку, его не допрашивали и вообще – со времени его ареста на границе с ним не поговорил ни один человек, ни сириец, ни советский. Про него просто забыли – или держали, как небольшой козырь в пальцах, чтобы козырнуть в одно, только им известное время.

Кому «им» – он не знал.

Один из сирийцев придержал его за плечо, второй – ловко, явно с большой практикой – надел наручники. На него нацепили какую-то маску, похожую на театральную или карнавальную, но без дырок для глаз и куда-то повели. Судя по грохочущим под ногами пролетам лестниц – тюрьма находилась под землей.

Дверь. Еще одна. Пахнуло жаром, запахом сухой, спекшейся земли и открытого воздуха – и он понял, что они уже на улице, на свободе. Приглушенно доносились гудки машин – где-то рядом с улицей.

Точно – Дамаск...

Скрежет и заунывное пение мотора – старый автомобиль или грузовичок. Хлопок дверью, быстрый разговор по-арабски. Один из говорящих – явно офицер, с хорошо выработанным командным голосом. Второй – его подчиненный, и явно тот, кто выводил его из тюрьмы.

– Садись!

Он решил проверить – сделал вид, что не понял, в конце концов он не обязан знать арабский. Тогда – его ударили и с руганью начали запихивать в машину. Судя по звукам, которые он слышал – рядом с ним сели как минимум двое. И машина тронулась.

Они куда-то ехали. Машина – была небольшая, она не была приспособлена для перевозки людей, и в ней было шумно. Воняло каким-то гнильем. Они сначала ехали по городу – судя по частым остановкам, сигналам и треску мотоциклетных моторов. Потом – выехали за город –

²⁵ В Сирийской Арабской республике было пятнадцать спецслужб – Хафез Асад пошел на это, чтобы исключить возможность переворота. Сам он кстати – пришел к власти тоже в результате переворота

шум мотора стал ровнее, они ехали без остановок на светофорах. Вспомнилась мама и то, что он ей говорил – мол, Дамаск – это средневосточный Париж...

Вот и доездили... по Парижам то.

Он продолжал считать, чтобы немного успокоиться, и примерно понять, на сколько километров от Дамаска они отъехали. Получалось – уже километров на десять, как минимум. Они ехали, никуда не сворачивая.

Потом – он услышал разговор, краем уха и через шум автомобильного двигателя. Водитель за рулем – говорил, что они достигли какой-то точки...

Значит, приехали...

Наручники ему снять не удалось – это только в фильмах так все просто. Про себя он решил, что если это то, что он думает – то просить он не станет. И вообще – ничего говорить не станет. Они не услышат от него ничего.

Можно попробовать... хотя бы одного. Руки то спереди...

Машина остановилась, закрипели тормоза. Потом – шаги, стук металла о металл – открылась дверь.

– Выходи.

Его схватили за руку и потащили из машины. Он решил сделать вид, что падает – но сильные руки вовремя подхватили его. Потом – он с удивлением услышал щелчок, и почувствовал, что его руки свободны.

Тягач с полуприцепом – пронесся мимо, обдав их пыльной воздушной волной.

С него сдернули маску – и он зажмурился от нестерпимо яркого света.

– СССР – друг, да?

Он не видел ничего – сказало долгое сидение в камере. Весь мир – пылал нестерпимо ярким огнем.

– СССР – Сирия друг, да. Сегодня в Бейруте, завтра в Иерусалиме, ха-ха...

Кто-то хлопнул его по плечу – а потом он услышал шаги. Снова загудел мотор грузовичка, машина тронулась. Он остался один на обочине какого-то сирийского шоссе. Сирийцы – просто уехали, оставив его здесь.

Откуда-то слева – донесся гудок автомобильного клаксона. Проморгавшись – он увидел, что стоит на обочине какого-то шоссе – а на противоположной стороне, носом в ту сторону откуда они приехали – стоит белая, двадцать четвертая Волга.

– Испугался? – довольно спросил полковник. Тот самый, который оформлял его в аппарате ГВС, когда он прибыл в Сирию.

Они сидели в Волг, Николай сзади, полковник – спереди, на пассажирском месте. Понятливый водитель отправился «прогуляться»...

– Никак нет... – ответил Николай, чувствуя, как злость и раздражение жжет изнутри будто кислота.

– Испугался... – заключил полковник – и это хорошо. Не бояться только... дураки.

И тут же, без перерыва.

– Сивицкий – что с ним?

– Геройски погиб... – ответил Николай. В груди – болело все сильнее и сильнее и хотелось набить кому-нибудь морду.

– Уверен? Ты лично видел.

– Да – не по-уставному ответил он

Полковник – видимо, почувствовал, ослабил нажим. Достал из бардачка бутылку, зеленую, экспортную...

– Помянем...

Стакан был один, так и нахлобученный на бутылку. Поминали по очереди, из одного стакана. Николай – налил себе больше чем следовало, хотя в уважении к спиртному раньше замечен не был. Просто – нужно было что-то, чтобы больше не видеть... не помнить... не чувствовать.

– А ты молодец. Знаешь, как тебя палестинцы называли. Тот, кто не знает слова «смерть». По-арабски – не скажу, забыл. Только вот другие палестинцы – тебя сильно ищут...

Николай ничего не ответил. Он вообще перестал понимать, зачем все это? К чему?

– Но это не проблема, эту проблему мы решим.

Полковник – с сожалением посмотрел на бутылку и бережно убрал ее в бардачок Волги.

– Вообще то, по-хорошему надо бы отправить тебя домой. Накуролесили тут – более чем достаточно. Но работы много, а людей на нее не хватает. О тебе кстати – хорошие отзывы из Особого учебного центра. Притом, что с палестинцами – общий язык найти очень даже непросто. А ты – справился. Прямо Макаренко настоящий.

Николай ничего не ответил.

– Короче, как ты сморишь на то, чтобы поработать в Ираке? Там тоже баасисты, работа примерно такая же, как и здесь – в основном преподавательская. Саддам готовит свою армию к чему-то большому, военных советников не хватает. Тем более – с таким знанием арабского, как у тебя.

– Я плохо знаю арабский.

– Плохо – неплохо, а другие его вообще не знают. Прилетают... ни бе ни ме ни кукареку. Только напрягают и без того непростые отношения ССР с арабскими странами. Лево́й рукой едят²⁶. Так как?

– А что, есть выбор?

– Выбор есть – сказал полковник – он всегда есть. Один выбор – стать таким же, как тот предатель, которого вытаскивали из Бейрута. Другой – оставаться человеком и офицером. Так как, что ты выбираешь?

Пограничная зона Сирии и Ирака – была совсем не похожа на границу между двумя государствами, в которых у власти находится одна и та же партия – Партия Арабского Социалистического Возрождения (БААС).

Бетонные блоки на всех дорогах, тщательный обыск машин. Пустынная местность – разрезана уходящим вдаль противотанковым рвом, его глубина составляла метров пять, и вырыт он был с иракской стороны – судя по насыпанному эскарпу.

Их Волга – стояла в конце едва заметной дороги протоптанной прямо в пустыне. Судя по тому, что полковник вырулил прямо к заграждению, при том что в пустыне не было никаких знаков – людей так он переправлял не первый раз.

Полковник – посмотрел на часы. Темнело.

– Слушай внимательно – начал он – эта тропа натоптана, используется контрабандистами. С той стороны – друзья. Мин нет. Но будь осторожен – змеи хуже любых мин.

– Патрули?

– С той стороны могут быть секреты. Но их немного. Змей отгоняй палкой.

– Кто с той стороны?

– Увидишь. Он тебя знает.

От выпитой водки и дневной жары – сильно мутило.

– Готов?

²⁶ В арабских странах нельзя есть левой рукой. В пустынях не было песка, а надо было как то справлять свои потребности. Не было и столовых приборов – а надо было как то есть, да и руки надо было мыть, а нечем. Поэтому – всегда ели только правой рукой, а левая была нечистой. Начнете есть левой – а араб сочтет оскорблением находиться с вами за одним столом

– Да.

– Слушай... – не поверил полковник – вряд ли мы еще встретимся, потому послушай. Я знаю, что ты сделал в Бейруте. И знаю, что всем наверху – на это на... ать, папку спишут и забудут. Но если никто не будет это делать здесь – потом придется делать это в Ташкенте. Или в Москве. Понял? Теперь пошли...

Они вышли из машины, подошли к самому краю проволочного ограждения. Полковник – пошерудил ногой в пыли. В пыли – показалась прямая линия, вдвоем – они откинули стальную крышку. Полковник наклонился – и достал из черной дыры самую обыкновенную палку.

– Фонаря извини, нет. Возьми палку, как ползешь – пошеруди впереди. Здесь могут быть скорпионы, змеи, они прохладу любят. Ну – давай. Удачи.

Николай собирался было уже лезть – но вдруг остановился.

– Товарищ... полковник.

– Что?

– И вам... удачи.

– ...Значит, слушай сюда... – полковник Цагоев не был склонен к излишним сантиментам и расспросам – первое, что ты должен знать, это то, что здесь идет война. Причем не такая как в Афганистане – а во весь рост – как в Великую отечественную. Тысяч пятьсот уде положили точно – для такой страны это сам понимаешь, что обозначает. Это – раз.

Их машина – неслась на полном ходу по отличной, почти пустой дороге, по четыре полосы в каждом направлении – даже МКАД такой не была. Встречных машин не было, только иногда – навстречу попадались такие же как у них военные джипы. Белые или защитного цвета.

– Второе. Ты должен знать, что тут ни хрена нет никакого коммунизма, тут есть самый настоящий фашизм, как бы он не назывался. Коммунистов Саддам расстреливает. Здесь компартию так и называют – партия расстрелянных. Она в подполье уже лет пятнадцать, в числе прочего – Саддам расстрелял за коммунистические убеждения брата и родного дядю. Так что – держи ушки на макушке. Понял?

Цагоев замолчал ожидая ответа. А Николай... так и не мог его подобрать.

– Товарищ полковник. А мы получается... за фашистов или как?

– Думай, что говоришь. Все что я сказал – уясни и забудь. Официально, что мы что американцы – с ними в десна целуемся. С американцами сейчас будет похуже, мы им хвост подпалили. Но есть Иран. И с ним надо воевать.

– А в Иране тогда – кто?

– Кто-кто. Слышал поговорку: игра была равна, играли два говна. Вот так тут и есть. Иранцы ничем не лучше. Но дело не в этом. Я слышал, ты сидел в Сирии?

– Было дело – неохотно ответил Николай

– Это хорошо. Не стесняйся упоминать об этом, как тебя посадили в тюрьму. Скажи, что тебя избили. Здесь это любят – тот, кто враг режиму Асада, здесь первый друг, в Багдаде целый микрорайон сирийцами заселен, кто бежал. Имей в виду – здесь никому нельзя верить, никто не говорит правду. За всеми следит Мухабаррат, каждого проверяют. Подходят, предлагают принять участие в заговоре. Кто соглашается – исчезают навсегда. Тебя тоже будут прощупывать. Подведут к тебе человека, говорящего по-русски. Он предложит стать твоим другом. Это будет стукач, понял? Говори ему про Сирию.

Голова – шла кругом

– А меня здесь – кем?

– Кем? Да тут работы полно, Хусейн заплатил за пять тысяч советских военных советников, сейчас в Багдаде целый город строят. Так и называется ар-Руси, русский. Значит, здесь была военная разведка – но теперь ее нет, Хусейн разогнал из-за угрозы переворота. Но спец-

наз остался. Пять отдельных полков коммандос. В каждом есть военные советники, в пятьдесят шестом полку советником Дмитриченко, он в Кандагаре сидел, мужик толковый. Пойдешь к нему. Полк называется «Коммандос Захра» он дислоцируется на окраине Багдада, прикрывает город. Так что хоть и полк, но придворный.

– Понял.

– Да ни хрена ты не понял! – вдруг взорвался полковник – совсем деревянный или как?

– Прошу простить.

– Мне твои извинения... – подстыл полковник – значит, слушай. Первым делом – выяви стукача, он есть в каждом батальоне. Скорее всего, кто по-русски лучше всего говорит – тот и стукач. Хусейн специально посылает будущих стукачей на обучение в Союз, чтобы язык освоили. Это первое. Второе – присмотрись, кто что думает. Если найдешь коммунистов – возьми на заметку, но в контакт пока не входи. Они могут и так спровоцировать. Чем можешь помочь – помоги, но не раскрывайся. Наша задача – быть готовыми ко всему, понял? Местная власть... скажем так, придерживается очень сомнительной идеологии. Пока они на словах придерживаются движения к социализму – но все может измениться в любую минуту. Теперь – понял?

– Понял... – сказал Николай

Очередная ложь. Которая – приведет к очередной крови. Впрочем – ему то уже к этому не привыкать.

США. Лэнгли, штат Виргиния. 10 июля 1988 года

В ЦРУ, несмотря на тщательно декларируемое равенство – существовала незримая иерархия, и нигде она так явно не проявлялась, как на стоянке. Существовала подземная стоянка, на которой имели право парковаться лица от начальника департамента и выше, а так же особо ценные оперативные агенты, кому было представлено место. Les misérables²⁷ парковались на внешних, открытых стоянках, которые больше напоминали стоянку перед новым, большим моллом. Внутри, на подземной стоянке – близость к верхам определялась близостью места парковки к лифтам. Лифтов было два, один – общий, другой – директорский, он шел только на седьмой этаж и им пользовался только директор ЦРУ. Остальным – чтобы попасть на седьмой, директорский этаж, приходилось проходить через дополнительный пост охраны в самом здании...

Заместитель директора ЦРУ по аналитической работе Роберт Майкл Гейтс для того, чтобы побыстрее попасть на последний этаж здания воспользовался директорским лифтом. Его подняли посреди ночи – и он был совсем не рад этому обстоятельству. Увидев бронированный директорский Олдсмобиль – по традиции высшее руководство ЦРУ пользовалось автомобилями этой марки – он понял, что директор уже на месте. Странные взгляды охраны – а охрана здания была усилена по плану чрезвычайной обороны – он заметил, но не придал этому значению. Только на следующий день – он их поймет. И устыдится.

У кабинета директора, который был расположен в углу здания – толпился народ. Перед Гейтсом все молча расступились, охрана, которая стояла у дверей – тоже отступила в сторону. Заместитель директора – прошел в директорский кабинет, миновав двойные, с тамбуром двери – директорский кабинет в здании был единственным, где были такие двери.

Директор ЦРУ Уильям Уэбстер – сидел за столом и что-то писал на белоснежном листе бумаги. Увидев своего заместителя – он отложил ручку в сторону.

– Сэр... – сказал Гейтс – не делайте этого.

Директор улыбнулся типичной улыбкой юриста, вежливой и сухой

– Поздно. Уже сделал.

– Сэр...

– Я буду рекомендовать тебя. Из тебя – получится отличный директор, и ты только что это доказал.

– Еще не поздно – упрямо сказал Гейтс, без разрешения садясь за приставной стол – сэр, вы – важный член команды. Вы смотрите на мир под таким углом, под которым не сможет на него посмотреть ни один из нас.

– Дело не в том, что кто-то должен уйти, раз такое случилось – сказал Гейтс – дело во мне. Я только недавно понял, что есть нечто такое, что мешает мне действовать на этом посту с полной отдачей.

Гейтс подумал, что Директор болен

– Нет, я не болен – теперь пришла очередь угадывать мысли собеседника Уэбстеру – проблема в другом: я юрист. Я был адвокатом, я был федеральным судьей, я был судьей апелляционного суда, я был директором ФБР. И на всех этих должностях я был на своем месте. Но здесь, Боб, я не на своем месте. Когда я слышу о необходимости кого-то убить, первое, о чем я думаю – это преступление.

– Это не метод. И вы это понимаете.

– Метод – снова сухо улыбнулся Директор – русские нам только что это доказали. Метод и еще какой. Если их прижали к стенку, они просто взорвали ее к чертовой матери и выбра-

²⁷ *Отверженные* (фр.)

лись наружу. На той стороне игрового поля – команда профессиональных преступников, возглавляемая профессиональным преступником. Наверное, я бы смог ее победить – да вот беда, в этой игре нет закона.

Оба они – знали гораздо больше, чем обычный американский гражданин, и даже гораздо больше, чем осведомленный американский гражданин. Они знали, что новый директор²⁸ КГБ, бывший судья Верховного суда Азербайджанской ССР – профессиональный преступник и мафиози, глава политико-криминального азербайджанского клана. Они знали о том, что недавно погибший в Израиле от передозировки наркотиков конгрессмен Чарли Уилсон, один из ястребов и главный защитник ЦРУ с Капитолийского холма – на самом деле расчётливо и подло убит людьми с Лубянской площади. Что в отличие от ЦРУ, над которым постоянно висит топор в виде надзорных комитетов обеих палат – КГБ подчиняется только Председателю Президиума Верховного Совета СССР Гейдару Алиеву, тоже генералу КГБ, причастному к государственному перевороту в СССР и последовавшей бойне. И что после Чарли Уилсона – никто из них не может чувствовать себя в безопасности. Бомба на дороге, группа налетчиков – такие теперь были методы людей с Лубянской площади.

– Сэр...

– Ты не можешь сказать ничего такого, чтобы я переменял решение – сказал Уэбстер – видит Бог, в молодости меня никто не мог переспорить, даже судья. За счет этого я и выигрывал дела.

– Гейтс встал

– Господин директор!

Уэбстер черкнул закорючку под текстом заявления об отставке, тоже встал

– Принимай штурвал – сухо сказал он – не медли не минуты

Несколько часов спустя, после безумного дебрифинга, едва не закончившегося потасовкой – Роберт Гейтс, схватившись за голову, сидел в собственном кабинете – он не посмел занять кабинет директора и знал, что еще долго его не займет. В своем – он чувствовал себя на своем месте и мог эффективно работать.

Русские...

Он был едва ли не самым квалифицированным специалистом по России среди вашингтонского истеблишмента, получил степень доктора философии, написал труд по русской истории. Но сейчас – он в очередной раз был вынужден признать, что он ни черта не понимает русских.

Если они коммунисты – как они могут быть на одной стороне баррикад с тем, кто превратил в своей стране коммунистическую партию в партию расстрелянных.

Надо признать – да, они облажались. Когда Кейси договаривался с нефтедобытчиками о снижении цен – они как то даже не подумали о том, что русские могут просто взорвать пару заводов. Система сдерживания тоже больше не работает – русские доказали, что способны на все, сбросив на Пакистан две атомные бомбы. Произошло то, о чем предупреждали некоторые аналитики: загнанный в угол медведь пошел напролом, и теперь мы должны решать – готовы ли мы его остановить ценой своей жизни.

Надо что-то решать. Дебрифинг – ничего не дал.

Главный виновник всего этого – конечно, Саддам Хусейн. Он это и не скрывает – на дебрифинге показали перехваченную и записанную передачу Радио и телевидения Ирака. Президент Ирака появился на экране в берете и темных очках, поздравил соотечественников с победой и обрушился с критикой на собственных соседей. Как он сказал – тот, кто в условиях войны смеет наносить удар в спину Ираку – познает мой гнев и гнев всего иракского народа.

²⁸ Конечно же председатель. Но для американцев привычнее именно так

Тот, кто смеет воровать принадлежащие Ираку богатства – недолго будет ими наслаждаться. Закончилось выступление откровенными угрозами.

Получается, что теперь у них на Востоке – огромный нарыв и никто не знает, что с ним делать. В Ираке – у США нет ни одного стоящего агента. У других стран Западного мира – наверное, тоже нету. Разве что британцы...

Что нужно Саддаму от Советов? Главный покупатель нефти – Соединенные штаты. И Саддам – несколько раз откровенно давал понять на тайных встречах в начале восьмидесятых, что склоняется в сторону Запада.

Внезапно – Гейтс понял, что Саддаму нужно от Советов. Понимание этого – окатило как ушат ледяной воды.

Атомная бомба. Саддаму нужна атомная бомба.

После того, как израильтяне – разбомбили ядерный комплекс в Осираке, на котором уже стоял готовый французский исследовательский реактор в семьдесят пять мегаватт – он скорее был для наработки оружейного плутония, нежели энергетический – Саддам понял, что просто так атомную бомбу не получить. Франция – больше ничего не продаст. США – тем более. ЮАР – сотрудничает с Израилем. Китай – откажется наотрез, они дорожат отношениями с Америкой, тем более в свете углубляющегося сотрудничества.

Только Советский союз – может дать атомную бомбу и средства доставки одним росчерком пера. И вряд ли даже израильтяне смогут что-то с этим сделать

Но неужели Советы пойдут на это?

А почему бы нет? Если Саддам им пообещает то же, что пообещал Кастро – непотопляемый авианосец на Востоке. В иракском порту Басра – разгружаются советские корабли с оборудованием. Что на самом деле в них?

Если в Ираке будет ядерное оружие ни Саудовская Аравия, ни Кувейт больше не станут договариваться с США ни о чем.

И на фоне всего этого – вашингтонская пресса, понукаемая некоторыми умниками с Капитолийского Холма – ведет откровенную травлю тех, кто имеет хоть какое-то отношение к обеспечению безопасности государства. Чарли Уилсона – обозвали безумным наркоманом, опозорившим нацию. По всем странам и выпускам новостей гремит дело Иран-Контрас, демократы даже не скрывают, что их главная цель – посадить на скамью подсудимых Джорджа Буша, вырвав показания у кого то из причастных к делу в обмен на смягчение собственного приговора. Затравлен и фактически доведен до смерти прессой Уильям Кейси, самый великий директор ЦРУ после Аллена Даллеса.

Мысль возвращалась к словам директора Уэбстера, сказанным им, когда он покидал свой кабинет. Нужен человек, которому нравится игра без правил. Нужен человек, которому нравится убивать.

Гейтс снял трубку телефона.

– Марк? Зайди, если не сложно.

Как и все старшие офицеры – Гейтс имел в агентстве своих личных порученцев, свою гвардию. Разбросанные по отделам, они давали информацию и готовы были выполнить любое поручение в обмен на перспективы роста. Этого – удалось пристроить в департамент главного юриста Лэнгли. Был теперь тут и такой отдел – он занимался юридическими аспектами деятельности, давал заключения на большинство операций, обязательно – на все острые акции. Гейтс мог похвалить сам себя – когда он внедрял туда своего человека, этот отдел был заштатным, сейчас же – он приобрел немалый вес и влияние. Кстати если русские хотели бы проникнуть в святая святых ЦРУ – им достаточно было бы внедрить человека именно туда. Хотя они вряд ли смогут это сделать – юристы это не профессия. Юристы – это... особая нация, наверное. Предельно злобедная.

– Сэр... – вызванный человек появился в кабинете

- Присядь – показал на стул Гейтс – как у тебя дела в отделе? Есть что-то интересное?
- Пока все тихо сэр.
- Отлично. Мне – нужен человек. Я хочу, чтобы ты его нашел.

...

– Мне нужен не обычный агент. Мне нужен тот, кто находится на грани увольнения из ЦРУ. Можно так же недавно уволенных – но лучше все-таки, чтобы его дело не рассматривалось дисциплинарным комитетом. Будет проще.

Молодой человек никак не показал вопроса. Он уже прослужил в ЦРУ достаточно, чтобы разучиться удивляться.

– Основания, сэр?

– Насильственные действия, неподчинение приказам, неавторизованная активность – что-то в этом роде. Мне нужен человек, которому нравится насилие. И который плевал на приказы, если они мешают ему его совершать.

– Сэр, я могу вам сразу назвать такого человека.

– Вот как? – Гейтс тоже не выдал ни удивления ни возбуждения – и кто же он?

– Гас Авратакис. Его дело как раз готово на рассмотрение дисциплинарным комитетом, оснований для увольнения достаточно.

– Каких?

– Как вы и сказали, сэр. Целый набор – от неавторизованной активности до прямого нарушения приказа. В Бейруте он ввязался в бойню, не запросив никаких санкций, вышел на прямой контакт с французами – опять таки не получив санкции на это. Есть и еще, сэр. За ним тянется длинный след – еще с Греции.

– Отлично, где он?

– Полагаю, где то в этом здании, сэр.

Удивительного ничего не было. ЦРУ – было построено по довольно странному проекту, достаточно было сказать, что планировка этажей не совпадала, а кабинеты вообще проектировал какой-то дебил, и видимо из расчета того, чтобы у сотрудников было как можно меньше желания в них находиться. Оно и понятно – волка ноги кормят, но для аналитиков, старших офицеров это представляло большое неудобство. Усугублялось все тем, что на дверях не было табличек с именами и названиями отделов, а те что были – скорее уводили в сторону, чем помогали ориентироваться в бетонном лабиринте Лэнгли. Даже сотрудники, сидящие за соседними столами – могли годами не знать, чем занимается другой. Тем более – не знал отдел, занимающийся бухгалтерским учетом и начислением жалования. Это приводило к тому, что можно было ничего не делать и продолжать получать жалование. Особенно, если знать, как скрываться в здании и делать вид, что занят. Технические работники такого не могли – а вот такие оперативники как Гас Авратакис – запросто. Да, наверное, он где-то здесь.

– Найди его – велел Гейтс – найди и приведи ко мне.

– Да, сэр...

– Что еще?

– Полагаю, вы должны знать...

Гейтс снял очки

– Что именно?

– На комиссию дают. В смысле – скорейшего прохождения дела.

– Кто?

– Отдел по борьбе с терроризмом. Дьюи Кларидж, сэр. Кажется, Авратакис не сдерживал свой французский²⁹ в присутствии мистера Клариджа

²⁹ *Мат. В США почему то именно так это и называется. Следи за своим французским – значит, не выражайся*

Гейтс понял, что это именно тот человек, который ему нужен. Он даже вспомнил его... история, как обычный оперативный агент обматерил начальника департамента, причем в присутствии третьих лиц – уже вошла в анналы истории. Особенно скандальным было то обстоятельство, что когда примирительная комиссия присудила Авратакиса публично извиниться – он в ответ еще раз публично обматерил Клариджа.

– Найди его.

Зазвонил телефон, заместитель директора ткнул в клавишу, не желая поднимать трубку

– Что там?

– Сэр, Белый дом на связи.

Гейтс посмотрел на своего агента. Тот – вылетел из кабинета пулей.

Гас Авратакис и в самом деле – скрывался в здании ЦРУ.

Это было не первый раз, когда он был на волоске – третий. Первый раз – ему не нашлось работы, когда он вернулся из Греции. Там – свирепствовал антидемократический режим черных полковников, и он, сам по национальности грек – разъезжал по Афинам с Кольтом сорок пятого калибра за поясом и был кем то вроде «еще одного члена банды». Но по возвращению в Америку – он узнал, что наступили времена политической корректности, и режим, расстреливающий студентов не годится в союзники США – даже если эти союзники поголовно коммунисты и долбаные троцкисты. Его тогда спас визит в Конгресс, где он наткнулся на Чарли Уилсона. Конгрессмен из Техаса искал возможности вступить в войну с Советами, которой он был лишен во время службы в Военно-морском флоте – и Гас подсказал ему, как это сделать. То были золотые времена... деньги на афганский проект лились ручьем, а в их конторе прав был тот, кто мог достать еще денег через Конгресс. Но они проиграли... Советы сбросили на Пакистан атомную бомбу, а Чарли – подослали пакетик с чистым, неразбавленным кокаином в Тель-Авиве. Черт бы его побрал. Он сам сколько раз заставлял его прекратить пить, прекратить употреблять этот долбаный порошок. Недавно – выпивка довела его до обширного инфаркта, но он так и не бросил. Но все равно – это неправильно. Долбаные Советы подослали к нему убийц – а в Вашингтоне его облили грязью. И сделали вид, что никакого двойного дна в этом деле нет.

Второй раз – был после того, как погиб Чарли. Он нашел себе работу в Бейруте – но та история быстро вышла из берегов – и все затопило кровью. Им так и не удалось взять армянского перебежчика, имеющего выходы на нелегальную подрывную сеть Дашнакцутюн непосредственно в СССР. Русские – оказались первые, взяв его ценой бойни в самом центре только приходящего в себя Бейрута. За это – кто-то должен был ответить. И ответственным – назначили его самого. Его контакты с армянским движением сопротивления – были объявлены неавторизованной активностью. А это – прямой путь к увольнению. Если в пятидесятые годы – его бы просто похлопали по плечу и отправили начальником станции в какую-нибудь срань в Латинскую Америку или Африку – то теперь его ждал путь на Голгофу. Его судьба – должна была послужить назидательным примером для молодых сотрудников управления: вот что происходит с теми, кто смеет не выполнять приказы. Даже если приказы эти – полное дерьмо.

Но Авратакис был не из тех, кто сдается. Его фамилия – сражающийся голым – говорила о том, что он происходил родом из личной стражи греческих царей. Те и в самом деле бросались на врага голым, дико крича и размахивая мечом. Увы, сейчас были другие времена – и нужно было делать строго противоположное – сидеть тихо и желательно, не на своем рабочем месте, где тебя легко найти...

У Авратакиса – тоже были свои люди в ЦРУ. Он давно запомнил и уяснил, что очень много зависит от маленьких и в сущности незаметных людей – именно они выполняют распоряжения начальников, таких как Кларидж, которого он обматерил и совершенно заслуженно. Сами начальники – ничего не могут, и только от этих маленьких людей зависит – будут они

выполнять поручение в полную силу или наоборот – спустя рукава. Среди технического персонала – Авратакис был неизменно популярен, он никогда не позволял себе оскорбить ни одного из них – и они его просто спрятали. Он не явился на предварительное рассмотрение дела дисциплинарной комиссией – и дисциплинарная комиссия с тех пор безуспешно искала его.

Авратакис – засел в техническом отделе. Это тот отдел, который готовит всякие штучки – дрючки в стиле Джеймса Бонда для американских разведчиков. Последнее изобретение – пошедшее с московской станции – резиновая кукла с системой быстрой накачки. Ты садился на переднее сидение, прямо на сдутую куклу. На перекрестке выскакивал из машины, водитель нажимал тумблер – кукла надувалась и контрразведчики, которые пасли машину – думали, что ты все еще в ней и не бросались тебя искать. Если бы они увидели, что в машине один человек вместо двух – то несомненно подняли бы тревогу сразу – а кукла давала тебе время уйти. Самое смешное было то, что куклы делали по спецзаказу там же, где искусственных женщин для секса.

От великого до смешного один шаг.

В обнимку с куклой – Авратакис вел тайные переговоры. Были люди, которые были ему обязаны – все таки, когда с Капитолийского холма лился поток денег – он много кого подкармливал, жмотом не был. Втайне даже от Чарли – он переправлял деньги на помощь контрреволюционерам в Никарагуа – несмотря на то, что на это существовал прямой запрет Конгресса. Контрреволюционные действия в Никарагуа вообще сейчас были «токсичной темой» – никто не желал к ним прикасаться после скандала Иран-Контрас. И это при том, что Иран-Контрас было вынужденной мерой, просто не хватало денег. В отличие от Афганистана – проект в Никарагуа с самого начала страдал от нехватки денег: например, у них был всего один самолет для перевозки оружия сомосистам и то его пожертвовало частное лицо, пивной магнат с крайне правыми взглядами. Но теперь – проект в Никарагуа был едва ли не единственным выходом из той ситуации, в которую он попал после Бейрута. Ему надо было уехать и уехать туда, куда никто не захочет соваться. В конце концов, в отличие от здания в Лэнгли в никарагуанских джунглях всегда существует дефицит персонала, и соответствующий отдел может прикрыть его, просто чтобы не потерять работника. В конце концов – они должны были отдать должок за те деньги, которые он им подбрасывал, пока мог.

Итак, бывший хулиган родом из ржавого пояса Америки – закинул удочку и ждал. В ожидании – он трепался с местными старожилками о том о сем – у него была еще пара недель прежде чем ему остануют выплату жалования. Чтобы сохранять инкогнито и не позволить поймать себя – он теперь ездил в ЦРУ не на машине, а на автобусе и не ходил в столовую – еду ему приносили сюда. Было не так уж и плохо – если не считать ощущения стремительно уходящего времени...

Информация об атаке на нефтяные прииски на Востоке – дошла сюда еще ночью, а утром – стало известно, что директор ЦРУ Уильям Уэбстер отправился в Белый дом просить отставки. Авратакис – выслушал эти новости, едва появился на работе – он приезжал немного раньше обычного, чтобы не столкнуться с теми, с кем не хотел сталкиваться. Пробормотал «скатертью дорога» и погрузился в изучение каких-то иностранных журналов. Уэбстер – по его мнению был парнем, который считает что его дерьмо не воняет. Видано ли дело – чтобы ЦРУ возглавлял бывший директор ФБР, да еще и судья? У них тут не преступники на мониторе. А отморозки, которые могут сбросить атомные бомбы на город. И с ними – по закону ничего не сделаешь.

Уже днем – пришли и сказали, что начался новый тур его поисков. Некий Марк Доллан из ведомства главного юриста ходит по всем этажам. Это было что-то новое – обычно, ради того, чтобы найти человека, задницу от стула не отрывали.

– Понятно... – сказал Авратакис раздумывая, куда ему переместиться.

– Да, и сэр... – сказал чернокожий паренек, работающий в здании стажером. Он конечно не сам это придумал – его послали сказать.

– Что-то еще?

– Этот парень... Кажется, он человек заместителя директора Гейтса

– Откуда ты знаешь? – подозрительно спросил Авратакис

– Вести с седьмого этажа, сэр. Он там не раз бывал.

Интересно...

– Спасибо. Иди.

Паренек бросился вспять едва не переходя на бег. Здесь было свое сообщество чернокожих сотрудников, Авратакис – был едва ли не единственным белым, кого оно поддерживало. Однако – для стажера такие поручения были очень опасными и парень был рад, что выполнил его и может уходить.

Сам Авратакис погрузился в раздумья. Роберт Гейтс. Он держался в стороне от оперативников, потому что сам был чистым аналитиком и сейчас – занимал высший для его профессии пост – ЗДА, заместитель директора по аналитике. Пост директора ЦРУ – политическая должность, на него назначают либо членов политической команды Белого дома, либо какого-нибудь адмирала, которому надо доработать до отставки и уйти с хорошей должности. Те редкие случаи, когда назначали действительно разведчиков, таких как Уильям Кейси или Уильям Колби – были для ЦРУ несчастными периодами рассвета.

Так почему Доллан ищет его?

Авратакис пошел в соседний кабинет – ему надо было, чтобы кто-то разузнал и сообщил ему первым – кто станет и.о. директора ЦРУ.

Ближе к вечеру стало известно – Роберт Гейтс утвержден и.о. директора ЦРУ. И Авратакис решил – время действовать. Чтобы не сталкиваться с человеком из дисциплинарного комитета – он сам поднялся на седьмой этаж, назвал себя и попросил приема у и.о. директора. Дверь ему – сразу открылась...

Авратакис – Гейтсу не понравился сразу. Он так себе его и представлял... да чего там представлять, если он видел его досье. Один из наглецов, прущих напролом. Хуже всего то, что такие наглецы полностью неуправляемы. Они делают то, что считают нужным, ты их не контролируешь – а вот отвечать за них ты обязан. Ни один начальник в здравом уме – не возьмет такого себе в подчиненные. Они нужны только для заданий типа «черт вас возьми если вы это не сделаете – и черт вас возьми если сделаете».

Но Ирак – был как раз из таких заданий...

– Вам известно, что вас разыскивают? – спросил и.о. директора ЦРУ

– Да, сэр.

– Себя виновным считаете? Только честно?

– Честно? Нет, сэр.

– И почему же?

– Потому что я сделал то, за что мне платят деньги.

– И за что же вам их платят?

– За то, чтобы я долбал коммунистов, сэр. Если я чем-то и занимался в этой жизни – так это долбал коммунистов. Прошу прощения, если я оскорбил чьи-то нежные чувства.

– Вы оскорбили чувства помощника директора ЦРУ Клариджа. Вы приняли его за коммуниста или там было что-то другое?

– Нет, черт возьми. Он просто бюрократический поганец.

На самом деле – скандал был из-за того, что сорвалось уже почти согласованное назначение Авратакиса начальником станции в Хельсинки. По каким-то формальным основаниям,

связанным с тем, что делал в Греции – а он там переходил черту и часто. Верный своему правилу выяснять все и сразу – он явился в кабинет к Клариджу и... высказал ему в лицо все, что о нем думает.

– А я?

Это была проверка. Авратакис знал это. И Гейтс знал это.

– Вы... сэр, полагаю, все будет зависеть от решения, какое вы сейчас примете.

Ответ был наглым. Он был наглым даже для разговора с непосредственным начальником – не говоря о директоре ЦРУ.

Но Роберт Гейтс – должен был думать о будущем – своем и своей организации. Этот негодяй – он из тех, кто дерется насмерть. Не считаясь ни с чем. И он не из тех, кем надо дорожить. Почти идеально подходит.

– Как вы относитесь к коммунистам? – спросил Гейтс

– Чертовы ублюдки.

– Есть основание так считать?

Авратакис ответил не сразу.

– Я не про Вьетнам, сэр. Я сидел в Греции, когда эти ублюдки начали бузить. Им было плевать... на порядок, на закон, на общественные нормы. Они просто хотели снести все до основания и положить еще одну страну под Москву. Я думаю, я немало сделал, чтобы этого не произошло.

– Да, возможно. Как вы предпочитаете работать – в одиночку, или?

– В одиночку, сэр. Меньше риск утечки.

– Что же. Если вы не против Ближневосточного отдела – полагаю, у меня будет для вас работа. Как раз для вас.

Есть!

Авратакис наклонился вперед.

– И какая же?

Вместо ответа – директор выдернул из стопки листок бумаги, черкнул несколько строк. Даже тут, в защищенном от всех видов прослушивания кабинете – он не рискнул давать почтенному заданию, которое было однозначно незаконным и грозило расследованием Конгресса и уголовной ответственностью.

На листке было написано.

Убить Саддама Хусейна.

Этот хлыщ с постной рожей из отдела главного юриста – все-таки нашел его. С улыбкой – Авратакис послал его подальше: теперь у него была крыша самого и.о. директора ЦРУ. И даже если операция будет отменена – а она скорее всего будет отменена, хотя бы назначенным директором политиканом – его все равно не тронут. Никому не понравится, если его вызовут в Конгресс и там он под присягой даст показания, как на седьмом этаже здания в Лэнгли ему дали указание убить главу суверенного государства. Даже такого как Ирак. Хотя... он не слышал ничего особо плохого про Ирак до самого недавнего времени. Иран – был куда более большой темой.

Но как бы он не был доволен – следовало приступить к работе и с чего-то начинать...

Он спустился в архив и заказал справку по Ираку. ЦРУ США – является одним из основных правительственных агентств по сбору информации об окружающем мире, причем три четверти собранной информации – информация не секретная, и даже не ограниченного пользования. Например, Белый дом и Госдеп пользуются картами, составленными в ЦРУ и не видят в этом ничего такого. В архиве – его тоже знали, потому справку он получил почти мгновенно. Из нее следовало... все античные и средние века он пропустил... следовало, что Ирак был частью Османской Империи, а когда та в восемнадцатом году была принудительно разделена

победителями в Первой Мировой – он отошел британцам. Британцы – были в песках гостями нежелательными, против них не раз поднимали мятежи. В тридцать втором – формально была провозглашена независимость, но на деле страна была под контролем Великобритании. В сороковом году – местные предприняли прогитлеровский мятеж, он был подавлен. В пятьдесят восьмом – образуется единая Арабская федерация, основанная на родстве иракского и иорданского королей. Страна просуществовала всего несколько месяцев – в результате переворота в этом же году король со всей семьей, а так же премьер-министр страны были зверски убиты, а власть взяли военные. С тех пор – в стране чередовалась военная и гражданская власть, причем гражданская власть – представляла собой партию БААС, профашистского толка. БААС пришла к власти в шестьдесят восьмом году – и с тех пор власть уже не отпускала. С семьдесят девятого года главой государства Ирак стал Саддам Хусейн аль-Тикрити.

Основной источник дохода – экспорт нефти. В последнее время – интенсивно развивается как промышленность, так и сельское хозяйство. Основной источник помощи – Советский союз, в стране – большое количество советских военных и гражданских советников. Сотрудничество – резко активизировалось после государственного переворота в Советском Союзе, в результате которого к власти пришли неосталинисты.

Основные точки напряжения. Первая – Ирак ведет уже восемь лет тяжелейшую войну с соседним Ираном, численно превосходящем его почти вдвое. Большею частью – сотрудничество Ирака и СССР вынужденное, Ирак в одиночку не может справиться с Ираном. Поставляемое оружие – в основном советское хотя есть и китайское и французское.

Авратакис отметил – нет ни американского ни британского. И это показательно. Франция – не входила в военные блоки но содержала собственную развитую военную промышленность, включавшую в себя атомные комплексы и производство средств доставки. Чтобы содержать все это – они продавали оружие всем, у кого есть деньги. Британцы – в восемьдесят втором чудом сорвали сделку по поставке Аргентине ракет Экзосет, и в восемьдесят третьем тоже³⁰. У Ирака были деньги – Франция продавала Ираку Миражи. И плевать, что творит Хусейн.

Второе – Ирак стремится к обладанию оружием массового поражения и относится к категории пограничных стран. Еще в восьмидесятом – Израиль разбомбил французский исследовательский реактор Осирак уже почти смонтированный в Ираке. Но с тех пор – Саддам не прекращал попыток заполучить ядерное оружие и наращивал запасы оружия химического. И не только наращивал – но и применял его. Возможно, по причине бомбардировки Саддам начал переориентироваться на СССР. В отличие от Франции которая простор продает оружие – нападение на страну, находящуюся под патронажем СССР – чревато самыми серьезными последствиями. И Израиль – не может этого не понимать.

Третье. Ирак имеет проблемы на юге – с Кувейтом и на севере – с курдами. Курды – несколько раз пытались создать национальное государство, и всякий раз как только Ирак ослабевал – они восставали. Но как только в Ираке появлялась сильная власть – первым делом она жестоко расправлялась с курдами. Вторая точка напряженности – с независимым Кувейтом. Это государство было предметом постоянных споров между Британской и Османской империями, и хотя юридически оно входило в империю Османскую – по факту это был британский протекторат. Британцы – покинули Кувейт только в 1961 году – и уже в шестьдесят третьем деле едва не дошло до аннексии Кувейта Ираком. Причем – тогда еще не было Хусейна, не было у власти даже партии БААС. Но идея такая – уже была. Кувейт – государство буквально плавающее на нефти и один из основных держателей американского госдолга.

Тут все понятно.

³⁰ Немного в сторону. История с ракетами Экзосет показательна с двух сторон. Первый – как опасно закупать оружие за рубежом. Второй – насколько беззубым к тому моменту был СССР. Погрузить французские ракеты на советское судно и везти! И пусть попробуют что сделать! Одно дело – атаковать Аргентину и другое – атаковать СССР.

В целом: ситуация не такая плохая: воюющая страна, наверняка есть недовольные в армию. Осталось одно.

Кто.

Несмотря на то, что ЦРУ считалось логовом львов – людоедов – Авратакис мог с уверенностью сказать, что во всем здании Лэнгли людей, которые могли бы решиться на убийство – можно пересчитать по пальцам. И он был одним из них – хотя это ничего не значит. Требовался профессионал, и взять его было негде. После вьетнамской войны – ЦРУ пережило чудовищную чистку, был полностью разгромлен отдел спецопераций. Директор ЦРУ в конце восьмидесятых, адмирал Стенсфилд Тернер – вообще объявил, что время агентов проходит и настает время космического шпионажа. Во время короткого президентства Форда – был принят декрет, запрещающий любому лицу на службе правительства США совершать или вступать в сговор с целью совершения убийства. Были созданы два постоянно действующих комитета под контроль за разведкой – в Сенате и в Конгрессе. Так что – во всем Лэнгли не было человека, который обладал бы достаточными навыками чтобы проникнуть в Ирак и убить президента.

Авратакис поставил вопрос иначе – а где они могли быть?

Пентагон?

Там тоже разгром – после Вьетнама страна не могла видеть убийц на службе, пусть даже и приказывала им убивать. Вряд ли найдется кто-то, кто решится на такое. Тем более – после провала операции по спасению заложников в Иране. Тем более – в стране, которая официально не признана врагом США.

А у него на руках ничего нет. Только устный приказ и.о. директора ЦРУ. От которого тот несомненно откажется, если все это всплывет.

К тому же – армейцы просто залажают все дело. Они не работают так как надо. Поручи дело армейцам – и они пошлют восемь вертолетов набитых людьми, из которых четыре – они несомненно потеряют по дороге. А тут нужна ювелирная работа. Небольшая группа или даже один человек – профессионал.

Может, нанять?

Авратакис читал Фредерика Форсайта с его Днем шакала и знал, что все обстоит несколько иначе. После Вьетнама – убийц полно. Отмороженные психопаты, они готовы на все. В Гарлеме можно найти человека, который убьет за сотню. Но тут возникают другие вопросы. Как им можно доверять. Из каких средств им платить – учитывая, что в бюджете ЦРУ денег негусто, а особенно налички. Это во времена Чарли – он мог выложить хоть миллион.

Чарли – Чарли. Как же ты не вовремя...

Итак, платить нечем. Надо искать человека, которому можно отдать приказ. Но при этом – тапкой человек не должен быть американцем.

Британец?

До того как оказаться в Афганистане – Гас Авратакис два года был представителем ЦРУ при британской разведке, работенка непыльная – но важная, в том смысле, что кому попало ее не доверят, нужен проверенный человек. Он приехал в Лондон... американец с полными карманами денег, отсутствием должных манер и дурно одетый. Первым делом – его британский куратор посоветовал ему недорогого и приличного портного – а он тогда сказал: эй, парень, я сюда не на шопинг приехал. Я собираюсь как следует поймать красных – вы со мной?

Англичане были другие. У них не было денег – но это в каком то смысле было их преимуществом. Американскую разведку испортили именно деньги: мы посылаем спутник, чтобы не посылать человека, и в итоге большое здание в Лэнгли превратилось в паноптикум алкоголиков и засранцев, которые изо всех сил пытаются сделать вид, что они заняты чем-то полезным. У британцев – недостаток денег заставлял их шевелить мозгами и рисковать... рисковать по-настоящему. Они посылали людей в самые скверные места на этой планете, в том числе

и в Афганистан, в то время как американцы боялись политических последствий. Они решали проблемы – а не пытались освоить выделенное финансирование и не подставиться. Наконец, у них была одна очень хорошая традиция (Британия жива традициями) – если британской разведке нуден был кто-то, кто умеет действовать кулаками, ножом и пистолетом – они обращались в полк 22САС и те давали им человека. Все это делалось неофициально, часто – без бумаг вообще, просто по результатам разговора в клубе специальных сил на Херб-Кресент. А эти парни – 22САС – прошли не меньше десятка локальных войн и знали, что к чему. В Вашингтоне – такое представить было сложно: Пентагон традиционно ненавидел Лэнгли и наоборот.

Да, англичане. Это было бы лучшим выходом, но... это было невозможно. Он уже подставил их дважды – первый раз это было связано с Афганистаном, второй раз – с Бейрутом. МИ5 просто не поверит ему на этот раз...

Мысли все время возвращались к Вьетнаму. Большая бойня. Там – никто не сдерживал себя, и то что было непредставимо в нормальной жизни – там было возможно и даже буднично. Двадцатилетние пацаны – уходили со службы, имея за спиной по два – три десятка трупов. Были и похлеще – профессионалы. Кроме американцев – там были австралийцы, новозеландцы (британцы не рискнули), южнокорейцы. Много кто был.

Нужен был тот, кто знает всю эту кухню. Тот, кто знает ее изнутри. И такой человек – в Пентагоне у Авратакиса был. Он был ему должен и должен очень сильно. Другой вопрос – на месте ли он, и захочет ли он разговаривать.

Гас Авратакис – забрал свой плащ – и пошел к выходу.

На следующий день – они встретились в Анакостии, оттуда было удобно ехать с капитолийского холма. Здание Министерства юстиции – старое, немного с несимметричной архитектурой – располагалось неподалеку...

Гас Авратакис припарковал свой Понтиак на смотровой площадке в нескольких десятках метров от моста через Потомак, мигнул фарами. Его визави был на Шевроле, черной, правительственной модели. Совсем новая машина, сверкающая черным металликком.

Контактер Авратакиса сел в машину, это был тучный, пожилой мужчина. Благодаря связям, Гас Авратакис пару раз выручил его из очень неприглядной ситуации...

Не здороваясь, мужчина протянул пакет из крафт-бумаги. Гас заметил, что на руках у его контактера – были перчатки. Если уж говорить начистоту – этот парень занимался не своим делом... ему бы в университете преподавать...

– Здесь все.

Гас взял пакет, положил в карман на двери прижал бедром.

– Все?

– Конечно все! – окрысился контактер – все, что можно было снять.

– А что нельзя?

Авратакис знал, что материалы высокой степени секретности печатаются на бумаге, которая не поддается копированию обычными копировальными аппаратами. Из-за этой проклятой бумаги – в ЦРУ редко можно было встретить человека, не носящего очки.

– А что нельзя, то нельзя! На вас вообще нельзя положиться после того ублюдка Эймса! Все в дерьме по уши

– Следующий раз, Джо, когда ты пойдешь снимать баб, которые тебе в дочери годятся, и нарвешься на неприятности – забудь мой номер телефона – спокойно сказал спецпредставитель директора ЦРУ.

Тот, кого называли Джо, лишь рукой махнул – ЦРУшник держал его на коротком поводке. Человек из Минюста и нее подозревал, что те две истории – были подстроены самим Авратакисом с молчаливого согласия бывшего заместителя директора ЦРУ Клэра Джорджа, теперь так же его смертельного врага. Тогда они крепко влипли... все влипли, и если бы стало

известно, что они пытаются завербовать чиновника Минюста, чтобы надавить на него – скандал был бы до неба. На дело тогда пошел Авратакис – потому что тогда они крутили дела с Афганистаном и были почти неприкасаемыми благодаря заступничеству Чарли Уилсона на Капитолийском холме. Боже... как быстро летит время.

– Что еще нового?

Чиновник вздохнул

– Под вас копают. Приказано начать расследование по фактам произвольного расходования средств, отпущенных на кампанию в Афганистане. Превышение бюджетов... все такое. Бьют по нашему бюджету на зарубежные операции, но зацепит всех вас.

– Кто?

– Белый дом.

– Кто конкретно? – разозлился Авратакис. Мало им проблем, какие есть, так теперь еще и это. Как же здесь любят подтолкнуть падающего...

– Не знаю. Честно не знаю – но откуда-то с самого верха.

– Президент – или кто-то из его людей?

– Не знаю.

Ублюдки... Пытаются забыть то, что произошло в Пакистане и жить дальше... проехали, короче. Но пока есть Чарли Уилсон – этому не бывать, он всех на уши поставит. Поэтому – бьют по нему, потом и примутся за остальных. Все обосрались – и кто-то должен ответить.

Не исключено что и сам президент. Что демократам, что республиканцам – Уилсон не нужен, он слишком не вписывается в политический ландшафт.

– Окей. Смотри внимательно, что происходит и давай знать если что. На вот.

Авратакис отсчитал тысячу долларов... деньги у него были, неподотчетные. Для вашингтонского чиновника не самого высокого ранга, да еще и испытывающего страсть к молодым девушкам... весьма затратную страсть тысяча долларов, не подотчетная, не вносимая ни в какие налоговые декларации, наличными – роскошь. Смех и грех... парень может ворочать сотнями миллионов бюджетных средств и при этом воспринимать тысячу долларов налом как королевский подарок.

– Спасибо.

Авратакис вздохнул

– Вали, Джо, вали. Нет времени...

Информатор – побежал к своему Шевроле.

Оставшись один, Гас Авратакис открыл конверт, перелистал страницы подобранного для него досье.

Досье как досье. Тим Дайни II – первый служил в восемьдесят второй воздушно-десантной, высаживался на Арнем и остался в живых, дослужился до майора, трагически погиб при катастрофе транспортного вертолета. Сын начинал в двадцать пятой пехотной, потом перевелся в Большую красную первую. Вместе с ней и попал в Дурную землю – Вьетнам. С шестьдесят девятого, с наступления Тет – переведен в группу исследований и наблюдений – в спецназ. Видимо, при отражении атак вьетконговцев – приглянулся сотрудникам ЦРУ. После окончания всего этого дерьма служил всегда за границей и на приличных местах: Западная Германия, Южная Корея. Год в Брюсселе, в аппарате НАТО. На данный момент – десятая горная, прикомандированный офицер разведки.

Разведен. Супруга с сыном осталась в Западной Германии. Лист стандартной контрразведывательной проверки ФБР – проводилась два года назад. Совершенно надежен... симпатий к коммунистам не испытывает... даже отметили, что не злоупотребляет спиртным. В армии это редкость, бухают только так... впрочем, и в ЦРУ бухают. Тот же Эймс – его ведь из Мексики вытурили за пьянство, надо было выгнать паразита...

Пробежав документ по диагонали – Авратакис второй раз начал читать внимательнее – такой у него был стиль знакомства с документами. Заметил две дыры в биографии. Первая – Вьетнам. С семьдесят первого по семьдесят пятый год, почти никаких записей – но в это же самое время награжден Серебряной звездой – очень высокой наградой. Но это все понятно, какое-то спецподразделение, действовавшее под руководством ЦРУ, в министерство обороны просто не сообщали о том, что делают эти парни, вот и все. Это подтверждало то, что полковник не просто так подошел к нему в коридоре Пентагона, он и в самом деле может чертовски хорошо помочь. А вот второй провал... тот самый перевод в штаб НАТО, по некоторым признакам, Авратакис понял что это – фальшивка. Уж не участвовал ли полковник в программе Гладиатор – программе подготовки тайных террористических организаций на территории стран членов НАТО, которые должны были быть активированы в случае перехода страны под власть коммунистов или попутчиков коммунистов – по любой причине. Этакая система круговой поруки – на крови.

Тем более что год – семьдесят девятый – весьма примечательный, это год когда чудом, в том числе и с использованием убийц Гладиатора – удалось предотвратить коммунистический переворот в Италии.

Как бы то ни было – досье явно говорило о том, что Гаса Авратакиса в коридоре Пентагона остановил человек, который мог знать очень и очень многое.

Спецпредставитель директора ЦРУ – а он все еще занимал эту должность, никто его с нее не освобождал – достал из гнезда дряно тлеющий прикуриватель, поднес к краю бумажного листа. С интересом понаблюдал за тем, как серая бумага чернеет на месте соприкосновения с раскаленной сталью, потом начинает дымиться, потом миг – и вот у тебя в руках уже танцует пламя. Когда пламя начало обжигать руки – он бросил бумаги на асфальт, подождал, пока они догорят. Только когда догорели – он начал выезжать со стоянки. Надо было еще захватить в «Север-Илевер», купить виски... наверное, лучше всего Белую лошадь, во Вьетнаме этой дряни было – хоть залейся...

Ирак, близ Баакубы. База полка Коммандос. 14 июля 1988 года

Утро, как обычно начиналось с намаза. Намаз читал заместитель командира полка по политической работе. Николай уже ничему не удивлялся – и даже, по примеру старших товарищей сам вставал на намаз вместе с иракцами. Долгая работа на Востоке – а в их полку не было ни одного советника, кто бы не прошел Афганистан – приучила к осторожности. Местные – всегда себе на уме, и запросто могут выстрелить в спину шурави – он для них чужак, он кяфир. Но если шурави встает вместе с тобой на намаз – значит, он не такой и плохой. И убить его, тем более в спину – намного сложнее.

На территории полка – они жили в типичной для советских городков трехэтажке, построенной из плит: места хватало, некоторые квартиры даже пустовали, на первом этаже – была оборудована ленинская комната и два кабинета: для СВС – старшего военного советника, и под политотдел. Политотдел и был – их карой и наказанием: в нем сидел целый полковник по фамилии Степнов, он вел с ними политическую работу, следил за моральным обликом и писал на них доносы. Советники – как то раз даже обсуждали возможность пристрелить его, списав на случайную пулю – но разговор этот быстро сошел на нет. Все понимали опасность таких вот разговоров: если даже никто не наступит самому Степнову, то может записать Мухабаррат. И появится возможность шантажа...

Оформили Николая быстро, в Багдаде – советнический контингент появился относительно недавно: до недавнего времени Хусейн охотно принимал советских строителей и мелиораторов, а вот к военным относился очень о очень настороженно. Но теперь – контингент был, он рос, иракское направление – грозило в офицерской среде стать популярнее ливийского (все таки Багдад – город тысячи и одной ночи, как не крути), тем более что Хусейн как и Каддафи платили за советников долларами. Оформлял Цагоев и без документов: просто подвел к какому-то кабинету, сказал – жди, зашел внутрь с пакетом – а вышел без него. Согласно новым документам – Николай стал старшим лейтенантом Николаем Зарубиным, по ВУС 106868 – то есть старший стрелок. Это что-то между обычным стрелком и снайпером – при том, что до этого он был снайпером – разведчиком частей специального назначения. Часть, в которой он «служил» – находилась где-то в Средней Азии, у самой границы.

Получая документ, Николай ехидно спросил: товарищ полковник, а это ничего, что старлей из какого-то Мухосранска – попал в Ирак. Полковник в ответ выругался матом, что для осетина было очень нетипично и сказал, что иракцы в таких тонкостях не секут³¹. На следующий день – было собрание старших военных советников в аппарате ГВС³² – и там Николая представили своему старшему советнику, с которым он, с ветерком, на Тойоте Ланд Круизер с кондиционером – отправился к месту своей новой службы...

Старшим военным советником в частях коммандос «Захра» был гвардии подполковник воздушно-десантных войск Иван Леонидович Прус, до своей командировки – он служил в сто четвертой гвардейской дивизии ВДВ, расквартированной в Кировабаде и оттуда же – был основной советнический контингент. Народ был лихой, грамотный – специализацией дивизии были активные действия в горно-пустынной местности, в случае большой войны – она должна была действовать на Ближнем Востоке, брать Тегеран. Из шести человек (по штату должно

³¹ Для тех, кто не понял, или не помнит – заграничная командировка частично оплачивалась инвалютными рублями, которые имели физическое выражение в виде чеков Внешпосылторга, на черном рынке продававшихся в несколько раз дороже номинала. По ним – можно было отовариваться в Березке, магазине, торгующем импортными товарами. Потому – заграничная командировка была мечтой любого советского офицера и вообще большинства советских людей. Заработки были такие, что за год можно было заработать на кооперативную квартиру

³² Главный военный советник, главный среди всех командированных военных, Послу они не подчиняются, равно как и МИДу

было быть десять советников) – двое уже советничали, один в Йемене, другой в Сирии – что для Николая было опасностью. По совету Цагоева – Николай изложил коллегам немного отредактированную версию своих злоключений: воевал в Афганистане, попал в плен, удалось бежать. Советничал в Сирии, выпустили потому что родители на самом верху. Свой уровень знания языков – Николай, по совету Цагоева – попытался скрыть, хотя и понимал, что это ненадолго. На шесть советников – было три переводчика, хотя должен был быть на каждого. Остальные – общались при помощи иракских офицеров, учившихся в СССР и знающих язык, или на уровне «да – нет». Поскольку с иракцами как то надо было работать – Николай попросил учебник арабского и получил его. Сделает вид, что быстро выучился – тем более что арабский он знал не так чтобы и хорошо. Палестинский акцент, как он надеялся – удастся скрыть.

Советники – сначала посматривали на него настороженно – мол, мутный какой-то, еще и «сынок», чего не скрывает – но потом он все же завоевал к себе уважение. В таких коллективах, оторванных от Родины – человек сразу проявляется, а гнилым Николай не был. Да и афганский опыт – опыт комвзвода спецназа – давал знать...

Сам полк «коммандос Захра» располагался в военном городке бывшей мотострелковой дивизии – она была разгромлена во время одной из диких атак иранцев, иракский генеральный штаб счел за лучшее ее не восстанавливать, а ее остатками – усилить другие соединения. Городок был просторный, для полка даже более чем просторный – что радовало, в Союзе чаще всего приходилось тесниться. Несмотря на то, что полк не числился учебной частью – фактически он ею был: после годового или укороченного, шестимесячного курса обучения новобранцы отправлялись на фронт, там их раскидывали по разведротам и разведвзводам, они ходили в иранский тыл, схватывались с иранскими ревагвардейцами в болотах под Басрой, были на острие атак. К восьмому году войны, войны, в которой было все, от химических атак до атак человеческими волнами до последнего человека – кадровая армия Саддама была фактически выбита, вчерашние лейтенанты командовали полками, а то и дивизиями, карьеры делались просто сокрушительно – если считать еще и заговоры, которые регулярно раскрывались в армии и заканчивались массовыми расстрелами. Основную тяжесть этой треклятой войны – несли так называемые «федаины Саддама» – фанатичные юноши и девушки, подчас совсем дети. Как бы не был силен Ирак, поддерживаемый всем мировым сообществом против ослабленного безумной революцией Ирана – надо было помнить, что в Иране жило вдвое больше людей, чем в Ираке. И это – не могло не сказываться...

Война...

Война чувствовалась, несмотря на то, что фронт был относительно далеко, а боевые действия с центрального участка фронта сместились на юг – Иран из последних сил старался отрезать Ирак от глубоководных портов и разрушить наиболее богатую часть нефтяных месторождений, недалеко от границы с Саудовской Аравией. Но война все равно чувствовалась – калек на улицах, колонны машин, идущие к фронту и обратно, гул стратегических бомбардировщиков над головой. В отличие от Ирана – Ирак имел стратегическую авиацию в виде советских средних бомбардировщиков Ту22М и они регулярно совершали налеты на иранские города, в том числе на Тегеран. Единственным городом, до которого они не дотягивались, был Мешхед, и его население за короткий срок выросло втрое. Иран тоже был на пределе: продукты выдавали по карточкам, по слухам – в каких-то городах уже прошли волнения, жестоко подавленные басиджами. Все меньше и меньше иранцев – рвалось на фронт умирать за своего бесноватого аятоллу, который всю жизнь вел войну со всем миром – и сейчас был близок к тому, чтобы окончательно проиграть.

Они тоже можно сказать, готовили пушечное мясо – но готовили хорошо. Известно, что войны – боится тот, кто совсем ничего не знает – и тот, кто знает слишком много. Восстановив программу подготовки афганских коммандос – с местной спецификой, обусловленной пустынь-

ной местностью и несколько лучшим техническим оснащением – они готовили полупрофессионалов, которые вряд ли останутся в живых – но дорого продадут свою жизнь...

После читки намаза по громкоговорителям – они были установлены на территории всей части – советники и переводчики, приведя себя в порядок и перехватив на скорую руку, собрались в ленкомнате на обычный утренний развод. Разводить – особо было нечего, людей катастрофически не хватало, все проблемы решались по принципу «схватил – и тащи» – но за некоторые традиции держались. Явились трое из четверых переводчиков – они были в Багдаде на «командирской учебе», поэтому приехали с красными глазами, отчаянно зевая. Все трое были гражданскими, в их институтах была военная кафедра и то, что происходило сейчас – называлось «языковой практикой». У кого был хороший блат – те проходили практику в гражданских университетах, ну а большинство – «гремело по войне».

От двоих – еще и несло перегаром. Водку в Багдаде достать было хоть сложно, но можно. Все-таки – борта ходили, с каждым таким бортом – приходило по триста – четыреста бутылок, так подрабатывали военные летчики и штабные, обратно отправляли электронику и шмотье. Если не было денег на нормальную водку – ставили самогон, бухали самолетовку. Саддам Хусейн закупал эскадрилии МиГ-25, там спирт входил в состав охлаждающей жидкости. Его после каждого полета сливали, разбавляли водой и пили. Местные – традиций потребления алкоголя не имели, поглядывали настороженно – но офицеры, особенно из тех, кто побывал в СССР – закладывали не хуже шурави. Были и женщины – в Багдаде были институты, университеты, много провинциалок, приехавших учиться – в общем, московские переводяги прилично погуляли.

– Бубенцов... – недовольно сказал Прус, видя, как москвич отчаянно пытается сидеть прямо.

– А...

– Встать смирно, на!

Переводчик вскочил

– Беряга, вас тоже касается!

Теперь – навтыжку стояли уже двое переводчиков.

– Вы в каком виде явились к месту службы?! Вы почему позорите Родину?!

Упоминание Родины было угрозой, хотя и завуалированной. Теоретически – даже старший военный советник мало что мог сделать с гражданским переводягой – он был гражданским, на армию клал вприсядку. Но это теоретически – а практически он мог отвести за шкуру охеревшему от жары и безделья Степнову, который вцепится в них мертвой хваткой. Напишет куда надо – мол, употребляли самодельные или там контрабандные спиртные напитки, в нетрезвом состоянии их видели иракцы, тем самым они уронили моральный облик советского гражданина, как то так. И – привет, Родина. Переводягам тоже платили, по меркам двадцатилетних пацанов – деньги просто сумасшедшие. А тут – в двадцать четыре часа вышибут, на Родине продолжение банкета – обсуждение в комсомольской организации университета, и т.д., и т.п. И самое главное – в СССР отлично умели ломать судьбы и карьеры, это умение – было отточено до блеска и многократно проверено. Эти парни – явно после окончания своей гражданки рассчитывали еще не на одну командировку с оплатой в валюте, на карьеру в МИДе, в Минвнешторге, в ГКЭС.³³ Но одного залета – было достаточно, чтобы стать невыездным, и чтобы карьера – сломалась раз и навсегда. Пошлют в какой-нибудь Урюпинск – и там и закончишь свою жизнь.

– Симоненко...

– Я! – вскочил третий переводчик

³³ Государственный комитет по экономическим связям, занимался развивающимися странами

- Помогите товарищам привести себя в порядок. Пятнадцать минут на все.
- Есть!

«Привести себя в порядок» – значит, как следует проблеваться, «пугать унитаза» как это называлось. Потом – душ, тут на кранах всего один сосок и вода всегда теплая. Потом – пару сырых яиц с томатным соком. Яйца тут – бывали с сальмонеллезом, отчего можно было слечь всерьез и надолго – но риск есть риск, не надо бухать. Если нет нормальной томатной пасты – можно взамен сожрать банку красной рыбы. Килька в томате, вы не подумайте. Она до того достала, что в Афганистане банками мостили дорожки, а если жрать совсем было нечего – выкапывали и ели...

Симоненко вытащил двоих коллег из Ленинки фактически за шиворот. Николай задумчиво посмотрел ему вслед – ой, непростой парень. Окончил ВИИЯ, военный институт иностранных языков – это только то, что он говорит. Со слов ему двадцать пять – но по мнению Николая, как минимум двадцать восемь – двадцать девять. По сравнению с малолетними дятлами, которые так до конца и не поняли, где находятся и искали неприятностей – он был сама осторожность. Говорил много, но увертливо, моментально переводил разговор на другую тему как только речь заходила о нем самом, о его прошлом. И еще. Николай был уверен, что Симоненко где-то воевал. Может, по призыву, в Афгане – но воевал. Глаза у него...

Хотя какой нахрен призыв – если в ВИИЯ военная кафедра? Если только в Афганистан же – переводягой по фарсиязычному направлению.

Темный в общем человек. Непонятный. Такой, от которого надо держаться подальше. От любых таких людей – надо держаться подальше и помнить – ничего не происходит в этом мире случайно.

Аллах Акбар...

– Так... – подвел итог Прус – с этим разобрались. Теперь по очереди. У тебя что?

Первым докладывал Жбанков Петр Иванович. Специалист ПДС, больше пятисот прыжков. Здесь специфика была в том, что большей частью – приходилось прыгать не с самолетов, а с вертолетов. Как обычно – не хватает выделенных часов, не на чем отрабатывать прыжки. А в теории – не научишь прыгать.

Парашютному десантированию – внимания уделяли немного, по согласованной с иракцами программе. Шла война и даже сейчас, на восьмой ее год – десантирование в иранский тыл крупных сил было невозможно. Собыют по дороге – у иранцев были Фантомы, не такие плохие, как их было принято представлять, и были Томкеты. Наземная версия той птички, которая главная в американских авианосных соединениях, самолет для перехвата советских тяжелобомбардировочных соединений. Это – вообще чума.

Затем – доложились Серегин и Барабашников. Оба – разведчики, из разведки дивизии. Здесь – учат просто правильно стрелять – арабы, если их не учить, то палят от бедра, то закрывают глаза при стрельбе. Оба побывали в Афгане, так что учат иракцев и тому, что им надо будет позарез тогда, когда они выпустятся из учебки и пойдут на фронт.

Следующим – должен был докладываться он: несмотря на молодость и тот факт, что к группе он присоединился последним – докладывал он не последним, подтверждая свое место в незримой иерархии, которая складывается везде, где есть несколько мужчин.

– Так, теперь по тебе... – командир посмотрел на Николая – кран пригнали. Теперь – нахрена он тебе нужен, скажи на милость.

Николай объяснил. Наступило потрясенное молчание.

– Да ты охренел совсем, парень... – подал голос Жбанков – это п...ц просто. Перестреляете друг друга. Под трибунал захотел?

На самом деле – Николай задумал это в Афганистане, только реализовать – конечно не дали. В Сирии – там не нашлось подходящего крана. А вот здесь... суть была в чем. У них – был разбитый вертолет. На базу спецназа – вообще привозили с линии фронта много всякой

разбитой техники, в том числе иранской, часть из нее использовалась в качестве учебного пособия, часть – в качестве мишеней на полигонах, часть даже восстанавливалась и использовалась дальше. В числе прочего – притащили Ми-8. Два битых вертолета у них уже было, они их поставили на постаменты, один пониже, другой повыше и отрабатывали десантирование с них. Николай же – решил поднять вертолет на кран, точнее – фюзеляж вертолета и отрабатывать стрельбу с вертолета в движении – по опыту Афганистана совершенно необходимый урок для любой современной армии. Для этого – нужен был кран и благодаря родственнику одного из иракских офицеров, работавшему в Министерстве строительства – кран достали.

– Цели разместим на горке. В ее сторону и будем стрелять. В жилой городок – ничего не полетит...

– А если вертолет с крана... сорвется?

– Надежно принайтуем. Не упадет. Я в любом случае буду вместе с курсантами. Заодно – к крану прикрепим лестницу, потренируемся в подъеме и в покидании вертолета. Можно и попрыгать с него.

– Это недопустимый риск – сказал Жбанков

– Генерал Аль-Шури одобрил идею – сказал Николай

Теперь – на него нехорошо посмотрел уже Прус. По негласному правилу все контакты с иракским командованием, со старшими офицерами по любым серьезным вопросам – шли через старшего военного советника. Это можно было понять – в советническом контингенте творился полный бардак, в отношениях СССР и Ирака – тоже, и если к примеру поднимется мятеж, то тут даже и бежать некуда: границы СССР и Ирака нет. Так что – все должно было идти через старшего советника – хотя приказа по аппарату ГВС на эту тему не было. Николай же, нарушил этот негласный приказ, посчитав, что методика обучения не такое важное дело, чтобы ее согласовывать через верха – а с другой стороны дело есть дело, и если по каждому делу бегать к СВС. Короче говоря – проявил он свой нрав, который не раз доводил его до беды. А если бы знал он, до чего доведет его этот кран с вертолетом – бросил бы все это дело к чертовой матери. Но увы... никто не в силах предугадать, что ждет его в будущем.

– Под твою ответственность – Прус отделался универсальной фразой... – продолжаем...

Советнический коллектив – жил примитивно и просто, и проблемы, которые у них были – тоже были обычные, с поправкой, конечно на местную специфику. Нехватка всего и вся – боеприпасов, моточасов, топлива, переводчиков. Разборки среди курсантов – Ирак был не просто многонационален, он состоял из кланов, племен, коалиций, отношения между которыми были не всегда радужными. Дела касающиеся самих советников – от прививок, до обязательной читки всякой муры наподобие материалов такого то пленума ЦК. Хорошо, хоть у нового Генсека литературных талантов не прорезалось – а то бы опять Малую землю читали.

Вопросы эти – решили опять же примитивно и просто – часть Прус пообещал вынести наверх, часть – сказал, решайте сами, напутствовав добрым русским матом. И когда вроде как все вопросы были исчерпаны, Прус неожиданно сказал

– Кроме Зарубина – все свободны

Николай остался, недоумевая, зачем он понадобился...

– Я тут в Багдаде с человеком встретился – Прус передвинул письменный прибор, по тону было понятно, что он раздражен – он просил передать тебе привет. Понял, о ком речь?

– Тот, кто родом с гор?

– Он самый. Он просил передать тебе привет. И напомнить, о чем вы говорили по дороге.

Дороге в город.

Это Багдад. Та поездка...

– Понял.

Еще он просил передать, чтобы ты активнее заводил друзей. Они скоро понадобятся. Он сказал, ты поймешь.

Вот же...

– Я понял.

– А вот я ни хрена! – рявкнул Прус – ни хрена не понял! Что-то ты мутный, старлей. И документы твои – дерьмо. Угадать, откуда ты?

Николай покачал головой – он уже отвык от армейских привычек – почти. Да и какой он военный нахрен – по сути, наемник. Какие они все тут военные – наемники. У Каддафи выдавали документы советским советникам – так и писали на обложке – труд наемника не более чем труд раба. Хлестко – но, по сути верно.

– Не стоит, товарищ полковник.

– Имей в виду: мне срать, что вы тут мутите. Но если подставишь – вешайся.

– Не подставлю.

Полковник умел разбираться в людях и понял, что этот – и в самом деле не подставит. Подумал – парень совсем молодой, а в такое г... о вляпался. Разведка – что ГРУ, что КГБ – прожует и выплюнет.

– Тебе видней. Иди.

Повод для того, чтобы «остаться» был существенный. Помимо подготовки «по специальности» – так, Николай отвечал за подготовку снайперов – каждый из них «шефствовал» скажем так над какой-то частью курсантов полка. Поскольку Николай знал дари, тот же самый фарси – Прус поставил его на самую тяжелую работу – курировать «террористов». О сложности этой работы говорило хотя бы то, что крайний советник, который их курировал – погиб от «случайного выстрела». Никакого толком расследования не проводилось: никому не надо было поднимать шум по поводу того, что советские военные специалисты – готовят террористов в пустынях Ирака. А по факту – это так и было, они не числились в штате полка и были самыми настоящими террористами, которых Хусейн готовил на будущее, для каких-то своих планов. И по трезвому взгляду имевших к этому отношение военных советников – опаснее людей не было во всем Ираке.

Основным костяком «интербата», интернационального батальона – были иранские экстремисты из Моджахеддин э Халк и Федаин э Халк³⁴, к которым примкнули наиболее боевые члены иранского коммунистического подполья, убедившись в абсолютно педерастической позиции руководства Иранской коммунистической партии ТУДЕ. Все они – имели богатый опыт террористических действий – некоторые начинали еще при Шахе, некоторые – уже при Хомейни. Практически все – в Иране были приговорены к смерти, у многих – стражи исламской революции вырезали семьи, у двоих – убили всех родственников до последнего человека. Хусейн – дал им землю под лагеря и поддержку спецслужб – а этим было все равно, с кем идти, они мечтали в один прекрасный день ворваться в Тегеран и были твердо уверены, что рано или поздно так оно и будет. Законченные отморозки – они тем не менее относились к Николаю

³⁴ Мало кто знает, что исламская революция и та власть, которая есть в Иране – возникла в жестокой борьбе уже после шаха, исламское государство было вовсе не predetermined. В 1980—1981 годах в Иране происходили события, примерно напоминающие события в Сирии 2011—13 годов. Шла партизанская война, с ракетными обстрелами воинских частей и полицейских участков, с взрывами правительственных зданий. Так, 28.06.1981 года была взорвана штаб-квартира Исламской революционной партии, погибли 72 авторитетных религиозных деятеля, включая второго человека в партии после Хомейни – председателя высшего шариатского суда, аятоллу Мохаммеда Хусейна Бехеити. 30 августа – взорвано здание правительства. Погибли президент Ирана Мохаммед Али Раджаи, премьер-министр Мохаммед Джавад Бахонар, министр внутренних дел полковник Х. Вахид-Достгерди, был ранен министр обороны и представитель Хомейни в Высшем совете обороны Ирана полковник С. М. Намдэжу. Так же в результате террора лета 81 года были убиты генеральный прокурор А. Коддуси, сподвижник Хомейни и сторонник джихада против советских войск на территории Афганистана, аятолла Мадани, многие другие религиозные, военные и политические деятели

с уважением, потому что тот знал их язык и учил стрелять. К его имени – они прибавляли «уstad», что значит «учитель». Но что они на самом деле думали – о том знал только Аллах.

Или шайтан.

Среди остальных отморозков – были люди самые разные, от палестинцев, которых было большинство, до японских экстремистов из ЯКА, японской красной армии, лагерь которой находился недалеко от Басры. Близко – Николай сошелся с палестинцем по имени Хусейн, он же выполнял роль добровольного переводчика, потому что был специалистом по персидской поэзии и знал фарси. Уроки вели так: Николай говорил на фарси, иногда добавляя русские слова, когда не подбирал нужных – а Хусейн переводил на арабский. Русский он тоже знал – по его словам был тяжело ранен во время события в Ливане, лечился в Москве. Так они и работали – Николай вел уроки, Хусейн переводил.

Послание, которое оставил ему Цагоев, передав вслепую – было простым: надо было готовить потенциальных кандидатов для вербовки. Ему самому – вербовать не доверили бы, не тот уровень, тут и матерые, прошедшие минскую школу или вышку спецы спотыкаются. Но вот собрать первичный материал – кто, откуда, с каких родов – племен, какие политические взгляды. Для чего – полковник не объяснял, но Николай и сам понимал – не маленький. Это чужая страна и на случай обострения обстановки – нужны преданные люди...

Выйдя на улицу, Николай поспешно замотал лицо кашидой – солнце моментально давало пощечину, стоило открыть лицо. Солнечная активность здесь – была выше, чем даже Средней Кази или в Афгане. Почти экватор...

Советники – уже рассаживались по машинам, кто-то шел в учебный корпус – читать теорию. Николая – ждал внедорожник Тойота со срезанным горелкой верхом. В нем был Хасан из интербата и двое иракцев...

Целый день – они посвятили «подготовке учебной, материально-технической базы». То есть – реализации проекта, ради которого сюда и притащили кран.

Первым делом – надо было разобраться с вертолетом. Выбрав из двух наиболее сохранившийся, они отрезали горелкой остатки хвоста. Судя по повреждениям – его пытались сбить с земли, причем пытались спецы. Когда на тебя идет вертолет – ты инстинктивно целишься... правильно, в кабину. Но это неправильно. Целиться надо, как целились те, кто сбил этот вертолет – в район хвоста. Хвостовой редуктор заклинит – и пишете письма мелким почерком. Этот – поврежден из крупнокалиберного пулемета, пилот какое-то время держался в воздухе – но потом пошел на вынужденную. Дотянув до линии фронта – иначе бы вертолета здесь не было... \

Определяя объем работ – надо было подварить фюзеляж, Николай забрался внутрь. До боли знакомое чрево восьмерки, только все надписи чужие, арабской вязью. Если закрыть глаза – можно вспомнить: слитный гул турбин, грохот пулемета, ряд ног на полу, одетых в коцанные трофейные кеды или кроссовки с Чекен-стрит.

Разбросало по свету, разбросало...

– Не грусти, уstad! – весело сказал кто-то из бойцов – ты же коммунист.

По их представлению – коммунисты вообще не умели грустить...

Да, надо вставать. Нельзя раскисать

В рембате – они раздобыли несколько листов толстой стали и сварщика. Подварили фюзеляж, после чего начали думать, как подвесить его на кран. Сошлись на том, что надо вязать и что-то вроде сетки – обвязки, и усиливать ее стальными полосами. На это ушел остаток дня – но к его концу получившееся творение гордо висело на стреле крана. Дальше – надо было поставить вышку и заменить кран обычной стационарной вышкой...

Наверх – Николай полез вместе с тремя интербатовцами. По его приказу – на восемьсот метров выставили бутылку с бензином. Винтовка была новая, Аль-Кадиссия, та же СВД но местного производства.

Наверху – дул теплый ветер с пустыни. по холмам – бежали черные тени. Быстро смеркалось.

Он свернул с себя куртку. подложил под цевье винтовки, лег. Глаз зацепился за что-то на полу, какое-то пятнышко. Он ковырнул... нет. не грязь. Это кровь. Чья-то кровь...

Слитный гул турбин, грохот пулемета, ряд ног на полу. одетых в коцанные трофейные кеды или кроссовки с Чекен-стрит... Скольких пацанов уже нет. Нет Саики – Грузина. Нет Шила – его замка. А сколько еще вернулись домой в черном тюльпане...

В отпуск бессрочный

Рваные в клочья...

Так, все. Надо собраться. В кулак. Вспомнить. чему их учил сенсей – один из первых сенсеев союза. Далекие семидесятые, летняя, политая дождем Москва, ДОСААФовский тир...

Самурай не стреляет стрелой в цель. Самурай отпускает стрелу в полет...

Дыхание стало ровным.

Пустынная змея – стальной пружиной вздымается из песка. Песчаный варан – бросается на жертву. Шелковый платок – падает на клинок...

Он открыл глаза. Обрубок вертолетного тела – покачивался, распятый на тросе и цель была едва заметна в сгущающихся сумерках – но для него она была на расстоянии вытянутой руки.

Николай нажал на спуск – и через несколько секунд на склоне полыхнуло пламя...

Вечером – по предложению интербата – устроили пикник в горах. Работа сближает. но отдых – сближает еще больше. Пикник был на холме, в виду базы – дежурный офицер, полковник Мусави поморщился, но ничего не сказал. Да и чего интербату скажешь – многие иракцы их откровенно боялись. К интербатовцам – присоединились некоторые иракские курсанты. Из столовки – сперли большой казан, скинувшись, купили и зарезали барашка, бросили в казан риса. С мясом было уже несытно – но на базаре было все...

Костер прогорал быстро – с деревом в Ираке было плохо. Пустыни. Местные кустарники, пропитанные каким-то бальзамическим веществом – сгорали быстро, почти без тепла, пламя давало синеватый ореол. Чтобы нормально сварить плов – пришлось бросить тряпки, пропитанные солярой и пару разломанных патронных ящиков. В Ираке – патронные ящики были дефицит как и все деревянное, пустые уносили домой офицеры.

Плов поспел быстро. Ели тут же, чуть ли не руками, обжигаясь, как звери. После напряженного дня – наломались как черти, сначала устраивая новую стрелковую установку, а потом опробуя ее на практике.

– Рафик Николай... – по голосу он узнал Сарми, вроде как египтянина. Парня этого он знал – исполнительный, но в голове жуткая мешанина. Вроде как из Исламского джихада...

– Что?

– Признайтесь, вы же воевали. Такой уstad как вы не может не воевать. И такие знания – не добудешь иначе как в бою.

– Да какое воевал... Я же говорил – я их пограничной стражи... Ну, пару раз пришлось пострелять. В контрабандистов.

– А я был контрабандистом – подхватил кто-то.

– Это плохо.

– А что делать, уstad? У нас правительство – дерет со всего пошлину, даже на воду наложило налог. Только контрабандой и живо.

– Надо воевать с таким правительством! – назидательно сказал Хусейн – это антинародное и капиталистическое правительство! Пока кровопийцы сосут из вас кровь, вы так и будете как рабы. Верно я говорю, устад?

– Верно – одобрил Николай

Понятия «коммунизм», «классовая борьба» – в Союзе как то поистрепались, их если и произносили, так с усталой усмешкой. А вот здесь – они были нужнее, чем что бы то ни было. Знакомясь со своими курсантами, выслушивая их бесхитростные рассказы о том, что творилось у них на родине, как их унижали и обирали землевладельцы – Николай понимал, что классовая борьба не миф а реальность. И еще много мест на свете, куда не дотянулась рука справедливости.

– Рафик Николай, а спойте... – обычная просьба. Гитара была – но почти никто из арабов не умел ни играть на ней, ни петь. Певцов же – на Востоке уважали.

Николай взял гитару, пощипал струны...

*В чужой синеве облака не спасут.
Мы втайне летели, но нас уже жддут
Чужие прицелы, чужие глаза...
Пылает ведомый, пылает родная до слез стрекоза!
Внизу караван – боевой разворот,
Ракета, вторая, теперь пулемет...
Хотя документов не видели их,
Но знаем: чужие! Ведь нет здесь своих!
Чужая земля и чужая вода,
Чужие болезни, но наша беда,
Чужая политика, чуждый ислам,
Коварство, предательство, ложь и обман...
Что делаем мы в этом мире чужом?
Неужто и вправду свой долг отдаем?
Но, лишь начиная по жизни шагать,
Когда же успели мы так задолжать?!
Отрезаны уши и нос, шурави.
Заходится криком в афганской пыли.
Не жалко, ведь учит священный Коран:
Неверный – собака для всех мусульман!
«Неверные» насмерть в заслонах стоят,
Колонны проходят и в Хост и в Герат,
А «верные» – в форме они иль в чалме,
Но выстрелить в спину способны вполне...
А может, напрасно приказано нам
Кровью своей – по чужим векселям,
Ведь мудрость известная, черт подери:
Коль сам не расплатишься – в долг не бери!
Не мы принимали в Кремле Тараки,
Не мы наводили в Амина иттыки,
Бабрака Кармаля не мы берегли
Чужие авансы, чужие долги... Чужие долги!*

Он и сам не подумал, что спел – но здесь – происходящее в Афганистане казалось бесконечно далеким, несмотря на то, что Афган – отделял от них только воюющий, готовый стоять

на смерть Иран. Может, не думал и тот, кто сказал после него. А может и наоборот – слишком хорошо думал...

– А мой брат денег прислал и письмо. Говорит, у него все хорошо. Воюет с кяфирами...

– Откуда он прислал?

– Из Пакистана. Писал – он сейчас у Кандагара...

Упоминание знакомого города – кольнуло в спину иголкой. Кандагар был не в Пакистане – он был в Афганистане. Но Абу, неизвестно как оказавшийся в Ираке (наверное, как гастарбайтер) молодой парень из Северного Йемена – мог этого не знать...

– А что он там делает?

– Пишет – воюет. Говорит, платят очень хорошо.

Значит – началось опять...

– А с кем он воюет? И за что?

– Наверное, с неверными – простодушно ответил Абу

– Тогда послушайте, что я вам скажу – советским военным советникам во избежание были запрещены разговоры на религиозные темы, но он сдерживаться не собирался – Кандагар находится не в Пакистане, Кандагар находится в Афганистане – это раз. Два – неужели вы так ничего и не поняли. Вы не раз говорили мне о несправедливостях, с вами случившихся – а теперь подумайте, кто сделал это с вами? Не правоверные ли?

...

– Вера – дело каждого человека. И далеко не вера – определяет то, как к человеку надо относиться. Те, кто делали несправедливости – все они были правоверными, так? Но это не мешало им их делать

– Аллах их накажет... – сказал кто-то

– Они не боятся наказания. Они делают то же самое раз за разом. И только когда вы установите справедливость – такую, какая нужна вам и вашему народу – только тогда все будет хорошо. Дело не в вере.

Все молчали.

– А в Афганистане – была справедливость? – спросил кто-то

– Нет. Не было. Но это только потому, что такие как твой брат, Абу – взяли деньги и поехали мешать афганцам ее устанавливать.

Зашумели. Заспорили.

– Богатые – будь они правоверными или неверными – они вас покупают и заставляют за деньги сражаться одни против других. Как петухи на базарах – видели?

Молчание

– Но что же делать, уstad? – спросил кто-то, если денег совсем нет

– Сражаться против буржуев, против тех, кто творит несправедливость! – резко сказал Хусейн – эх, ты! Тебя в гости приняли, а ты..

– Я воин как и ты!

– Главное – не как сражаться, а за что! Тебе дадут деньги – и ты будешь сражаться против народа!

– Ах, ты!

Драку удалость растащить. Один из иракцев – выстрелил в воздух из пистолета – для порядка.

– Все мы люди... – сказал Николай – и справедливость у нас должна быть одна. Вы сами знаете, какая.

...

– ... настоящая справедливость. Бедным людям – нечего делить. По обе стороны границы, по обе линии фронта. Это у богатых свои раздоры.

На обратном пути на базу – Хусейн пошел рядом с Николаем.

– Ты хорошо сказал, рафик Николай – сказал он, глаза его горячечно блеснули в темноте, он и вправду верил.

– Я сказал правду, друг

– Этот Абу... он наверное шпион. Мы думаем его убить, он враг...

Николай обнял палестинца как друга, и они продолжали идти.

– Сколько я вам не говорю, а даже ты так ничему и не научился. Зачем его убивать?

Потому что он думает по-другому?

– Но он враг!

– Он заблуждается – терпеливо сказал Николай – но он такой же человек, как и ты. И тоже жаждет справедливости. Просто ищет ее не там.

– Но что же делать?

– Докажи ему, что он не прав. Убеди его. И сделаешь его другом. Это гораздо важнее – чтобы у тебя появился еще один друг, а у сопротивления – еще один боец. Если ты убьешь его, за него будут мстить. И это никогда не кончится, и вы не победите. Никогда.

Хусейн озадаченно молчал, переваривая сказанное.

– Знаешь устад – сказал он – ты все правильно говоришь, но это сложно сделать. Но я все равно попробую, может и получится. И знаешь, чего? Я не хочу больше ходить на политзанятия. И многие больше не хотят ходить. Там говорят такое, чего мы не понимаем. Ты объясняешь куда лучше.

Николай подумал – вот он и нажил еще одного врага. В виде офицера – политработника. Аллах свидетель, на него в аппарате ГВС – телег уже и так достаточно...

Саддам Хусейн

Ч. 2

Чтобы понимать, как молодой человек из отчаянно бедной семьи стал главой крупного и стратегически значимого на Востоке государства – надо понимать, что вообще происходило на Востоке в то время.

События Второй мировой войны – и те, что предшествовали ей, и те, что происходили во время войны, и те, что происходили непосредственно после нее – породили на Востоке небывалый вакуум власти. Если углубиться в историю еще сильнее – то мы увидим, что в тысяча девятьсот восемнадцатом году – пала одряхлевшая Османская Империя, все еще занимавшая серьезные позиции на Востоке. Ее падение не было следствием военных поражений, события в Галлиполи показали, что она была еще способна сопротивляться – ее падение было обусловлено падением всего блока Центральных держав, к которому она примкнула. Остался в прошлом проект железной дороги Берлин – Багдад, остались в прошлом германские инженеры и германские военные. Весь Восток был поделен между двумя победившими странами – Англией и Францией, фактически это было лебединой песней империализма, лебединой песней обеих империй. Именно в межвоенный период – и та и другая Империя достигли своего максимального территориального расширения – но это не пошло им на пользу. Не было ни денег ни людей. Первая мировая – непоправимо искалечила старую Европу, было потеряно национальное богатство, копившееся трудами многих поколений. В безумной войне – легли под пулеметным огнем целые поколения юношей, которые должны были стать гордостью Империй –

а вместо этого, они шагнули под пулеметный огонь и погибли в бою за какой-то домик паромщика. Те потери трудно вообразить – за километр продвижения вперед порой платили десятками тысяч жизней. Одновременно с этим – метрополии уже не могли вкладывать в свои колонии столько, сколько они вкладывали до войны. А деньги были нужны – и нужны были быстро. Поэтому, вместо того, чтобы вкладывать, империи лихорадочно пытались восстановиться, восстановить метрополии, за счет повышенного изъятия денег из колоний. Все это – не вызывало ничего кроме глухого раздражения и ненависти.

Германия, возродившаяся в образе Третьего рейха – не забыла про Восток. Адольф Гитлер неоднократно и определенно заявлял о себе как о защитнике Востока и мусульманства – и встречал на Востоке понимание и поддержку. Сильные пронацистские движения – к концу тридцатых существовали везде на Востоке. В Иране они были настолько сильны, что страну пришлось оккупировать войсками СССР и Англии, в Ираке это вылилось в короткую стычку поздней весной 1941 года, когда марионеточное правительство Ирака выступило против Англии, а будующий президент Египта Анвар Садат – состоял на связи Абвера.

После Второй мировой войны ситуация на Востоке осложнилась еще больше. Часть колоний – принадлежала Франции, которая оказалась в очень двусмысленной ситуации: часть ее была оккупирована, часть принадлежала прогерманскому правительству вишистов, еще часть – сражалась в антигитлеровской коалиции в рядах Свободной Франции. Часть колоний – принадлежала Италии, которая воевала на стороне гитлеровской Германии и теперь должна была быть наказана. Вторая катастрофическая война в Европе за тридцать лет – окончательно подорвала и экономику и демографическую структуру всех стран-участниц. На первый план теперь выходили Соединенные штаты Америки – а у них были собственные планы по переустройству мира, в которые колониализм никак не входил. Одновременно с этим – резко возросли и авторитет и международный вес и Советского союза и коммунизма в целом. И наконец – вторая мировая война и ускоренное перевооружение – выбросило в третий мир огромное количество относительно современного снаряжения и боевой техники. Теперь – современная пехотная винтовка и даже пулемет – стали доступными любым отрядам сопротивления, подготовленных людей тоже хватало. Впервые после битвы с Махди Суданским – Запад утратил подавляющее техническое превосходство над Востоком.

Отсчет послевоенной восточной политики следует вести с одна тысяча девятьсот сорок седьмого года, когда началась первая арабо-израильская война. Как известно, по итогам Первой мировой войны была принята так называемая Декларация Бальфура, предусматривавшая создание на исторической земле Израиля еврейского национального очага. Земли эти были бедными, плохо орошаемыми, на них уже проживали арабы, поэтому массовая эмиграция евреев в регион породила взрывоопасную ситуацию И с той и с другой стороны – появились отряды самообороны. А по итогам Второй мировой, когда в Палестину пришла массовая волна миграции евреев, уцелевших в Европе – ситуация стала

уже катастрофической. Евреи создали отряды террористов и начали войну за создание собственного государства. В сорок седьмом – война перешла в открытую стадию: причем объединенными войсками арабских государств командовал британский генерал Джон Глэбб. Удивительно, но маленький, только что созданный Израиль – победил в бою против экспедиционных корпусов сразу нескольких государств и создал свое государство. Арабы – потерпели тяжкое унижение и сделали свои выводы из сложившейся ситуации: старая добрая Англия больше не может их защитить. По всему Востоку стихийно возникают организации «Молодые офицеры» (в связи с огромными потерями в Европе в колониальных частях местными теперь были и офицеры), большое влияние приобретает националистическая партия БААС. Ее создатель – Мишель Афляк – в тридцатые долгое время жил в Европе, поэтому его идеология носит отчетливый привкус нацизма. Но раздраженным и униженным военным поражением арабам – только этого и надо.

Еще до второй мировой войны – европейские страны, особенно активно – т Британия – пытались переформатировать регион с тем, чтобы контролировать его, но без больших затрат и усилий. И в Ираке и в Египте – важнейшей стране региона – были провозглашены монархии. Вся эта конструкция – весьма хрупкая – продержалась межвоенный период и с трудом – всю войну. Но после войны – начала сыпаться. Кому то из королей (Саудовская Аравия, Иордания) удалось сохранить свой трон. Кому-то (Египет, Ирак, Йемен) – нет.

Первой стала революция в Египте в 1952 году. Группа Свободных офицеров, готовившая путч – была раскрыта службой безопасности. Опасаясь ареста, они нанесли первыми удар – и свергли монархию. В числе них были как арабские националисты (Насер) так и люди с откровенно нацистскими симпатиями (Садат).

Следующей ключевой точкой в развитии событий – оказался Суэцкий кризис. Он был спровоцирован тремя странами – Англией, Францией и Израилем. Англия и Франция были недовольны резким падением своего влияния в регионе, а Израиль – жаждал новых территориальных приобретений. Основным «закоперщиком» кризиса был Израиль – так как он постоянно чувствовал угрозу новой войны. Виноваты были все – как Израиль через МОССАД планировал теракты в Египте, так и Египет готовил боевиков – палестинцев. Резкую озабоченность всех трех стран вызывало быстрое сближение Египта с СССР, переход Насера на откровенно просоветские позиции и получение им огромного количества оружия из СССР.

22 октября 1956 года состоялась секретная встреча на высшем уровне между правительствами Франции, Великобритании и Израиля. Она состоялась в порту Севр, Франция и, по настоянию израильской стороны завершилась подписанием письменного договора. Согласно этому договору – Израиль начинает боевые действия, после чего Англия и Франция высаживают в регионе десант и разводят конфликтующие стороны по линии Суэцкого канала. Суэцкий канал – был стратегической транспортной артерией Европы, игра шла вокруг него. Британия, недовольная просоветской ориентацией Насера угрожала заморозить кредиты на строительство гигантской Асуанской плотины, Насер в свою

очередь грозился перекрыть судоходство и национализировать Суэц. Второй канал такого же значения – Панамский – находился под прямым контролем США и Европа не видела ничего плохого в том. Чтобы взять под прямой военный контроль Суэц.

Мало кто знает, что предложения Израиля были еще радикальнее. Израиль предлагал ликвидировать Иорданию вообще. При этом территория к западу от реки Иордан отходила бы Израилю, а к востоку – Ираку, кроме того – планировалось разделить Ливан на две части и создать Южный Ливан, дружественный Израилю с преобладающим христианским населением. Англия и Франция на это не пошли.

Суэцкий кризис закончился очень неожиданно. И Британия и Франция и Израиль выполнили план – но вмешался СССР. Никита Хрущев – предельно ясно высказал угрозу ядерного удара по Парижу и Лондону, если британские и французские войска не покинут зону Канала. После того, как стало ясно, что США не вмешаются – британцы и французы вынуждены были уйти. В глазах арабского мира – это была реабилитация за поражение 47—48 годов, известное в арабском мире как «катастрофа». Престиж и СССР и Египта и Свободных офицеров взлетел до небывалых высот, что послужило прологом к новым переворотам.

В одна тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году – оказался на грани гражданской войны Ливан. Маленькая страна на побережье Средиземного моря, чье спокойствие было нарушено появлением огромного количества палестинских беженцев. Ливан – в те благословенные времена его называли «Париж Ближнего Востока» – держался на сложной системе сдержек и противовесов. Главными общинами страны были христианская и мусульманская, причем христианская по агрессивности даже превосходила мусульманскую, ибо ее лидеры, семейство Жмаэлей брали пример с испанской Фаланги и итальянских чернорубашечников. В стране поддерживалось довольно сложное равновесие, все посты начиная от правительственных, и заканчивая самыми низшими были закреплены за общинами и нередко – одну и ту же дорогу строили два подрядчика – христианский и мусульманский. Но прибытие палестинцев – резко усилило роль мусульман. Кроме того – палестинцы считали, что любое государство Ближнего Востока обязано ради них начинать войну с Израилем и прямой сейчас. Христианская община Ливана думала по другому, и начался конфликт, который обещал перерасти из стычек, драк и похищений – в полномасштабную войну.

Но тогда – у власти был президент Эйзенхауэр, пятизвездный американский генерал и великий мастер по части применения силы. Он быстро сколотил коалицию, направил в Бейрут американскую морскую пехоту, и моментально, буквально за несколько дней – согласовал план примирения. Этот первый Бейрут – стоил американцам всего четырех (!!!) морских пехотинцев убитыми – поразительно, если учесть тот кровавый ужас, который развернется на улицах Бейрута всего несколько лет спустя. Но эта красивая и однозначная победа – обернулась неожиданным проигрышем, причем там, где его никто не ждал.

Массовые беспорядки в Ираке начались еще в 1956 году – в поддержку арабского национализма и Гамалы Абделя Насера. Король был несовершеннолетним, страной правым премьер-министр Нури ас-Саид, во внешней политике Ирак предпочитал осторожное лавирование между США и Великобританией – и конечно не поддерживал Насера и его просоветской ориентацией. Народ Ирака думал по-другому: Насер стер с иракского народа унижения войны 1947 года. Саддам Хусейн – к тому времени уже учился в школе Кари, дающей хорошее образование. В беспорядках он безусловно участвовал, и именно в том году – вступил в БААС. Беспорядки были подавлены – но опасность королевскому режиму грозила совсем с другой стороны, не от уличных демонстрантов.

14 июля 1958 года король Ирака Фейсал II, который давно уже был перекуплен у англичан американцами – согласно договоренности с президентом Эйзенхауэром направил на запад две наиболее боеспособные бригады иракской армии – девятнадцатую и двадцатую. Из возглавляли соответственно полковники Абдель Керим Касем и Абдель Салям Ареф. Король никак не мог знать о том, что и тот и другой – принадлежат к иракскому отделению «Свободных офицеров». Оба полковника решили не медлить – и вместо Иордании стремительными броском достигли Багдада. В город – они вошли в ночное время, в пять часов утра произошла короткая перестрелка между охраной дворца Каср ар-Рихаб и взбунтовавшимися путчистами. Возглавлял охрану курд, подполковник Тага Бамарни, он вступил в переговоры с путчистами, и решил сдать дворец. Это было тем удивительнее, если учесть, что Касем – будучи кадровым офицером участвовал в подавлении восстания курдов: возможно, он что-то пообещал подполковнику. Что – догадаться было нетрудно, если вспомнить, что курды и по сей день являются самым крупным народом Востока, у которого нет государства. Примерно в восемь часов утра – королевская семья начала выходить из дворца: первым шел только что достигший совершеннолетия Король, державший в высоко поднятых руках Коран. В этот момент – кто-то из солдат, окруживших дворец – возможно по договоренности, возможно, просто нервы сдали – открыл огонь из ручного пулемета.

Начались расправы. Самым ненавидимым человеком в Ираке был премьер-министр Нури ас-Саид, он правил при несовершеннолетнем короле фактически с королевскими полномочиями. Уйти он не успел: его вытащили из постели, убили и долго таскали по улицам. Тело короля тоже протащили по улице и насадили на ворота министерства обороны. Сбросили статуи и утопили в Тигре. Через несколько дней – Ирак был провозглашен республикой. Касем стал премьер-министром, еще один заговорщик по имени Мухаммад Наджиб аль-Рубаи – президентом.

Что же касается Саддама – то именно в это время он совершил первое политическое убийство. В то время, когда в Багдаде начались волнения, он уже был в Багдаде и видел все своими глазами, активно участвуя в действиях толпы. В гимназию он поступил примерно в то же самое время – директором гимназии назначили выпущенного из тюрьмы дядю.

Первый пистолет – по слухам он купил в одиннадцать лет. Какое-то время – он являлся с уголовниками, одновременно

работая кондуктором на автобусной линии Багдад-Тикрит. Примерно в четырнадцатилетнем возрасте он перебрался в Багдад, и тогда же – вступил в партию БААС. К этому времени – БААС уже была в оппозиции к правительству Касема, который под влиянием Насера и поставок из СССР принимал все более и более просоветскую ориентацию. Как проверенному товарищу – партия БААС поручила Саддаму совершить убийство правительственного чиновника. В своем родном Тикрите – он выследил чиновника откровенно прокоммунистической ориентации и убил выстрелом в голову. Тогда – его арестовали, но доказательства не нашли. Отсидев шесть месяцев, он вышел на свободу.

Седьмого октября одна тысяча девятьсот пятьдесят девятого года на Касема – было совершено покушение. До сих пор идут споры и том, причастны ли были к организации покушения американские или британские спецслужбы. Вполне возможно, что и имели – Касем все явнее клонился к коммунистам и это не нравилось Западу. Иначе как объяснить тот факт, что в руках у группы отморозков покушавшихся на главу государства – было современное автоматическое оружие. Потом, когда об этом покушении снимут фильм, Саддама выставят как организатора покушения – но это было далеко не так, Саддам стоял в прикритии. Хуже того – Саддам фактически и провалил покушение, открыв огонь по машине первым и раньше времени. Касем – передвигался по городу с минимальной охраной и в небронированной машине – он был ранен, но выжил. Саддам – был в числе немногих, кому удалось бежать. Согласно слухам – он четыре дня скакал на коне, сам достал из ноги ножом пулю, после чего спрятался в родной деревне аль-Ауджа. Это была официальная версия. Была и другая, менее приятная – согласно ей Саддам переоделся женщиной, добрался до явочной квартиры партии, затем – партия переправила его в Дамаск. Вполне возможно, что и покушением дирижировали тоже из Дамаска, ибо Дамаск на тот момент – был штаб-квартирой БААС.

Перебравшись в Дамаск, Саддам в нем долго не задержался и перебрался в Каир, где поступил в университет. Именно это – выделило его из толпы боевиков партии и превратило в одного из ведущих политических деятелей иракского отделения партии БААС.

Ирак, близ Баакубы. База полка Коммандос. 14 июля 1988 года

Все текло, неспешно и буднично, как река Тигр в широкой излучине недалеко отсюда. И наверное, он так бы и «добил» свою первую советническую ходку, если бы не тот злополучный день. День, когда все пошло кувырком в его судьбе, и если бы он знал, к чему все это приведет – наверное, лег бы в больницу... хоть ногу сломал. Оно того стоило.

Саддам Хусейн, несмотря на все его недостатки – был великолепным управленцем. Он не заканчивал никаких школ, не читал никаких книг по управлению людьми, по менеджменту – книги Дейла Карнеги он точно не читал.³⁵ Но при этом – он имел собственный стиль управления, в чем то неуловимо похожий на стиль другого великого политика двадцатого века И. В. Сталина. Именно это – позволяло ему править Ираком до сих пор, не погибнуть от многочисленных покушений, удерживать и власть и довольно высокий уровень жизни в стране в условиях катастрофической войны с соседом вдвое больше его – и еще претендовать на панарабское лидерство. О том, какова была политика Саддама Хусейна – свидетельствовали цифры: если во время прихода Хусейна к власти грамотных в Ираке было не больше пятнадцати процентов – то сейчас грамотными было восемьдесят процентов населения и этого – удалось добиться меньше чем за двадцать лет. А промышленность – до прихода Саддама к верховной власти он был министром промышленности в правительстве Бакра – возросла в 3,7 раза, особенно ускорившись после налаживания отношений с Советским союзом. Планировался и дальнейший рост – в частности, должны были появиться иракский автомобиль и иракский самолет.

Один из приемов, которые применял Хусейн – были внезапные личные инспекции. Несмотря на постоянную опасность, несмотря на то, что Ирак был шиитской страной, а духовный лидер шиитов всего мира атолла Хомейни приговорил его к смерти – он нередко передвигался по Ираку один, с минимальной охраной, на одном автомобиле, даже не бронированном. С ним был водитель, родом из Тикрита и принадлежащий к его роду и один – два телохранителя из Амн аль-Хаас, президентской охраны. Иногда – не было и телохранителей. Саддам обычно надевал шляпу и черные очки, становясь почти неузнаваемым – и неожиданно появлялся то на месте стройки моста, то на линии фронта. Иногда это был его двойник, которых на тот момент у него было два – но чаще всего это все же был сам Хусейн лично. Он неожиданно появлялся, осматривал то, что хотел осмотреть, говорил с людьми, чаще всего совсем невидными – и часто впадал в ярость. Ни один чиновник, ни один генерал – не могли спать спокойно, зная, что в любой момент – где-то в их владениях может появиться Саддам. Карал Саддам много и с удовольствием. Он был типично восточным человеком и понимал – чем более жестоким и непредсказуемым он будет, тем более крепкой будет его власть над Ираком. Ни один министр, ни один военачальник – не должны были чувствовать себя в безопасности.

Сейчас – Саддам Хусейн был более озабочен войной, нежели миром. Она пошла совсем не так как он рассчитывал изначально: он учел, что Иран будет ослаблен революцией и сильно, он учел, что армия Ирана развалена, что нет больше военных советников, что многие командующие – сидят в тюрьмах, осуждены народными трибуналами, разорваны разъяренной толпой. Но он не учел главного – впервые за много десятилетий иранцы почувствовали себя в согласии с самими собой и с властью. Шахиншах поступал правильно – он развивал промышленность, туризм, строил атомные реакторы и закупал лучшее оружие из того, что предлагалось

³⁵ Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей – главная книга Дейла Карнеги. Бестселлер во многих странах мира, в годы перестройки она была переведена на русский и напечатана громадным тиражом, став первым в СССР открытым пособием по манипулятивным техникам. Автор сам ее читал в те годы

на рынке – но вместе с тем он резал и крушил устои традиционного иранского общества, загоняя его в глубоко чуждые иранцам западные рамки. Он рассчитывал на то, что городские жители, которые серьезно выиграли от «белой революции» поддержат его против нищего и маргинального дна – но он не учел главного. Иранское общество было традиционным – а значит, единым. И для рабочего нового, построенного американцами автомобильного завода нищий крестьянин, бродяга – был несравнимо ближе, чем шахиншах и американцы, которые дали ему работу и квартиру в городе. Это стало роковым для режима шахиншаха – и одновременно возвысило режим аятолл, которые были моральными и духовными лидерами народа и говорили от имени народа³⁶. Так что армия Саддама – столкнулась не с такой же профессиональной армией, а с ордами фанатиков, защищающих страну, которую они только – только почувствовали и приняли как свою. Это было общество людей, которые только что получили свою страну назад, победили в войне с шахской династией и получили возможность быть самими собой. И ради всего этого они были готовы и убить и умереть – а если учесть, что шах накопил – таки немалые запасы современной техники – ситуация для Ирака стала и вовсе скверной. Как только Ирану удалось поднять народные массы на борьбу – Ирак все время только и делал, что старался не проиграть. Вершиной всего стала Кербела-5 – безумное наступление, в котором иранцы потеряли втрое больше, чем иракцы – но ценой этого им удалось подойти к Басре на дальность артиллерийского огня и поставить под угрозу экспорт иракской нефти.

Разъяренный Саддам приказал поливать иранцев дождем из иприта – но это помогало мало, иранцев было слишком много, революция – только увеличила и так очень высокую рождаемость в стране. Война – перешла не немислимую для конца двадцатого века окопную форму – с полосой отчуждения, с длинными рядами окопов, со сверхдальнобойными гаубицами и противотанковыми рвами. И Саддам звериным чутьем чувствовал – страна на пределе. Еще немного – и все. А эти кувейтские собаки – осмелев, качают нефть из Румайлы из поперечной скважины, воруя ее³⁷. Нужно что-то, что позволит закончить войну. Быстро – и при этом выглядеть как победитель. Ему было плевать, что получится на самом деле, но вот репутация – была важнее всего. Только репутация победителей орд диких персов – сделает его лидером арабского мира. Не дожидаясь окончания войны – он принялся строить монумент Победы.

Совершенной неожиданностью для него – стали действия русских. Он был опытным полководцем, политиком и государственным деятелем – и моментально оценил всю убийственную эффективность действий русских. Несколько отрядов хорошо подготовленных людей – и цена на нефть за считанные дни взлетела в два и три десятых раза! Ирак, как крупнейший экспортер нефти – не мог этого не почувствовать. Не менее важным было то, что нефть Ирака желали купить все и даже американцы – это при том, что участие Ирака в атаках было шито белыми нитками. Благополучие Запада – это нефть. Угроза лишить их нефти – делает их шелковыми.

До этого – Саддам Хусейн использовал и спецназ и даже террористов, которых было полно в стране. Палестинцы, йеменцы, боевики с Запада типа германской «РАФ» или японской «Красной армии» – всем находилось место на земле Ирака. Но только теперь Хусейн понял, насколько ошибочной и порочной была тактика и стратегия применения и тех и других.

Иракский спецназ – командос – применялись на фронте в качестве особо подготовленной пехоты. Они вели снайперский террор, они проникали в оперативный тыл, устраивали

³⁶ Белая революция – время с середины шестидесятых до 1978 года, когда ВВП Ирана рос быстрее чем скажем ВВП Японии. Крушение иранского «белого чуда», иранского проекта модернизации было связано со многими факторами, но я бы выделил два. Первый – экстерриториальный статус многочисленных американцев в стране, дававший повод для бесконечной критики и растравливания чувства неполноценности и унижения. Второй – Шах опрочметливо конфисковал земли, часть земельных наделов у иранских богословов – что незамедлительно восстановило против него всех аятолл до единого. И тем не менее – Иранская революция 1979 года – величайшая трагедия впустившая ад мракобесия в одну из самых многообещающих на тот момент стран.

³⁷ Как потом оказалось – это правда, причем делать наклонные скважины – кувейтян научили американцы

засады, просто – были на острие наступления, первыми врывались в траншеи и зачищали их. Сейчас Хусейн понял: спецназ должен проводить самостоятельные действия стратегического уровня, действуя прежде всего в глубоком тылу противника. Целью спецназа – должны были быть особо важные объекты типа заводов и электростанций, а так же высшие должностные лица противника. Не исключено, что точно так же, как они взорвали Абкейк – советский спецназ мог бы взорвать Тегеран вместе с Аятоллой Хомейни там. Хомейни был при смерти, говорили что он вот – вот умрет – но только за то, чтобы Хомейни умер насильственной смертью от руки посланных им людей – Хусейн готов был дать очень многое.

Неправильной была и политика диверсионных действий за рубежом, направленная прежде всего на политических противников, бежавших из Ирана. Они мерзки – но опасность исходящая от них не сравнится с опасностью, исходящей от других врагов Ирака. От американцев, сговорившихся с саудитами и с этими подонками кувейтянами и обрушившими цену на нефть. От Египта – пока в Египте армию содержат и вооружают американцы, пока жив Мубарак – ему не видать панарабского лидерства. От Сирии – этот поддонок искажил учение баасизма и принимает у себя всякую мразь, лишь бы она была против него. Удары – должны быть направлены не против людей, а против стран в целом. А как бить – показали русские.

По его приказу, министр обороны, курд по фамилии Абд эль-Шеншалл – составил небольшую, на несколько листов записку, относящуюся к действиям войск специального назначения. Раис внимательно ознакомился с ней. Особое внимание было уделено десантированию французов на Заир и действиям американского спецназа во Вьетнаме. О действиях советского спецназа – почти ничего не было.

Этот пробел – Раис восполнил лично, вызвав только что прибывшего военного советника Шеншалла – советского генерала Слюсаря, командовавшего частями ВДВ и принимавшего участие в боевых действиях в Афганистане. Из разговора с ним он понял – что СССР обладает крупными силами специального назначения, способными решать задачи стратегического уровня в любой точке земного шара. В ответ на осторожный вопрос о возможности штурма Тегерана – недипломатичный генерал хмыкнул и сказал: да запросто. Задача такая была, отрабатывалась – и пары дивизий ВДВ для этого хватило бы.

Саддам пока таких задач не ставил. Пока. Но после этого – он приказал резко усилить подготовку в частях коммандос, избирая для службы в них лишь самых лучших, желательно – тех, у кого погибли родственники, родители которых были хорошими баасистами и тех, кто занимался спортом.

Теперь – он должен был посмотреть, что из этого получается – Саддам был нетерпелив. Утром – он никому ничего не сказав (предварительной записки на прием к Саддаму не велось, кто хотел попасть – тех либо принимали сразу, либо не принимали вовсе) – сел в неприметный белый Мерседес, не самый шикарный и сильно покрытый пылью – и приказал водителю везти себя в сторону Баакубы. Даже водителю – он редко называл точный маршрут, и говорил куда надо ехать уже в дороге. Эти меры предосторожности – простые и зависящие только от него – сильно снижали вероятность покушения, потому что никто не знал, где и в какое время он будет. Он постоянно менял места, где проходили важные мероприятия, всех приглашенных привозили на автобусе с затемненными стеклами, нередко совещания проходили не в Багдаде, а неподалеку, на заводе или какой-нибудь военной базе. Порой – всех вызывали на совещание во дворец – но после пары часов сидения там говорили, что оно не состоится...

Когда Мерседес подкатил к воротам базы – а она охранялась лучше, чем обычные иракские объекты – охранник вальяжно подошел к машине. Он был в черном берете Гвардии и у него был типичный для спецназа Ирака венгерский автомат, с которого модно было стрелять гранатами. Даже противотанковыми.

– Ты что здесь забыл – грубо сказал он, пнув по водительской двери – проваливай, пока жив, слышишь, осел!

Президент опустил окно, сняв очки и шляпу

– Ты мне это говоришь?

Гвардеец – побелел от ужаса, он увидел человека на заднем сидении и узнал его.

– Саид Раис... – он едва не бухнулся на колени

Саддам – не стал наказывать его, хотя первым порывом было выхватить табанью – президентский пистолет – и выстрелить. Он знал, каким народом он правит, и знал, что жестокость проявлять надо – но лично он должен проявлять жестокость только по отношению к тем, кто находится рядом с ним. К низким людям – надо проявлять... участие. Каждый такой случай – станет в свое время легендой...

– Ты хорошо служишь – сказал Саддам – но нельзя так грубо обращаться с людьми. Ты не должен так поступать.

Солдат смотрел на него как на ожившего Пророка

– Иди, позови своего командира.

Неожиданное прибытие Раиса – вызвало в части настоящий переполох.

Николай еще мало служил в Советской Армии, причем большую часть свое службы он провел либо в Афгане. либо в заграничных командировках – и не видел своими глазами все то безумие, которое начинается когда ждут проверку. Красить траву зеленой краской – это еще не верх безумия. А поскольку он занимался с интербатом – он подумал, что визит раиса его и вовсе не касается. Это было ошибкой. за которую он немедленно получил...

Получил, в общем

Раису – показали стандартную программу подготовки, начинавшуюся с десантно-штурмовой и огненно-штурмовой полосы, построенных по чертежам советских военных советников как для стандартного десантного городка. Затем – показали парашютные тренажеры.

Дальше – программа состояла из стрельбы и действий на вертолетах. Стрельбы были обычными, у Ирака было большое количество БРДМ и только – только начали поступать советские БТР-80³⁸. БМД были заказаны, но еще не поступили: их должны были поставить из наличия, по мере перевооружения с первой на вторую модели. Интересной была вертолетная программа: Ирак закупил большое количество лицензионных французских вертолетов Алуэтт у партнера по Движению Неприсоединения – Румынии. Эти вертолеты имели мощный двигатель и обладали отличной тягой в горах. Иракцы и советские советники – придумали подвесить по бокам вертолетов скамьи – и теперь каждый такой «жаворонок» нес по шесть готовых к бою солдат, как минимум двое из которых имели пулеметы³⁹. Такой вертолет – мог сесть прямо на крышу здания в городе или зависнуть над ней и высадить десант. Это было зрелищно – и командир полка приказал готовить вертолетный десант...

Николай вместе с группой советских и иракских офицеров стоял чуть в стороне – но ему отлично было все видно. Вот, на предельно малой появляется звено из трех вертолетов – Алуэтт имел потрясающую управляемость, на низкой высоте он прощал почти все. Предельно малая – вертолеты буквально облизывают землю, основная опасность в этом случае – от стрелкового оружия или ЗУ-23, ни одно другое зенитное средство не способно отреагировать. Головная машина – огневого прикрывающего, на ней установлены либо два АГС-17 в вертолетном варианте либо два блока НУРС, либо контейнеры с пулеметами. Две машины, идущие за ней –

³⁸ Армия Ирака была оснащена чешско-польскими БТРами СКОТ-64, для своих лет очень хорошими. БТР-80 только начали поступать и только в части командос.

³⁹ Этот вертолет действительно оснащен очень мощным двигателем и отлично работает в горах – недаром, горноспасатели Франции работают на нем несмотря на наличие много более современных аналогов. Проверен он и войной – на нем воевали индусы и французы в Алжире. Что касается скамей по бокам – впервые это придумала американская Дельта как раз в середине восьмидесятых. Могли придумать и в Ираке – война заставит. Кстати еще один малоизвестный факт – Алуэтт (индийскую копию) испытывали для принятия на вооружение в СССР – и только лобби ВПК не позволило этого сделать, отзывы были самыми положительными

справа и слева, построение назвали «Стрела» – несут на себе каждая по шесть командос. В отличие от стандартной посадки в вертолет – они все в полете способны вести огонь из штатного оружия. все одновременно и очень точный.

Поскольку на поле были офицеры и самое главное Раис – вооружит головной вертолет не решились и он лишь имитировал атаку целей. Затем – два вертолета одновременно высадили десант на крыше здания имитирующего штаб. Причем первая машина – высадила десант на земле. а вторая – приземлилась прямо на крыше.

Кто-то из офицеров захлопал – но Раис не поддержал порыв. Он внимательно смотрел и слушал – по три пары бойцов начали штурм здания, одновременно с крыши и с первого этажа. Рвались гранаты – это были гранаты Заря, тоже большая редкость. поставленные из СССР. При взрыве они ослепляют и оглушают, но не дают осколков...

– Это настоящие ансары⁴⁰, саид Раис – восторженно говорил командир полка и, увидев, что переборщил со словами поправился – и они беспредельно преданы нашему делу и вам, саид Раис. Все они хорошие баасисты.

Саддам молчал – и командир испугался, что подорвал доверие к себе. Выдержать баланс между верой в аллаха, которая никем не запрещалась, и даже рекомендовалась – и одновременно показать, что преданность президенту есть преданность абсолютная. и она стоит даже выше преданности Аллаху – нелегкое дело...

Тем временем – штурм завершился. Штурмовики подбежали, выстроились и отрапортовали о выполнении задачи...

Президент подошел ближе к короткому строю

– Как тебя звать? – спросил он у солдата, стоящего крайним

– Али, сайиди Раис.

– Откуда ты родом?

– Из Тикрита, саиди Раис!

Президент одобрительно кивнул

– Значит, ты аль-Тикрити, родственник мне. Можешь звать меня по имени.

– Никак нет, сайиди!

Командир полка мысленно проклял утро – почему он не сломал ногу

– И почему же, солдат

– Вы мой главнокомандующий, саиди! Командующий всей армией Ирака! Я должен обращаться по уставу!

У президента было хорошее настроение. Поэтому он улыбнулся

– Наверное. ты прав, Али. Но я буду звать тебя по имени. Ты воевал за Ирак?

– Так точно, саиди.

– Где ты воевал?

– Первая механизированная дивизия. саиди!

– А почему перешел в командос?

– Хочу принести больше пользы, саиди!

Солдат отвечал четко и командир немного успокоился

– Ты прав, в командос ты принесешь больше пользы. Какое у тебя желание?

– Первым войти в Тегеран, саиди!

Саддам захохотал

– С такими солдатами мы и впрямь будем в Тегеране! Твоя семья живет в хорошем доме?

– Достаточно хорошо, саиди...

Саддам нахмурился

⁴⁰ сподвижники. Так называют сподвижников Пророка Мухаммеда, которые были с ним и стояли у истоком мусульманской государственности. Они считаются лучшими из мусульман, когда либо живших

– Семья такого героя должна жить в отличном доме. Твоей семье дадут хороший дом, предназначенный для хороших членов партии! И позаботятся о том, чтобы они не испытывали нужды.

Саддам умел играть в такие игры. До сих пор вспоминали историю, когда он посещал госпиталь для раненых солдат и пришел в ярость, увидев условия их лечения. Об этом напечатали все партийные газеты – и никто не знал, что это был двойник.

Саддам повернулся к офицерам, чтобы что-то сказать – и в этот момент его взгляд сфокусировался на чем-то вдали.

– А это что там такое? – спросил он, нахмурившись.

Вертолет – так и продолжал висеть в паутине тросов на кране. Президент покачал головой, подойдя ближе

– Ираку не хватает строительной техники – сказал он – а вы используете дорогой кран. для чего это?

Николай стоял во втором ряду – но его вытолкнули вперед, и он оказался лицом к лицу с повелителем Ирака.

– Это тренажер для отработки стрельбы с вертолета, рафик президент – сказал Николай по-арабски

Саддам – внимательно смотрел на стоящего перед ним человека. Молодой – не старше командос, которые здесь учатся. Скорее всего не иракец – возможно курд. Арабский не слишком хороший, и еще Саддам почувствовал мягкий, сирийский прищепывающий акцент – он остался от французов. Сам Саддам – не раз встречался с сирийскими товарищами из партии БААС и моментально улавливал этот акцент.

– Кто ты?

– Военный советник, лейтенант Зарубин рафик Раис.

Николай допускал еще одну ошибку – обращение «рафик» было допустимо только для членов партии БААС. причем достаточно высокопоставленных – чтобы подчеркнуть принадлежность к одной партии с главой государства. Смягчалось это тем, что он был советский. а советские все так обращались друг к другу.

Президент кивнул на кран

– Это ты придумал?

– Так точно.

Отвечая – он нарвался на убийственный взгляд замполита.

Да пошел ты!

– И для чего такое нужно?

– Для отработки стрельбы с неустойчивой позиции и в движении. Кран может двигаться.

Президент с сомнением посмотрел на кран.

– Опыт Афганистана подсказывает, что такие упражнения должны быть, рафик Раис.

Президент, до этого готовый взорваться и накричать – после милости должна быть и таска – вдруг осознал знакомое слово.

Афганистан!

– Афганистан? Ты там служил, рафик?

– Так точно.

– И в какой части ты там служил?

– Части командос, товарищ президент

Понятия «спецназ» в арабском не было

– Это хорошо

Президент повернулся к офицерам, напряженно ждущим решения

– Я хочу увидеть...

Наверх – полезли двое. Третий – сел в кабину крана. Взревел двигатель...

– Что будет происходить? – спросил Саддам

Николай понял, что отвечать придется ему.

– Стрельба в движении. Две снайперские винтовки и два стрелка, товарищ президент.

Они должны увидеть и поразить цель в движении.

Президент с сомнением посмотрел наверх. Он сам не чурался охоты – конечно, все его выезды были строго засекречены. У него было много оружия – как и любой араб, ему дарили оружие, он коллекционировал оружие. Но он сомневался, что так можно хоть куда-то попасть...

– В движении?

– Так точно...

Кран со скрипением – начал вращаться...

– Это лучшие снайперы – вставил, подойдя поближе один из иракских офицеров, решивших рискнуть

Кабина уже сделала полный оборот.

– У вас не должно быть лучших – сказал Саддам – все должны быть лучшими.

– Так точно...

Прогремел выстрел – и в этот момент. Николай услышал новый, настороживший его звук. Хлесткий хлопок.

Трос!

– Стоп!

Оператор крана не понял, кабина продолжала вращаться. Потом – лопнул еще один трос... и конструкция не выдержала...

Саддам даже не понял, что произошло. Его водитель бросился к нему – но советник был быстрее, намного быстрее. Что-то выкрикнув, он толкнул президента в сторону. И в этот момент – кабина с грохотом упала...

Пыль... Крики.

Кто-то из офицеров выхватил оружие. Может, готовый стоять за раиса до конца – а может, и готовый ловить момент...

Ничего не видно.

Саддам начал подниматься. Кто-то уже схватился за оружие, образовалось что-то вроде кучи-малы. Его телохранитель, сильный как обезьяна, раскидал всех и пробился к своему обожаемому Раису...

– Джайед! – крикнул Раис, и уже спокойнее повторил – джайед⁴¹

Телохранитель, увидев пистолет в чьей то руке, зарычал, как хороший сторожевой пес, выхватывая свой

– Джайед – повторил президент

В полной тишине – рядом поднялся на ноги русский. Все молча ждали слова Раиса

– Проводя учения – сказал Саддам – вы должны заботиться о том, что солдаты, которые готовы отдать жизнь за Ирак, не отдали их здесь. Немедленно почините это.

...

– Я рад, что русские товарищи оказывают нашей армии столь важную помощь – помедлив, сказал Саддам – я приказываю всем учиться у советских искусству войны. Это касается всех. Только так, мы сможем сделать Ирак по-настоящему сильным.

⁴¹ добро. Это слово и в самом деле было одним из любимых у Саддама, он повторял его постоянно

Президент снова выдержал паузу и закончил, глядя прямо в глаза русскому. Николай тогда не знал, что резко кому удастся смотреть вот так вот, в глаза Раиса – Раис был подозрителен и обычно это плохо кончалось.

– Свой храбростью ты испустил свою небрежность, русский.

Случившееся – имело очень серьезные последствия.

Саддам Хусейн был человеком самолюбивым, и как и все восточные диктаторы – обожал неожиданные и жесткие решения. Ему нужен был кто-то, кто знал не понаслышке о действиях специальных сил и мог бы передать эти знания ему – и кто-то, кому он мог бы доверять. Для него, как и для любого араба – было очень важно лично и очень щедро отблагодарить человека, который оказал лично ему большую услугу, тем более – рисковал для него жизнью. Русский, если он советник в частях коммандос – вполне мог быть тем человеком, которого он искал. К тому же – Саддам верил в свой особый путь как мусульманина и в том, что Аллах – одаряет его особой милостью, посылая на его пути нужных ему людей. В случившемся – он увидел знамение Аллаха...

На обратном пути – Хусейн был необычайно задумчив и мрачен, что напугало даже водителя – обычно президент не был таким. Он приказал везти себя не во дворец, а в штаб-квартиру СОБ, службы общей безопасности рядом с ипподромом Багдада. В этом месте – Саддам появлялся довольно редко, предпочитая вызывать спецслужбистов на совещание во дворец.

Новость о происшествии, произошедшем с Саддамом на территории воинской части близ Кербелы – уже достигла Багдада и ушей нужных людей. Когда Саддам вышел из машины – во дворике его встречал сам Исмаил Убаиди, начальник службы и главный контрразведчик Ирака. Он был довольно молодым человеком с бледной от нездорового образа жизни кожей. От него пахло табаком, пылью и кровью.

– Сам Аллах спас вас, наш Великий Раис! – начал он свою речь.

Хусейн остановился и посмотрел ему прямо в глаза

– Откуда ты знаешь, что произошло, Исмаил? – спросил он

Главный контрразведчик – застыл как статуя, по спине тек холодный пот. Он понял, что в порыве верноподданнических чувств совершил ошибку, которая может стать для него роковой. Если он так быстро узнал о произошедшем – это могло означать лишь одно: заговорщики позвонили ему и сказали, что план покушения провалился. Саддам – не верил совершенно никому, и достаточно порой было малейшего подозрения – чтобы оказаться в тех самых подвалах, в которые он с такой легкостью отправлял других. пытками в Ираке – заведовал армейский бригадир Омар Хатыб по прозвищу Аль-Муазиб, что означало «мучитель». Их обязанности с Убаиди плотно граничили друг с другом: Хатыб занимался диссидентами и заговорщиками, а Убаиди иностранным шпионажем и организованной подрывной деятельностью. Поскольку каждый хотел выделиться – они с упоением вставляли друг другу палки в колеса – и если Убаиди оступится, Хатыб придумает для него совершенно особенные пытки. Может, он даже будет лично пытать его.

Надо было выпутываться

– О саиди раис, мне позвонили мои люди и сообщили о произошедшем. Они есть в каждой части и не выполняют свой долг.

– Они не выполняют свой долг – сказал президент – иначе бы на меня не свалился сегодня вертолет!

– Саиди раис, виновные в недосмотре будут жестоко наказаны лично мною.

Президент ничего не ответил, а только сделал знак следовать за ним.

Они вошли в здание. Внутренний караул – вытянулся, отдал честь. Президент – толкнул первую подходящую дверь – это оказалась допросная и к счастью, она была пуста. Президент присел на место, где должен был сидеть допрашивающий – и Убаиди не оставалось ничего,

кроме как сесть на место, где должен был сидеть допрашиваемый шпион. Настоящих шпионов – здесь мало кто видел, и за неимением таковых ловили иракцев, которые что-то неосторожно сказали про Израиль. Они конечно же были еврейскими шпионами.

Президент смотрел прямо в глаза человеку, сидящему напротив. И видел перед собой того, чья глупость немного не дотягивала до его верности. К сожалению – найти верного и одновременно умного человека почти невозможно. А если такого найдешь – его нельзя поднимать наверх. Иначе – он рано или поздно будет сидеть в твоём кресле.

Приходится работать вот с такими. Раис знал, что Убаиди – наркоман и обожает маленьких девочек. Правда, умеет держать себя в руках.

– Америка шпионит за нами? – спросил президент

– Конечно! – воскликнул Убаиди – еще как шпионит.

– А Израиль?

– Постоянно шпионит, Саид раис! У меня полны камеры израильских шпионов!

– Это хорошо. А русские шпионят за нами?

Убаиди смешался

– Да... Саид Раис – неуверенно сказал он

Указание не трогать русских – поступило лично от Саддама во время заседания Совета революционного командования, когда обсуждали вопрос о сотрудничестве с СССР. Но сказать об этом сейчас – было равносильно самоубийству.

– У тебя есть хоть один американский шпион – сказал Саддам – настоящий американский шпион? Тот, который из Америки?

У Убаиди – такого не было. Посольство США в Багдаде – не было большим, потому что Багдад не сотрудничал с США так, как примеру это делали сауды. И станция ЦРУ в Багдаде – не была большой и не работала активно. До самого недавнего времени – Ирак не входил в сферу интересов США – а сейчас пытаться кого-то вербовать было уже поздно. Шпионские сети – вяжутся задолго до таких событий, как взрыв на Абкуйке, и когда такое дерьмо случается – они у тебя либо есть, либо нет...

– Нет, Саид Раис... – сказал Убаиди, потупив взор

– Это плохо – строго сказал Раис – ты говоришь, что Америка шпионит за нами, а у тебя нет ни одного американского шпиона.

– Они шпионят из посольства – нашелся Убаиди – мы не можем их задержать, но если Саид Раис позволит...

– Что?

– Мы могли бы сделать автомобильную аварию... – потупил очи начальник иракской контрразведки

– Дурак! – припечатал раис – о таких вещах не просят разрешения! Если бы ты это сделал, а потом пришел бы ко мне просить прощения, я бы тебя простил, потому что ты сделал это ради меня. Но нет, у тебя и у таких как ты – хватает ума просить прощения только тогда, когда вы совершите ошибку и причините мне беспокойство.

Убаиди промолчал, потому что не знал, что сказать.

– Ты должен найти мне американского шпиона – требовательно сказал президент – настоящего американского шпиона из Америки. Учти, если это будет не американский шпион, я потеряю и доверие и терпение. Когда ты найдешь такого шпиона – ты приведешь его ко мне во дворец – но так, чтобы ни один человек об этом не знал. И ты будешь хорошо обращаться с этим шпионом, пока он не поговорит со мной.

– Слушаюсь... – выдохнул Убаиди. Он не знал, где найдет этого проклятого шпиона – но это дело подчиненных, а не его самого. Пусть ищут, где хотят.

– Теперь про русских. Ты должен найти тех, кто шпионит и должен найти доказательства того, что шпионят. Но так, чтобы русские не почувствовали себя оскорбленными и не отказались от сотрудничества. Если они почувствуют – ты ответишь.

– Слушаюсь... – второй раз сказал Убаиди.

– И да... есть один русский

Раис описал внешность русского, который спас его на базе командос Захра. Тем самым он спас жизнь контрразведчику базы – Убаиди намеревался его расстрелять, сварганив дело о покушении на Раиса.

– Узнай кто он. Какие его взгляды. Опасен ли он.

– Слушаюсь... – в третий раз сказал Убаиди

Президент поднялся

– Докажи мне что ты и твоя организация – еще чего-то стоите – сказал он и вышел

На улице – его ждали оба сына, старший и младший. Удей и Кусей. Кусей – командовал специальным подразделением Амн аль-Хаас, президентской охраны. Удей – командовал Федаинами Саддама, чем то средним между советским ДОСААФ и китайскими хунвейбинами. Кусей отличался скромностью, почти не показывался на публике. Удей – был настоящим отморозком и психопатом, на нем – уже было не одно убийство. Он коллекционировал спортивные машины, и Саддам был этим недоволен.

– Отец! – Удей успел первым

– Прочь! – Саддам оттолкнул руку – прочь, пока я окончательно не рассердился

Он выразительно посмотрел на Феррари, на котором Удей передвигался сегодня.

Кусей тоже решил приблизиться. Саддам внимательно посмотрел на него.

– Почему, когда мне грозит опасность, тебя и твоих людей всегда нет рядом – сказал президент, прекрасно понимая, что это он сегодня утром – приказал охране не ехать за ним.

После чего – президент влез в Мерседес и приказал везти себя к парку Зура, к зданию центрального аппарата партии БААС – и там же был личный президентский аэродром Мутанд. Ни один из сыновей – не решался за ним последовать.

За линией фронта. Западный Иран. Операция Мухаджир-1. 18 июля 1988 года

Линия фронта осталась позади еще затемно, Они проскочили ее в том месте, где по данным разведки находился стык двух иранских полков, один из которых являлся армейской частью, а другой принадлежал Корпусу стражей исламской революции. Это было место, где бесплодная глинистая пустошь уступает место невысоким холмам. В этом месте – иранцы пытались поставить передовой пост наблюдения – но несколько артиллерийских налетов заставили их отказаться от этого намерения. Аэродром – был дальше и правее и иранские летчики – предпочитали выходить к линии фронта по прямой, по максимально короткой и простой траектории. Они не были профессионалами – профессионалов давно перебили в этой жестокой войне. Но даже и без поддержки с воздуха, осыпаемые градом снарядов и ракет – дикие персы не сдавались...

Старший лейтенант Реза Гхадири тоже был персом – но жил в Ираке и был офицером иракской армии. Он любил Саддама, восхищался им и не мог понять как эти проклятые фанатики не могут понять – что им никогда не победить сокрушительную иракскую армию, направляемую гением военного искусства. Во время операции Кербела-5 ему и его солдатам удалось обойти безумцев с фланга и коротким, стремительным ударом захватить крупнокалиберный пулемет. Развернув его на сто восемьдесят градусов – он окатил негодяев градом пуль, поджег гусеничный бронетранспортер и оставил позицию только при появлении танков. В госпитале – его навести сам Саид Раис – он получил орден, а заместитель министра обороны предложил ему перейти в полк коммандос. Другого выхода у него не было – они понесли тяжелые потери и отошли на реформирование...

Он посмотрел на часы – у них теперь были одинаковые часы, русские, со светящимися стрелками. Чуть больше двадцати минут до высадки – они должны пройти безумно сложным путем, пройти три маяка, выставленных лазутчиками и выйти прямо к цели...

Их отряд – был засекреченным – один из отрядов Президентской гвардии, элитного воинского подразделения, подчиненного непосредственно Саиду и нацеленного на захват стратегически важных объектов. Последний год – их усиленно тренировали для вертолетных десантов – и вот сегодня им предстояло показать, на что они способны.⁴²

Сейчас – старший лейтенант сидел на одном из сидений, установленных по правому борту вертолета SA.341 Газель югославского производства. Машина – летела где-то в районе ирано-иракской границы, но с иракской стороны. Под ними – были болота аль-Фао, страшное, гиблое место, единственное преимущество которого в том, что сплошной линии и фронта тут нет.

Каждый из восьми вертолетов, которые летели в едином строю, были сняты с такого важного дела как охота за танками и переоборудованы в малые транспортные. Переоборудование заключалось в том, что справа и слева – были установлены четыре довольно длинные алюминиевые панели с самодельными ремнями, на которых могли размещаться и люди и снаряжение. Семьсот килограммов полезной нагрузки – не так много, но достаточно для четырех человек

⁴² Мало кто знает, что у вторжения Ирака в Кувейт в 1991 году была и та часть, которая провалилась, а именно – захват эмира Кувейта. Согласно планам спецназ, на двадцати вертолетах Ми-8 должен был десантироваться прямо в центре эль-Кувейта, окружить дворец Эмира и удерживать позиции до подхода иракской бронетехники. Вероятно, план провалил сам Хусейн: он позвонил эмиру по личному телефону и спросил: завтракаешь? Когда эмир ответил утвердительно, Саддам сказал: клянусь Аллахом, ужинать в своем дворце ты не будешь. Отношения были уже напряженными – и эмир поспешил в аэропорт, по пути приводя в готовность армию и части ПВО. Вошедшие в воздушное пространство Кувейта вертолеты с иракским спецназом были обстреляны и большие половины из них было сбито еще до эль-Кувейта или непосредственно над городом.

со снаряжением, включавшим в себя два пулемета ПКМ⁴³. В Ирак – такие пулеметы поступили совсем недавно, и ими была вооружена только Президентская гвардия. Такие пулеметы – стреляли таким же патроном как и винтовки⁴⁴ и пробивали стены и машины насквозь. Пулемет и рюкзак с боеприпасами – стояли между двумя стрелками, надежно притороченные широким ремнем.

Помимо пулемета, у лейтенанта был и автомат. Это был не привычный, грубоватый, но надежный Табук, а совсем новый, советский автомат АК-74. У него был непривычный, легкий, кажущийся несерьезным пластиковый магазин и треугольный металлический приклад, а так же гранатомет. Он стрелял более легкими, но и более точными пулями, которые не убивали человека сразу – но тяжело ранили его и причиняли сильные мучения. Патроны эти были более легкими, они на своем опыте убедились, что их можно было взять в полтора раза больше, чем старых патронов⁴⁵. Подствольный гранатомет – давал возможность обстреливать врага гранатами на расстояние до трех сотен метров – никогда раньше он не пользовался таким удобным и современным оружием.

Светлело. Под ногами – едва видимые в предрассветной тьме стремительно неслись болотные заросли. Чахлые пальмы на островках, длинные каналы, бурая растительность. Здесь жили мааданы, болотные арабы, внушающие всем остальным арабам мистический ужас от того, что они не боялись воды и спокойно плавали по ней.

Он вспомнил как он сам – первый раз погрузился в воду. О, Аллах, какой ужас! Он, баасист, военный – испытал такой ужас, что на какой-то момент ему показалось, что он умер. Но инструктор вытащил его – упражнение заключалось в том, что минуту надо было провести под водой, погрузившись в нее с головой. И сказал, что через два месяца он будет плавать как рыба.

Места эти были страшные. Во время последнего наступления – персы, покарай их Аллах – разместили танки на переправочных средствах, на самодельных огромных плотках, на паромках – и бросили в наступление там, где никто не ждал танков. Только благодаря этой хитрости, а так же предательству некоторых мааданов – им удалось подобраться к Басре на расстояние полета артиллерийского снаряда. Потом их остановили. Военные саперы тогда подготовили к затоплению нефтяные поля Басры – но этого не потребовалось.

Границу – не государственную, а ту, что сложилась в ходе последнего наступления он увидел в первых лучах солнца. Они немного отставали от графика, должны были пройти ее еще до рассвета. Граница – виделась редким дымом костров, замаскированными, сырыми окопами – местность здесь была болотистая, сырая и в окопах было по колено воды, он знал это, потому что и сидел в таких окопах, и брал их штурмом. Технику тоже не было видно – первая линия окопов это пехотинцы, максимум что у них есть это гранатометы. Танки расположены в нескольких километрах от линии окопов, рассредоточены и замаскированы, еще дальше – расположены самоходные артустановки. Все это – затянута масксетями и вкопано в землю – но они знают точное их местоположение, поскольку русские дали им спутниковые снимки, чтобы точнее проложить маршрут.

⁴³ В Ираке – в это трудно поверить, но это так – при Саддаме на вооружении армии не было единого пулемета совсем. Использовали легкий РПК. Связано это видимо с тем, что Саддаму производство ставили югославы, а они сами освоили ПКМ только в конце 80-х

⁴⁴ Аль-Кадиссия. Интересно, что ставили производство югославы – но эта винтовка сделана по схеме Драгунова, а не Калашникова, хотя в самой Югославии – делают винтовку схемы Калашникова, хоть внешне и похожую на СВД

⁴⁵ Одно время – в девяностые – активно велась дискуссия на тему, какой калибр лучше: 7,62 или 5,45. Сам автор считает, что все же 5,45 и это мнение не только его, но и десятков профессионалов. В том числе и по ту сторону океана – 5,45 попал в Америку и стал там настолько популярным, что местные фирмы выпускают оружие под него. К приведенным выше аргументам добавлю, что траектории пуль 7,62*54 и 5,45*39 очень схожи, что дает уникальные возможности нашей армии: боец, подготовленный на автомат – может при необходимости заменить пулеметчика и результативно работать.

Кто-то заметил их – но сейчас заканчивался намаз и вряд ли кто из рафидитов был на своих местах. Запоздалая строчка пулеметных трассеров потянулась к ним, когда вертолеты уже почти скрылись за горизонтом.

Аллаху Акбар.

В груди лейтенанта сжался тугой клубок, он начал мысленно отсчитывать время, с того времени, как их обстреляли. Сейчас время намаза. Пока кто-то догадается позвонить по телефону или сообщить по радиии о пролетевших над линией фронта вертолетах, пока кто-то догадается, что это означает, пока поднимут перехватчики – если те еще есть. В отличие от Ирака, Иран находился в полной блокаде, и сколько было у него исправных самолетов – не знал никто. В то же время как они, получив недавно новенькие истребители МиГ-29, сильно поправили свои дела в воздухе...

Но он все равно продолжал считать.

Под ногами мелькнула дорога, по ней – жуком ползла какая-то машина, сильно похожая на те, которые были у них.⁴⁶Если бы они были за линией фронта – они бы просто так забили эту машину снабжения, но сейчас – у них было дело поважнее. Так что ... – лейтенант усмехнулся – живи.. Он знал, что водителем скорее всего мобилизованный местный или пацан – фанатик из ополчения, умеющий водить.

Лейтенант усилием води заставил себя не смотреть на часы.

На горизонте – нарастала цепь невысоких гор – горы Загрос. Невысокие, разлапистые – они служили здесь естественным препятствием и естественным оборонительным плацдармом. Что хуже того – у Ирака были отличные, мощные радары но они не засекали самолеты взлетающие с аэродромов по ту сторону гор и они, перейдя на сверхзвук – внезапно появлялись над линией фронта.

Русские товарищи – дали снимки гор и показали. Где находятся действующие передовые посты ВНОС – воздушного наблюдения оповещения, связи. Остается надеяться, что они не напутали там ничего...

Они проскочили над какой-то просыпающейся деревней, вертолеты уходили вверх, в горы. Потом они проскочили перевал и начали спускаться вниз. Горы не были заселены, люди не хотели жить там, где идет война. Под ними проскочила еще одна деревня, необитаемая – дыма из труб не было...

Еще дорога.

Какой-то город справа.

Вертолеты прижались к земле еще сильнее.

И тут – он увидел длинную полосу, разрисованную чем-то, но с высоты полета вертолета однозначно опознаваемую как взлетная полоса. Длинная, прямая, пятнистая, с обеих сторон огороженная какими-то валами. Справа – был виден какой-то внедорожник, спереди – небольшие, на вид нескладные холмы земли – а на полосе только начинал движение остроносый, с короткими крыльями Фантом...

Летевший впереди вертолет окутался дымом от стартующих НУРСов – и он понял, что они вышли напрямиком к авиабазе персов...

Лейтенант передернул затвор своего русского автомата – и тот, кто сидел рядом с ним сделал то же самое.

Канонерский вертолет ушел вправо – он должен был любой ценой остановить взлет истребителя и разрушить полосу – а они продолжали лететь дальше. В свете пробуждающегося дня –

⁴⁶ Армии Ирака и Ирана в основном были оснащены автомобилями советского производства и стран Восточного блока. У Ирака было много советских ЗИЛ и даже ЗИС. ГДРовская ИФА и венгерская РАБА. У Ирана – сколько то американских грузовиков, РАБА, польский Стар.

они увидели, что холмы – никакие не холмы, а заваленные землей ангары, увидели они под ногами и острый нос Фантома, выпирающий из ангара...

Иранский Фантом! смертельно опасный в воздухе – и беззащитный на земле. Жаль, что нет в руке гранаты. Лейтенант ударил вниз длинной автоматной очередью – и увидел как от машины, словно спасающийся от охотников шакал рванул техник.

С дальнего края авиабазы – открыла огонь зенитная установка и их пилот стремительно нырнул вниз. Они увидели мельтещащие фигурки... у чего-то, напоминающего замаскированную ракетную установку. Их было отлично видно... только стреляй. Лейтенант снова прицелился и открыл огонь... они были все ближе и ближе... были видны острые носы ракет... он увидел, как струя трассеров сбита на землю солдата, как полз как раздавленный жук другой. Потом – ракеты пронеслись у них под ногами... грохнула граната. Кто-то из них – догадался

Еще одна полоса!

Эта взлетно-посадочная полоса тоже была странного бурого, в коричневых и светло-голубых пятнах – и он вдруг понял, что иранцы просто выкрасили ее, чтобы с воздуха ее не было видно... ее и не было видно, если не лететь метрах в пятнадцати над землей. Пилот бросал вертолет из стороны в сторону, они пролетели полосу, капониры с другой стороны были все ближе и ближе. Вертолет стремительно нырнул вниз.

– Вперед!

Тяжелый рюкзак давил на плечи, ноги затекли – но он бежал как конь, выкладываясь на все сто. С вышки – открыл огонь часовой, он слышал свист пуль – но пули его не задели, и он вбежал в метровое пространство обваловки капонира. Держа наготове автомат, стал пробираться к дорожке, которая вела к ВПП. На ней были макеты деревьев...

Он увидел, как высунулся из капонира иранец и дал короткую очередь... иранец не было вооружен, но он был враг и он мог быть смертником. Продвигаясь дальше – он вбежал в капонир. Есть! Прикрытый маскировочной сетью, в капонире стоял истребитель – бомбардировщик Фантом. Еще один! Двухместный, с кривым носом и короткими, почти треугольными крыльями.

В его рюкзаке – были две диверсионные мины, он сбросил рюкзак и достал одну, держа автомат наготове. Русский показал ему, как держать автомат, когда одна рука занята – и он был благодарен за учение.

Мину он бросил под брюхо самолета, там были двигатели. Потом – длинной очередью расстрелял нос самолета, потратив все, что было в магазине. Ему сказали, что если даже мина не взорвется – самолет все равно будет выведен из строя, потому что в носу сосредоточена дорогая электронная начинка, без которой он работать не будет.

– Иншалла...

Это слово – произнеслось как то само собой. Так говорил его дед, когда завершал какое-то важное дело. Он, как военнослужащий Президентской гвардии и сознательный баасист – так, конечно, говорить не должен.

Что-то взорвалось справа – но он не понимал, что. Бой, заранее отрепетированный на заброшенном иракском аэродроме – стремительно превращался в череду беспорядочных стычек, когда все били во всех.

Он попытался перейти в следующий капонир и не смог. Иракцы, выставив пулемет, простреливали всю бетонную дорожку. Судя по частому грохоту – немецкий MG-3, очень скорострельный.

Он вспомнил... вспомнил те занятия, которые вел русский – подствольный гранатомет стреляет такой же гранатой, но он может забросить ее куда дальше, чем это сделает ваша рука. Так... гранату внутрь... до шелчка. Предохранитель... теперь прицел. Русский показывал, как стрелять навесом – он говорил, что у каждого солдата теперь будет свой, маленький миномет.

Но он забыл, как пользоваться прицелом. И черт с ним. Он выскочил из-за угла капонира – и нажал на спуск.

Дуракам везет. Совершенно неприцельно пущенная граната – по траектории угодила в стенку капонира, осыпав всех осколками...

Толкнуло в плечо – так сильно, что он от неожиданности едва удержался на ногах. Но пулемет заглох, он больше не стрелял – и старший лейтенант, крича от радости, ударил по тому месту из автомата, чтобы добить уцелевших.

Когда он перезаряжал – за спиной раздался топот. Он увидел сержанта Мусу, тупую скотину, который родился в той же провинции что и Раис, и от этого считал Раиса чуть ли не родственником. В руках у него был пулемет.

– Ты где был, ишак?

– Там. Капитан сказал защитить полосу!

– Надо взорвать самолеты! Иди теперь впереди!

Откровенно говоря, лейтенант подозревал, что сержант просто струсил – он был плохим солдатом и плохим баасистом из крестьян. Но разбираться не было времени.

Они пробежали немного вперед, капониры были расположены в шахматном порядке – и тут показались иранские солдаты.

Их было много, десятка полтора – и у них был винтовки G3, длинные германские винтовки, очень мощные, но неудобные. Это могли быть как кадровые солдаты армии шаха, так и резервисты. Первым – не совсем доверяла новая власть аятолл и отправляла их на такие дела как охрану аэродромов. Вторые – честно говоря были пушечным мясом в затянувшейся мясорубке войны. Части на передовой воевали Калашниковыми, такими же как у иракцев, часто – у них и захваченных во время предательских отступлений. Воевать Калашниковым было очень хорошо по многим причинам, начиная от того, что можно забрать боеприпасы у врага и заканчивая тем, что автомат не отказывал в сыром месиве болот. Но на всех этого оружия не хватало – и мобилизованные получали G3 из мобилизационного резерва армии.

Значит, это или хорошие солдаты, или плохие.

– Стреляй придурок!

Муса замешкался – а лейтенант упал вправо и застрочил из своего автомата. Он видел, как очередь разбросала двоих или троих, потом Муса застрочил из пулемета, неловко упав на землю – и открыли огонь остальные. Лейтенант, перекатываясь, как учили на тренировках – достиг таки второго укрытия, только на последнем метре он почувствовал, как пуля обожгла спину. А вот Муса не поднялся...

Оказавшись в безопасности, лейтенант сменил магазин – и увидел, как через проход, из-за его спины бьет пулемет. Это были Али и его брат Салих, одни из тех, с кем он атаковал иранские терминалы в море. У них не было ПК – но был ручной пулемет, который они с толком применяли в дело, прикрывая продвижение друг друга.

Они знали, что делать. Ни слова не говоря, лейтенант открыл огонь по бьющим почти в упор из-за укрытия третьего капонира, стрелкам, а двое братьев, подхватив пулемет и пулеметчика – затащили в укрытие.

– Мертв... – определил Али и повернул Мусу к Мекке – с именем Аллаха, милостивого и милосердного.

– Что происходит?

– Обе полосы наши. Но дальше не пройти. Два вертолета сбили, остальные удалось посадить.

– Это плохо...

– У тебя есть?

– Да... прикрой.

Али ловко разместил бомбу, расстрелял нос самолета.

– Еще один.

– Ты ранен, брат...

Лейтенант не чувствовал себя раненым, только спину жгло.

– Мы должны выполнить приказ... слушайте приказ.

– Давайте, я вас перевяжу.

– Нет... Бери пулемет. Пойдем вместе.

– У меня есть гранаты.

– Есть кое-что получше. Я ударю из этого – лейтенант показал на свой гранатомет – вы пройдете и убьете всех там.

– Вы должны остаться в живых – сказал Муса – вы наш командир.

– Молчать. Погибнуть за Ирак... слава. Готовьтесь.

Муса кинул руку к голове, отдал честь. Затем – обернулся к Али и его брату, показал, что нужно делать. Забрал пулемет ПК и остаток боеприпасов, какие оставались у Мусы в рюкзаке. И они поползли...

Когда дальше было не пройти – они услышали за спиной крик

– С именем Аллаха!

Ракета пролетела прямо над их головами – и на нее ответил град огня, две или три винтовки, и тот самый пулемет, проклятая иранская машина смерти. Не видя, что происходит за спиной, Муса полз вперед.

И когда пулемет прекратил огонь и прикрывая его – часто застрочили винтовки – он вскочил. С пулеметом наперевес.

– Галба!!! – зачем-то заорал он. На иракском это означало «проститутки», может, он так хотел оскорбить своих врагов.

А врагов – он видел. Редко так кому-то удавалось увидеть своих врагов, живыми и сражающимися – как он видел их сейчас. В ужасе окопной войны ты чаще всего видел трупы – свои и чужие...

Враги оказались не такими, как он их представлял. Несколько человек, они были плохо обмундированы, чуть ли не в обноски и на них были каски, вымазанные смесью песка и белой краски – они часто так делали на передовой, чтобы каски меньше выделялись на фоне земли и не были видны для снайперов. Трое стреляли, еще двое – меняли ленту в пулемете. Они скрывались за мешками полевого укрепления – но полевое укрепление было развернуто в другую сторону, и защита от его пуль – у них была плохая.

Они открыли огонь одновременно – эти, с винтовками, и он. Но они почему то не попадали – а он попал. Длинная очередь пулемета – смела их всех, и пулеметное гнездо было теперь свободно, а вместе с ним – и отличный сектор обстрела, в который попадало и штабное здание.

Он оказался в укрытии первым, потом подбежали Али с братом и Ибрагим. Ибрагим дозарядил пулемет иранцев – и они открыли огонь по штабу, по ангарам, по приангарным площадкам, истребляя все что видели.

Лента закончилась и надо было сменить – только руки были как чужие. Он с трудом сменил, Ибрагим хлопнул его по плечу

– Брат, ты ранен!

Он отмахнулся. Какая сейчас разница...

Через две недели – он увидел Саддама.

Это был военный госпиталь в Басре, иракской Венеции, куда его, и других уцелевших после безумной, самоубийственной атаки на иранский аэродром далеко за линией фронта – эвакуировали вертолетчики. После того, как они выполнили задание – в живых осталось меньше половины, и вертолетов, чтобы выбраться назад – тоже не было. К их счастью – в одном из капониров стоял грузовик, видимо используемый для хозяйственных работ по аэродрому –

на нем то им и удалось выскочить. К счастью – они избежали встречи с подходящими к аэродрому поднятыми по тревоге Стражами исламской революции (эти рафидитские собаки еще смели что-то говорить про ислам) – а дальше они растворились в иранской глуши. В этих местах – земля не родила и потому – никто не жил, перехватить их – могли только по удаче. Потом они – вышли на штаб и дали свои координаты – а ночью прилетел вертолет. У них обычно ночью вертолеты не летали, а тут прилетел. Они оставили машину, погрузились на вертолет и тот – перебросил их на территорию Ирака, еще раз миновав линию фронта на предельно малой. Муса был в сознании, он лежал у самой кабины и запомнил, на каком языке говорил пилот. Он говорил на русском.

Потом его отвезли в госпиталь. Раны оказались не такими тяжелыми, как можно было ожидать, но на месяц он был прикован к кровати. Усугубляло положение жара и высокая влажность. Кондиционера у них в палате не было.

Палата была на четырех человек, но наступлений не было и тут лечился кроме него один лейтенант – он был ранен во время одной из многочисленных вылазок, которые устраивали обе стороны. Потом его выписали – и Муса теперь лечился один.

Кондиционер так и не подключили. Раны заживали плохо из-за плохих лекарств. Как сказал один из выздоравливающих – главврач больницы пускает лекарства налево, а чтобы не было недостачи – смешивает антибиотик с мелом.

Как обычно, в тылу не было ничего хорошего...

Главного врача звали Абдалла, что значит – раб Аллаха. Он был не иракец – сын переселенца, которого привезли сюда англичане из Северо-Западной пограничной провинции с тем, чтобы закрепиться тут навсегда. Не закрепились. Когда англичане ушли – такие вот переселенцы остались, ненависть к ним поубавилась – но все равно, все отлично помнили, кто из какой семьи происходит, и кто настоящий араб и бедуин, а кто – нет.

Хотя бы он был мусульманином. Хотя мусульмане – не обворовывают других мусульман, тем более больных.

От нечего делать они сидели во дворе – арабы, они знали, что солнце способствует выздоровлению. Больших операций на фронте не было и потому больница была полупустой. Муса подружился с Гулябом, механиком – водителем БМП, серьезно раненым во время операции Кербела-7. Одного из наступлений, которые унесли много жизней и с той и с другой стороны и ничего не принесли. Война уже давно жила своей жизнью... более сильный в военном отношении, но вдвое меньший по населению Ирак и фанатичный, с разгромленной революцией армией, с фанатиками – муллами и вдвое большей численностью населения Иран – сошлись в смертельной схватке. Все остальные государства Залива понимали, что победив Ирак, Иран не остановится, и поэтому помогали Ираку, но ровно настолько, чтобы он не выходил из войны. В победе – никто заинтересован не был.

В один прекрасный день – в госпитале началась суэта. Главврач, проводивший в госпитале по два – три часа – теперь метался по коридорам и палатам как угорелый. Он привел каких-то людей – судя по тому, как он к ним обращался, родственников – и они наскоро делали косметический ремонт. Потом – их всех начали вызывать врачи, делать какие-то анализы. У него – выкачали целый стакан крови – от усердия.

Прошел слух, что приезжает министр обороны Шеншалл...

Главврач собрал их всех и сильно орал, сказал, чтобы они все были выбриты и судна в палатах – были чистыми все время. Он будет проверять – и если это будет не так, виновные – заплатят. Как именно – он не уточнил.

В одно утро – весь госпиталь встал на уши и Муса понял – приехали.

Первыми – прибыли части Республиканской гвардии и встали на всех этажах здания. Командовал ими подтянутый подполковник, узнав, что здесь лежит раненый из Республикан-

ской гвардии – он зашел в палату. Подполковник был темный лицом, подтянутый и на боку у него был советский автомат с коротким стволом.

– Как твое имя? – спросил он – из какой ты части?

Муса представился, как положено.

– Лежи, не вставай... – подполковник сел на край кровати и протянул початую пачку сигарет Голуаз – будешь?

Муса взял сигарету

– Так ты и есть тот самый, кто участвовал в налете на аэродром.

– Да, эфенди...

Подполковник расхохотался

– Рафидиты как обезумели. Сначала они ввалили что ничего не было. Потом – подбросили на наши позиции головы пленных и сказали, что это в отместку за аэродром. Ха-ха-ха...

...

– Мы сделали то же самое, только отрезали вдвое больше голов. Потом их мулла что-то вылил и сказал, что нам все гореть в аду. Так что поправляйся. Думаю, тебя ждет награда в Багдаде. Ты герой, может даже тебе подарят дом.

– Мы делали это не ради дома, эфенди...

– Но дом все таки лишним не будет, верно...

– Эфенди подполковник, а кто к нам приезжает?

Подполковник заговорщически подмигнул и показал глазами на потолок.

– У окон не стой. Думаю, ты его увидишь, он захочет повидать такого героя как ты. Я скажу пару слов про тебя.

Примерно полчаса было тихо – если это можно было назвать словом «тихо» – а потом в коридоре раздался шум от множества ног.

Сначала вошли вооруженные люди, быстро, в несколько секунд осмотрели палату. Потом – — сопровождаемый людьми, в накинутом на форме белом халате появился...

Муса вскочил и...

Видимо, то ли от волнения, то ли от головокружения – все-таки он не вылез из конца – он пошатнулся и упал на кровать. Два человека – моментально помогли ему встать.

Перед Садамом Хусейном.

Саддам был ниже ростом, чем он думал – впрочем, это нормально, думать что отец нации выше всех. У него была темная кожа, усы с наметившейся сединой, внимательные, черные глаза, упрямый подбородок.

– Как твое имя, солдат? – спросил Раис

– Муса, Саиди Раис!

– Когда ты был ранен?

Муса назвал дату.

– Так ты один из тех, кто совершил налет на аэродром и уничтожил на земле иранские самолеты... – сказал Раис

– Так точно, Саиди Раис.

– Сколько солдат погибло в том бою?

– Я не знаю, Саид Раис. Из моих друзей погибло трое.

Саддам знал о налете – это была одна из первых реальных проверок иракского десантного спецназа, подготовленного советскими инструкторами. Морские коммандос уже показали все, на что способны, теперь настала очередь специального десанта. Иранцы понесли очень тяжелые потери: они находились под санкциями, и поврежденные взрывами и огнем самолеты восстановить будет сложно или даже невозможно – запасных частей нет. По данным разведки –

на земле было уничтожено более десятка Фантомов. Это очень хорошо – особенно в свете расширяющихся бомбардировочных рейдов на Кум и Тегеран.

Раис осмотрел солдата, стоящего перед ним. Нахмурился

– Почему на тебе такая старая одежда?

– Это хорошая одежда, Саиди Раис.

– Она старая. Тебя хорошо лечат?

– Меня хорошо лечат, Саиди Раис.

– Тогда почему ты до сих пор не выздоровел.

Раис повернулся и прошел к стене. Поковырял пальцем свежую штукатурку. Мусу поразило, как люди мгновенно расступились в тесной палате – буквально брызнули в стороны. Наверное, так и должно быть. Потом – попытался включить кондиционер, он как назло не включился.

– Что это? – спросил Раис, ковыряя стену

– Эфенди Раис, это... ти мновыныве и судна в павлатах – бюули гали Ираку, но ровню нрастолько, что революцией армсией зашел в палату

– Собака!

Раис ударил подошедшего главврача в лицо, а когда тот упал – выхватил из кобуры пистолет. Охрана и доктора отшатнулись

– Мы заплатили за твое обучение, а ты смеешь мне лгать, подлая свинья. Как ты лечишь раненых? Сколько лекарств ты украл, чтобы продать их на черном рынке?!

...

– Думаешь, я не знаю!? Ты обворовываешь иракский народ!

Доктор – возился на полу и скулил.

– Пощадите... ради Аллаха, пощадите...

– Не смей упоминать Аллаха, несчастный.

Раис опустил пистолет.

– Ты будешь лечить этого героя так, как если бы лечил моего брата. И если он не выздоровеет – ты отдашь свою жизнь за него!

– Я... все сделаю, Саиди.

– Приведи больницу в порядок. Используй на это те деньги, которые ты украл! Мои люди – еще навещают в больницу и не один раз. Если здесь будет то же самое – ты знаешь, какое наказание полагается за это. И не только ты, но и вся твоя семья.

– Я... обещаю, Саиди.

– Прочь с моих глаз!

Лежавший на кровати Муса видел глаза их главврача – поразился, сколько страха и загнанной ярости в них было. Может, Раис и не увидел последнего – но он, фронтовик – понял это безошибочно.

Доктор – прополз к выходу из палаты, меж расступившихся ног охраны.⁴⁷ Раис, сменивший гнев на милость, спрятал пистолет в кобуру.

– Посмотрим другие палаты... – сказал он

Раис с сопровождающими покинул палату, но один из военных, в полковничьей форме – остался, достал блокнот, ручку

– Имя, звание. Где служил?

⁴⁷ Сцена такого содержания действительно имела место в иракском госпитале и действительно была освещена всеми иракскими СМИ. Автор лишь немного приукрасил, в частности сцена с пистолетом. Саддам не доставал пистолет просто так, достав его, он начинал стрелять.

На следующий день – все центральные иракские газеты вышли с огромными заголовками: «Гнев Вождя по поводу плохого лечения раненого героя.»

Главный врач – через какое-то время пропал, а больницу привели в порядок местные власти. Поставили кондиционер, появились хорошие лекарства. Через какое-то время – уже поправившегося Мусу вызвали в Багдад и наградили орденом. После чего предложили перейти из Республиканской Гвардии в Амн аль-Хаас, президентскую охрану. Выше чести не было. Конечно же, Муса сразу согласился.

Ирак, Багдад. Посольство СССР в Ираке. 18 июля 1988 года

Запрос президентского дворца о направлении конкретного советского офицера для помощи в переподготовке личной охраны президента Амн аль-Хаас – произвел в советском посольстве эффект разорвавшейся бомбы. И это еще мягко сказано.

Цагоев – находился в Басре, точнее – севернее Басры в рядах действующей армии. Ирак – стал полигоном для проверки новых систем вооружений и отработки некоторых тактических методов – Афганистан не мог им стать, потому что там шла война против банд, а не против другой армии. Из Багдада – за ним послали целый самолет – Ан-32 находившийся «под ж...» главного военного советника в республике Ирак, генерала А. И. Мокроуса. Сам генерал Анатолий Иванович Мокроус – названивал своим «контактам» во дворце, пытаясь узнать, в чем дело – собственно говоря, за эти контакты его и вышвырнули из Ирака в восемьдесят втором, стараниями Международного отдела ЦК КПСС и лично его заведующего Б. Н. Пономарева⁴⁸. Сейчас – стараниями Соколова и Алиева его вернули и он делал все, что мог – но во дворце удивлялись прихоти Саддама не меньше самого советского генерала. Надо сказать, Саддам сделал все, чтобы информация о произошедшем на базе коммандос Захра – не просочилась наружу...

Сейчас – Цагоев сидел в приемной Мокроуса, стоически выдерживая косые взгляды других ждущих приема офицеров – его форма была грязной и пахло от него, как от дохлого верблюда: попали под обстрел, пришлось хорониться в канаве. Но ему было глубоко плевать – в конце концов, его посылало сюда ГРУ и отозвать – могло тоже только ГРУ.

Коротко подстриженный адъютант, больше похожий на телохранителя – вышел из кабинета, остановил взгляд на Цагоеве, кивнул.

– Простите... – полковник, с черными пятнами области подмышек начал подниматься со стула – назначено мне.

– Анатолий Иванович занят – равнодушно сказал адъютант, выделяя каждое слово...

Дверь – радовала торчащим из-под кожзаменителя поролоном – ее привезли из СССР, опасаясь, что иракцы подсунут сюрприз. В кабинете было тепло. Кондиционер – советский БК1500 – кашлял как туберкулезный больной.

– Товарищ генерал...

Главный военный советник налил себе чая из термоса. Чай был горячий, судя по парку. Не глядя на вошедшего – выпил.

– Что у тебя там... творится. Запрос читал?

Собственно, Цагоев знал про то, что произошло. Но потянуть время не мешало.

– Никак нет, только что прибыл из-под Басры, товарищ генерал.

– Так почитай!

Цагоев приблизился к столу. Пробежал витиеватый арабский текст – он уже прилично разговаривал, но писать справа налево так и не научился. Вторым листком был подколот перевод, напечатанный с ошибками на скверной машинке

– Разрешите доложить?

– Докладывай... если есть чего.

Цагоев коротко доложил, что произошло. Скворцов... теперь уже Зарубин – сидел в машине рядом с аппаратом ГВС. Его тоже нашли – но по правилам субординации ГВС непо-

⁴⁸ Борис Николаевич Пономарев ненавидел Хусейна и сделал все для обострения отношений между СССР и Ираком в начале восьмидесятых – причем против позиции и МИД и Минобороны. Случившееся является примером того, как один бесконтрольный человек может нанести очень большой вред.

средственно его на доклад вызывать не стал. Приукрашивать ничего не стал – как было, так и доложил.

– Кран? – переспросил Мокроус, наливая себе еще чая...

– Так точно. Большой грузоподъемности – уточнил Цагоев

Генерал – толкнул чашку по столу к подчиненному. Это было негласным предложением мира.

– Лучше бы этот вертолет ему на башку упал – сказал он – инициаторы хреновы. Ты знаешь, что собирают совещание в посольстве?

– Никак нет.

– А вот собирают.

– Разрешите.

– Да говори, чего там.

– Какое отношение к этому имеет посольство?

– Какое? А вот представь – этот вертолет, который твой дурак подвесил на кран – упал бы на голову президента страны и убил бы его. Ты хоть понимаешь, что это такое?

– Товарищ генерал – гнул свою линию Цагоев – визит главы государства в часть подготовлен не был, убрать не успели. Новый тренажер для стрельбы из неустойчивых положений – только проходил испытания. К тому же – мой офицер проявил мужество и находчивость, спасая главу иракского государства даже рискуя собственной жизнью.

– Ну, ну. Вот это – ты в посольстве и скажешь – генерал посмотрел на часы, снял трубку, крутанул один раз – Сергей, машину...

Николай – ждал своей судьбы в Ланд Круизере Цагоева, стоящего на стоянке здания аппарата ГВС. Через тонированное до предела окно – увидел, как вышли Цагоев и ГВС с двумя телохранителями. ГВС сел в свой внедорожник, Цагоев подбежал к своему, сел за руль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.